

П.Софинов

*Страницы
из жизни*
Э.ДЗЕРЖИНСКОГО

П . С О Ф И Н О В

СТРАНИЦЫ
ИЗ ЖИЗНИ
Ф.Э.ДЗЕРЖИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1956

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Глава 1.</i> НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	3
<i>Глава 2.</i> В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ (1899—1917 гг.)	17
<i>Глава 3.</i> ГЕРОИ ОКТЯБРЯ	43
<i>Глава 4.</i> НА СТРАЖЕ ЗАВОЕВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	57
<i>Глава 5.</i> В ГОДЫ МИРНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	103
<i>Глава 6.</i> СМЕРТЬ НА БОЕВОМ ПОСТУ	126

СОФИНОВ Павел Георгиевич

Страницы из жизни Ф. Э. Дзержинского

Редактор *М. Гильгулин*

Оформление художника *А. Кобрин*

Художественный редактор *Г. Семиреченко*

Технический редактор *Ю. Мухин*

Ответственный корректор *Н. Вифляева*

Сдано в набор 25 сентября 1956 г. Подписано в печать 13 ноября 1956 г.
 Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 4. Условн. печ. л. 6,56. Учётно-изд. л. 6,64.
 Тираж 200 тыс. экз. А 12559. Заказ № 1882. Цена 1 р. 50 к.

Государственное издательство политической литературы.
 Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

3-я типография «Красный пролетарий» Главоплитграфпрома
 Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

Глава I

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

I

В 1875 г. учитель математики и физики Таганрогской гимназии, поляк по национальности, Эдмунд Руфим Дзержинский вышел в отставку и поселился с семьёй в небольшом родовом имении Дзержиново, Ошмянского уезда, Виленской губернии. Здесь и родился 30 августа (11 сентября) 1877 г. Феликс Эдмундович.

Детские годы Феликс провёл в деревне. Он жил в одноэтажном домике родителей, стоявшем на самой опушке густого леса, в котором мальчик вместе со своими старшими братьями и сёстрами любил собирать ягоды и грибы.

Феликсу было около пяти лет, когда от воспаления лёгких умер его отец. Вся забота о семье пала на плечи матери — Елены Игнатьевны. Женщина большой, благородной души, имевшая прекрасное домашнее образование, владевшая несколькими иностранными языками, любившая музыку и литературу, Елена Игнатьевна Дзержинская полностью отдалась воспитанию детей.

Отец Феликса, хотя и значился в сословии дворян, имел небольшое хозяйство. Имение, насчитывавшее 92 десятины неплодородной, песчаной земли, сдавалось в аренду за 42 рубля в год. Семья Дзержинских, в которой кроме Феликса было ещё семеро детей, жила в трудных условиях и часто испытывала нужду. Жить приходилось на скудную пенсию, получаемую от казны за многолетний и безупречный труд отца.

Несмотря на постоянные заботы по хозяйству, Елена Игнатьевна уделяла детям много внимания. В длинные осенние вечера при свете керосиновой лампы она

рассказывала сыновьям и дочерям о тяжёлой, бесправной жизни польского, белорусского и литовского народов, о кровавой расправе царских палачей с повстанцами 1863—1864 гг., после которой почти не осталось семьи, в которой не оплакивали бы погибших отцов, братьев, сыновей.

Летом после трудового дня в тёмные, тихие вечера, когда небо покрывалось звёздами, а от реки тянуло прохладой, семья Дзержинских обычно собиралась на крыльце дома. Маленький Феликс склонял голову на колени старшей сестры Альдоны и, затаив дыхание, слушал рассказы матери. Эти душевные беседы оставили неизгладимый след в сознании мальчика. Вспоминая детские годы, Ф. Э. Дзержинский писал в 1914 г., что рассказы матери сыграли решающую роль в том, что он впоследствии «пошёл по тому пути, по которому шёл...»¹.

В 1887 г. Феликс был отправлен на учёбу в виленскую гимназию. Он обладал большими способностями, особенно по математике, истории и языку. Однако гимназия, с её схоластическим преподаванием, с муштрой, с постоянным издевательством учителей и администрации над поляками и литовцами, внушала юноше глубокое отвращение. Живой, впечатлительный, он с юных лет поражал своей непримиримостью к несправедливости, ко всякому злу, от кого бы оно ни исходило. В 1894 г., будучи гимназистом седьмого класса, он вступил в школьный социал-демократический кружок саморазвития, а спустя год стал членом литовской социал-демократической организации. С помощью старших товарищей он изучает марксистскую литературу, принимает активное участие в работе кружков ремесленной и фабричной молодёжи. Обучая рабочую молодёжь, он сам овладевает марксизмом. Учение Маркса и Энгельса указало ему правильный путь революционной борьбы. Не национальная ограниченность, не слепая ненависть ко всему русскому, которыми были заражены многие польские и литовские интеллигенты, а пролетарский интернационализм стал руководящим началом в его революционной деятельности.

¹ «Молодая гвардия» № 10—11, 1937 г., стр. 255. Документы, цитируемые без ссылок, взяты из фонда Дзержинского, хранящегося в научно-издательском отделе Главного архивного управления СССР.

В 1896 г. Феликс Эдмундович ушёл из гимназии, считая, как говорил он, что «за верой должны следовать дела и надо быть ближе к массе и самому с ней учиться».

Поселился Дзержинский на квартире вместе с одним молодым рабочим. Работал переплётчиком, отдавая всё свободное время революционной работе. Он быстро вошёл в рабочую среду и завоевал в ней большой авторитет.

90-е годы XIX в. в России характеризуются значительным ростом массового рабочего движения. По неполным данным, с 1895 по 1899 г. в забастовочном движении участвовало свыше 220 тыс. человек. В Петербурге под руководством В. И. Ленина образовался «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Социал-демократические организации стали возникать и в других промышленных центрах России. В Вильно, где в этот период работал Ф. Э. Дзержинский, также наступила полоса бурных экономических забастовок. Ф. Э. Дзержинский становится одной из руководящих фигур развернувшегося движения. Это не осталось в тайне для виленской полиции. Дзержинский вынужден был на время покинуть город. По поручению партии он в марте 1897 г. уехал для налаживания подпольной работы в промышленный город Ковно. Виленские рабочие устроили Дзержинскому тёплые проводы. Прощаясь с друзьями, Феликс Эдмундович выразил горячее желание встретиться с ними «на поле борьбы».

В Ковно насчитывалось к этому времени несколько тысяч промышленных рабочих. Здесь были два чугунолитейных завода, восемь заводов металлических изделий, паровые мельницы, лесопильные и мыловаренные заводы, табачные и спичечные фабрики. Однако рабочие не были организованны, жили замкнуто, социал-демократической организации не существовало.

Поступив на работу в переплётную мастерскую, Дзержинский начал устанавливать связи с рабочими. Это было нелёгким делом, но молодого революционера не смутили трудности. Он становится активным агитатором, организатором забастовок, печатает и распространяет листовки, посылает корреспонденции в подпольные рабочие газеты «Роботник литовски», «Эхо рабочей жизни», сам печатает на гектографе первый номер «Роботник ковеньски». В своих статьях он показывает тяжёлое положение

рабочих на ковенских предприятиях. В статье «Фабрика Шмидта» он рассказал о бесчеловечной эксплуатации рабочих, об отсутствии охраны труда, о бесчисленных штрафах, издевательствах над женщинами и детьми. Он описывает трагическую гибель рабочего Китцельмана, которому приводным ремнём раздробило голову. Фабрикант отделался 500 рублями, выданными жене покойного.

Призывая рабочих к борьбе за свои экономические права, Дзержинский настойчиво напоминал о главной задаче пролетариата — политической борьбе с самодержавием. «Политическая свобода,— писал Ф. Э. Дзержинский,— наш главный лозунг в борьбе с правительством... Положив конец господству царизма, мы впоследствии также положим конец господству капиталистов...».

Работа Ф. Э. Дзержинского и организованного им небольшого кружка передовых рабочих сказалась в том, что стачки участились и стали носить более организованный и упорный характер. Впоследствии в автобиографии Ф. Э. Дзержинский писал о своей работе в Ковно:

«Здесь пришлось войти в самую гущу фабричных масс и столкнуться с неслыханной нищетой и эксплуатацией, особенно женского труда. Тогда я на практике научился организовывать стачки».

Ковенская полиция заметила перемены, происшедшие среди рабочих. Не было сомнения, что в Ковно появился активный пропагандист и организатор. Встревоженные жандармы уговорили одного 17-летнего подростка выдать полиции руководителя ковенских рабочих. Ему обещали за это 10 рублей, и он выдал. 17 июля 1897 г. на площади, около собора, был арестован худощавый юноша, с тонким энергичным лицом и смелыми серыми глазами. Он не открыл своего имени и назвал себя Жабровским.

Его отвезли в тюрьму.

За решёткой серого каземата вдали от друзей и работы Дзержинский пробыл до весны следующего года. Здесь он встречал Новый год. Впоследствии ему не раз приходилось проводить новогодние ночи в тюремных камерах, но эта первая — тоскливая и непривычная — особенно хорошо запомнилась.

Несмотря на всю тяжесть тюремной жизни, Ф. Э. Дзержинский не унывал, не падал духом. 13 января 1898 г. он писал сестре: «Ты называешь меня «беднягой»,— крепко

ошибаешься... Я уверенно могу сказать, что я гораздо счастливее тех, кто на «воле» ведёт бессмысленную жизнь. И если бы мне пришлось выбирать: тюрьма или жизнь на свободе без смысла, я избрал бы первое, иначе и существовать не стоило бы. Поэтому, хотя я и в тюрьме, но не унываю. Тюрьма тем хороша, что есть достаточно времени критически взглянуть на своё прошлое — а это принесёт мне пользу...»¹.

Находясь в Ковенской тюрьме, Ф. Э. Дзержинский узнал от товарищей о том, что литовская социал-демократическая организация не приняла участия в I съезде социал-демократических организаций России, собравшемся в Минске, и отказалась войти в состав РСДРП. Возмущённый Дзержинский написал резкое письмо тогдашнему лидеру партии Домашевичу, занявшему националистическую позицию. Но сломить эту гибельную линию руководства не удалось. Ему пришлось ещё много месяцев провести в неволе.

Весной 1898 г. определилась дальнейшая судьба Ф. Э. Дзержинского. Его выслали на три года в Вятскую губернию. 29 мая 1898 г. департамент полиции сообщил вятскому губернатору: «Дзержинский высылается на основании высочайшего повеления, последовавшего 12 мая 1898 г. по всеподданнейшему докладу министра юстиции на три года по вменении в наказание предварительного заключения».

Вятская губерния была одним из тех краёв самодержавной России, которые царизм считал наиболее удобным местом для ссылки «неблагонадёжных» лиц. В эту обширную, малонаселённую, покрытую дремучими лесами и болотами губернию уже с начала XIX в. правительство систематически ссылат неугодных царизму людей.

В 1817 г. по знаменитому Сибирскому тракту, тянувшемуся от Петербурга через Вятку до Тобольска, были учреждены этапные пункты. Регулярно раз в неделю под знойным, палящим солнцем, в ненастную осеннюю погоду или в трескучие морозы, под зловещий свист ветра брели партии ссыльных по Сибирскому тракту. Добравшись до этапного пункта, они валились, как подкошенные, на нары и забывались коротким кошмарным сном.

¹ *Феликс Дзержинский, Дневник и письма, «Молодая гвардия», 1956, стр. 87.*

В Вятской губернии было построено множество таких пунктов. Печальный кандалный звон, унылые песни ссыльных целое столетие тревожили вятских крестьян.

Герцен, Салтыков-Щедрин, Короленко, позднее Дзержинский, Дубровинский, Бауман и сотни других провели долгие годы в вятской ссылке. И все, кто побывал в этих краях, с ужасом вспоминали темноту и забитость крестьян, самодурство чиновников, угрюмую и неприветливую природу. «Мне довелось изъездить много русского света,— писал Короленко в «Истории моего современника»,— побывал я и в далёкой Сибири, но такой глуши не видывал...»

И вот в эту глушь «под строгий надзор» полиции был отправлен Ф. Э. Дзержинский. С партией арестованных его сначала везли по железной дороге, потом отправили на барже по рекам Оке, Волге, Каме, Вятке в губернский город Вятку. Трюм, куда загнали арестованных, был переполнен. Отсутствие света, воздуха, бесчисленное множество насекомых создавали невыносимые условия для заключённых. Только 27 июля 1898 г. был, наконец, окончен этот мучительный путь.

Местом «жительства» Дзержинского был назначен городок Нолинск. Ввиду мелководья пароходы по реке Вятке не ходили, и Феликсу Эдмундовичу пришлось 19 дней просидеть в тюрьме. 6 августа он обратился к губернатору с прошением о разрешении ему выехать в Нолинск за свой счёт на первом отходящем пароходике, но без конвоя, так как денег на оплату конвоиров у него не было. После долгих колебаний губернатор, наконец, согласился. Заняв у случайно встреченного земляка 20 рублей и кое-какую одежду, Ф. Э. Дзержинский 15 августа вступил на палубу судёнышка, которое разве только иронически могло быть названо пароходом.

Нолинск был маленьким, пыльным, скучным уездным городком. Но здесь жило несколько ссыльных семейств из Москвы и Петербурга. Дзержинский вскоре познакомился с ссыльными поселенцами.

В одном из тихих домов он снял комнату за 4 рубля в месяц и поступил рабочим на махорочную фабрику. Он много в это время читал, изучал деятельность земств. В письме сестре он сообщал: «Знакомлюсь с деятельностью земств, которых у нас нет ещё до сих пор. Хожу гулять и забываю тюрьму, вернее, забыл уже её, однако

неволи не забываю, так как и теперь не свободен. Но настанет время, когда буду на воле, а тогда они заплатят за всё».

В письмах к родным из Нолинска Ф. Э. Дзержинский очень ярко раскрывает своё революционное мировоззрение. Он с горечью пишет: «Почему пока только я один из нашей семьи вступил на этот путь? Как хорошо было бы, чтобы все!».

Альдона Эдмундовна, нежно любившая брата и помогавшая ему в самые трудные минуты, иногда не понимала его поступков. В одном из писем она упрекнула брата: «Вы не признаёте семьи, чувство ваше сильнее ко всем вообще, нежели к отдельным людям, составляющим семьи». Ф. Э. Дзержинский ответил на этот упрек обстоятельным письмом. Он начал писать его 7 сентября 1898 г., а кончил ввиду беспокойной жизни политического ссыльного только через два месяца — 5 ноября. «Ты говоришь,— писал Феликс Эдмундович,— что я не признаю семьи. О, ты глубоко ошибаешься. Я говорю лишь, что сегодняшняя форма семьи приносит почти исключительно плохие результаты»¹.

И далее Ф. Э. Дзержинский обстоятельно анализирует положение рабочей, крестьянской семьи, которая вечно находится в тяжёлой нужде, положение семьи средних состоятельных классов, где она создаётся «исключительно из коммерческих соображений». Дзержинский резко критикует всю фальшь и лицемерие буржуазной семьи. «Семья зажиточных классов с её проституцией противна»,— пишет Феликс Эдмундович.

Ф. Э. Дзержинский рассматривает общество не «вообще», а как классовое общество. «Никогда я не думал об обществе вообще,— разъясняет он сестре,— а только о рабочем классе, которому я сочувствовал и сочувствую. Я видел и вижу, что почти все рабочие страдают, и эти страдания находят во мне отклик, они принудили меня отбросить всё, что было для меня помехой, и бороться вместе с рабочими за их освобождение...»².

Среди рабочих Нолинской махорочной фабрики честный, благородный юноша быстро завоевал любовь и уважение. Жители рабочих кварталов с восхищением расска-

¹ Феликс Дзержинский, Дневник и письма, стр. 91—92.

² Там же, стр. 94. Первая часть цитаты в цит. сборнике опущена.

зывали о мужестве Дзержинского, презиравшего царя и полицию и спустившего однажды с лестницы полицейского, подсматривавшего за ним через щель.

Вскоре полиция запретила Дзержинскому работать на фабрике. Наблюдение за ним усилилось. Но Феликс Эдмундович и не думал скрывать свои мысли. Он писал сестре из Нолинска: «Ты знала меня ребёнком, подростком, но теперь, как мне кажется, я могу уже назвать себя взрослым, с установившимися взглядами человеком, и жизнь может меня лишь уничтожить, подобно тому как буря валит столетние дубы, но никогда не изменит меня. Я не могу ни изменить себя, ни измениться. Мне уже невозможно вернуться назад. Условия жизни дали мне такое направление, что течение, которое захватило меня, для того только выкинуло меня на некоторое время на безлюдный берег, чтобы затем с новой силой захватить меня и нести с собой всё дальше и дальше, пока я до конца не изношусь в борьбе, т. е. пределом моей борьбы может быть лишь могила».

Нолинский исправник, наблюдавший за Дзержинским, в одном из сообщений губернатору следующим образом характеризовал Феликса Эдмундовича: «Дзержинский — человек вспыльчивый и раздражительный, идеалист, питает враждебность к монархии».

Однажды через Нолинск в Сибирь проходила партия политических ссыльных. Мрачная процессия усталых и голодных, закованных в кандалы узников остановилась для отдыха. Дзержинский организовал для них сбор продовольствия и денег. За эту помощь на Дзержинского обрушились новые гонения.

18 декабря 1898 г. вятский губернатор Клингенберг писал министру внутренних дел: «Состоящие под гласным надзором полиции в Вятской губернии белозёрский мещанин Александр Иванович Якшин и уроженец Виленской губернии Феликс Эдмундович Дзержинский с прибытием во вверенную мне губернию своим поведением проявляют крайнюю неблагонадёжность в политическом отношении и уже успели приобрести влияние на некоторых лиц, бывших до ныне вполне благонадёжными. Из разговоров их можно заключить, что они не прекратили сношений и со своими единомышленниками вне Вятской губернии».

На основании этого донесения губернатор предложил перевести Дзержинского и Якшина на жительство в да-

лѣкий и глухой Кай (северо-восток бывшего Слободского уезда).

Узнав о переводе, Феликс Эдмундович письменно потребовал у губернатора объяснений и категорически отказался покинуть Нолинск. Его схватили жандармы, насильно усадили в сани и увезли.

Жалоба на произвол местной администрации, посланная Дзержинским в правительствующий сенат, не имела успеха. Зато ходатайство губернатора о разрешении применить к Дзержинскому ст. 29 положения о полицейском надзоре нашло живейшую поддержку у министра внутренних дел. Статья эта давала право предварительного просмотра всей корреспонденции, как отправляемой, так и получаемой ссылкой. Не ограничиваясь этим, губернатор предложил начальнику слободской почтово-телеграфной конторы строго следить, не переписывается ли Дзержинский с кем-либо через третьих лиц. В случае обнаружения такого способа связи начальник конторы должен был задерживать и эту корреспонденцию. Так царские чиновники старались всеми силами наглухо изолировать революционера от внешнего мира.

За две сотни вёрст от уездного города среди снегов и угрюмых лесов затерялась маленькая деревушка Кай. Впрочем, когда-то это был город. Он был основан в XVI в., когда здесь пролегал длинный и извилистый путь в Сибирь. Начинаясь в Москве, тянулся он через Ярославль, Устюг Великий, Кай и Уральские горы. В Кайгороде стояли склады соли купца Строганова. Весь городок был обнесён земляным валом, защищавшим население от набегов сибирских татар. Иногда татары подступали к самым стенам города, и тогда начиналась упорная битва.

Весь Кайский край был покрыт лесами да болотами. Сюда, в глухую и дикую сторону, бежали от невыносимого гнёта солдаты и крепостные крестьяне.

Прошли столетия...

Дорогу в Сибирь нашли более короткую и удобную, южнее Кая. Кайгород утратил своё экономическое значение и зачах. В момент приезда туда Дзержинского было там около полсотни серых деревянных домов и две церкви. Одна — старинная, деревянная, другая — более поздняя, каменная.

Крестьяне жили бедно, впроголодь. Однажды к Дзержинскому пришёл крестьянин Соснин.

— Барин,— сказал он, снимая шапку,— будь ласков, дай взаймы денег.

Деиер у Дзержинского было мало. Как политический ссыльный, он получал от казны 4 рубля 50 копеек в месяц на продовольствие и 1 рубль 50 копеек на оплату квартиры. Иных средств у него не было. Но он не отказал крестьянину...

За время пребывания в Кая Дзержинский убедился, что перевода на жительство в другое место, поближе к железной дороге, ему не добиться. Несколько раз он писал губернатору прошения о переводе, ссылаясь на болезнь глаз и необходимость лечения, но неизменно получал отказ. И, когда наступило долгожданное лето, Феликс Эдмундович стал готовиться к побегу. Это было нелегко. Нужно было усыпить бдительность урядника, да и себя подготовить к трудному пути.

Охота являлась в этот период любимым занятием Феликса Эдмундовича. Он надевал высокие болотные сапоги и уходил на целые дни в лес. Часто проводил там и ночи. Урядник вначале подозрительно относился к этим отлучкам и раз даже привлёк Дзержинского к ответственности за то, что тот ушёл за 11 вёрст от Кая. Дзержинский, невзирая на предупреждение, продолжал бродить по лесам, уходя иногда за десятки километров. Урядник махнул рукой, уверенный в том, что ссыльный не рискнёт бежать через глухие кайские леса.

Любил Феликс Эдмундович и рыболовство. С удочками уходил он к озеру Оголево или плыл на лодке по Каме к хорошо известным ему рыбным местам. Иногда отплывал далеко, километров за 30—40. Как-то кайский крестьянин А. И. Чесноков, встретив Дзержинского за 40 вёрст от Кая, спросил у него:

— Что так далеко уехали рыбу ловить?

— Дальше лучше ловится,— ответил, улыбаясь, Дзержинский.

С кайскими крестьянами у Дзержинского завязались самые дружественные отношения. Чуткий и отзывчивый Феликс Эдмундович помогал жителям глухого села всем, чем мог. Крестьянин Ефим Фёдорович Филимонов рассказывал, как однажды, отправляясь на покос, встретил он на берегу Камы Дзержинского и Якшина, о чём-то горячо споривших. Они пришли ловить рыбу, но, увлечшись спорами, совсем забыли об удочках. Увидев Филимонова,

Дзержинский пригласил его присесть, но Ефим Фёдорович отказался: дело было к вечеру, собирались тучи, а скошенное сено лежало несобранном.

— А много у вас скошено? — спросил Феликс Эдмундович.

— Да с божьей помощью как-нибудь справлюсь к вечеру, вот только бы дождь не помешал, — ответил крестьянин, поглядывая на тучи.

Тогда Дзержинский собрал удочки и, пригласив Якшина, пошёл вместе с Филимоновым в луга. Втроем они сумели сложить сено в копны до дождя.

— Ну вот, — сказал Феликс Эдмундович, — обошлись и без божьей помощи...

Крестьяне села Кайгородского называли Дзержинского (для простоты произношения) Василием Ивановичем и обращались к нему за помощью и советами. Умело и убедительно агитировал их 20-летний революционер. Он знал заботы и нужды крестьян и умел находить сильные, действенные слова. Иван Васильевич Тарасов, служивший в ту пору ночным сторожем, рассказывает в своих воспоминаниях, как, познакомившись с Дзержинским, услышал от него новые, незнакомые и волнующие слова о свободе. Молодой, неграмотный крестьянин впервые узнал, что церковь помогает богачам, насаждает невежество и темноту.

Вокруг Дзержинского образовался кружок крестьянской молодёжи, жадно слушавшей его речи и читавшей революционную литературу.

Деревенские ребята нашли в молодом революционере умного и чуткого друга. Часто собирались они на лужайке перед домом Лузянина, и Феликс Эдмундович рассказывал им увлекательные истории и сказки.

Взрослые крестьяне приходили к Дзержинскому с жалобами на неправильные действия начальства и притеснения богачей. Дзержинский писал им прошения. Узнав об этом, слободской уездный исправник назначил следствие, которым было установлено, что Феликс Эдмундович написал в различные судебные учреждения прошения от имени крестьян: Новиковой Ольги Павловны, Софина Дмитрия Александровича, Чеснокова Гавриила Григорьевича и Шанциных Василия и Григория. При этом было выяснено, что «Дзержинский платы с посетителей никакой не брал и в дом к ним не ходил, а последние сами приходили к нему на квартиру».

Вятский губернатор, которому доложили о результатах следствия, предложил возбудить против Дзержинского «как уличённого занятиями адвокатурой, ему не разрешённой», судебное дело.

Жизнь в ссылке становилась для Дзержинского с каждым днём мучительней. Ни охота, ни рыболовство, ни беседы с крестьянами не могли заглушить страстного желания быть на свободе и продолжать борьбу с царизмом.

В августе 1899 г. он решился на побег. За день до побега попросил свою квартирную хозяйку Прасковью Никитичну Лузянину приготовить ему сливочного масла, хлеба и других продуктов, чтобы хватило дней на десять. Всё это Феликс Эдмундович сложил в кузов, сплетённый из бересты, и стал расплачиваться. Хозяйка удивилась:

— А зачем же деньги, Василий Иванович? Вернётесь — рассчитаемся.

— Нет, я не хочу быть должником, — ответил Дзержинский и отдал деньги.

Хозяева догадались, что Дзержинский собирается все не на рыбную ловлю.

— Ну, ладно, — говорила потом Прасковья Никитична мужу, — пусть бы за масло и хлеб заплатил, а за кузов зачем? Ведь он может назад принести? Говорю ему, он смеётся. Я, отвечает, брошу его, когда надоест... возьмите деньги. Нет, наверно, задумал Василий Иванович бежать, уж очень грустный в последнее время, всё о чём-то думает...

Лузянины решили никому не говорить о своих подозрениях.

Рано утром 28 августа Феликс Эдмундович отправился на лодке в далёкий путь, вниз по Каме.

Это был трудный побег. За сотни километров по реке нельзя было встретить человеческого жилья. Кругом болота да суровый лес. Однообразная природа оживала вечерами, когда заходящее солнце причудливо озаряло верхушки деревьев. Но с наступлением темноты лес как будто сдвигался, берега скрывались во мраке и река настойчивым журчаньем предостерегала об опасности.

Утлая лодчонка, на который плыл по реке Феликс Эдмундович, не останавливаясь, скользила по воде. Огромные деревья, стоящие на берегу, тревожно шумели. Казалось, они удивляются беспримерной храбрости отважного беглеца.

На следующий день после побега из Кая Феликс Эдмундович остановился у знакомого лесника — Фоки Сергеевича Частикова, жившего на берегу Камы при впадении в неё речушки Поруша. Отдохнув у него немного, он двинулся дальше. А через несколько дней к леснику прискакал на взмыленной лошади пристав.

— Держинского не видел? — спросил он торопливо.

— Как же, видел. А что случилось?

— Ну, говори быстрее, где видел?

— А у озера Ад. Он там рыбу ловил.

Урядник повернул лошадь и помчался назад.

Лесник насмешливо глядел ему вслед...

Озеро Ад лежит в глубоком лесу, и поэтому вода его всегда кажется зловеще чёрной. В озере водится много рыбы, но добраться до него нелегко: вокруг расположены болота и глубокие предательские трясины. Вот почему в далёкие времена и называли его таким именем. Оно лежало на 30 с лишним вёрст южнее домика лесника, а Держинский плыл в другую сторону, вниз по реке, всё дальше и дальше удаляясь от места ссылки.

Не обнаружив Держинского у озера Ад, пристав села Кайгородского сообщил о побеге слободскому уездному исправнику. Тот в свою очередь рапортовал 7 сентября 1899 г. вятскому губернатору:

«Пристав 5 стана Слободского уезда Шевелев рапортом от сентября 1899 г. за № 4 донёс мне, что 28 августа того же года уроженец Виленской губернии Феликс Эдмундович Держинский, состоя, на основании предписания вашего превосходительства от 9 июня 1898 г. за № 1344, под гласным надзором полиции в Кайгородском селе по обвинению в государственном преступлении, самовольно отлучился из места настоящего своего жительства вниз по течению реки Камы, будто бы в гор. Нолинск... Приметы Держинского следующие: рост средний, волосы на голове и бровях светлорусые, лицо чистое, бороды и усов нет.

Сообщив нолинскому исправнику об аресте Держинского в случае прибытия этого лица в город Нолинск и о высылке его оттуда мерами полиции ко мне и приняв меры к розыску Держинского по городу Слободскому и уезду его, имею честь донести о вышеупомянутом вашему превосходительству».

Предположение полиции об отъезде Дзержинского в Нолинск было основано на показаниях крестьян Кая, которые, догадываясь, что Феликс Эдмундович бежал в Польшу, решили затянуть розыски и указали на Нолинск. Показания эти были довольно правдоподобны, если учесть, что в Нолинской колонии ссыльных жило много товарищей Дзержинского, по которым он сильно соскучился. Этим и объясняется довольно мягкий отзыв слободского исправника о бежавшем: «Поведение Дзержинского в месте надзора за ним являлось удовлетворительным, противозаконного влияния этого лица на местное население не замечено. Не имеющий определённых занятий, он крайне тяготился состоянием его под полицейским надзором, чему немало способствовало вообще отдаление этой личности от среды подобных ему поднадзорных и отсутствие в Кайгородском селе интеллигентного общества».

Недальновидный исправник думал, что Дзержинский, соскучившись по «интеллигентному обществу», отправился самовольно в Нолинск и скоро будет возвращён обратно. Две недели розысков в Нолинском и Слободском уездах не привели к ожидаемым результатам. Тогда и слободской исправник и вятский губернатор поняли, что Дзержинский бежал. 15 сентября губернатор сообщил о побеге и принятии мер к розыскам губернаторам Виленской, Казанской, Вологодской, Костромской, Пермской, Уфимской губерний и московскому обер-полицмейстеру. Одновременно было послано сообщение министерству внутренних дел. Министерство, подчеркнув факт побега Дзержинского, сосланного за «революционную пропаганду среди ковенских рабочих», 29 сентября предложило особому отделу включить имя Дзержинского в циркуляр о розыске. 30 октября 1899 г. особый отдел департамента полиции разослал по всей России циркуляр, перечисляющий приметы Феликса Эдмундовича. В случае задержания его предлагалось: «обыскать, арестовать и препроводить в распоряжение вятского губернатора, уведомив о сем департамент полиции».

Весь полицейский аппарат пришёл в движение, но розыски ни к чему не привели.

Глава 2

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ (1899—1917 гг.)

I

Удачно совершив свой первый побег из ссылки, Ф. Э. Дзержинский вновь окунулся в активную революционную работу.

К моменту его возвращения в Вильно литовская социал-демократическая организация вела переговоры об объединении с националистической Польской социалистической партией (ППС). Предупреждение Ф. Э. Дзержинского, сделанное ещё в 1898 г. в письме из Ковенской тюрьмы Домашевичу, не возымело действия. Главари литовской социал-демократии, заражённые буржуазным национализмом, предпочли блокироваться с оппортунистической ППС. Возвращение Дзержинского из ссылки вызвало тревогу у её руководителей. Опасаясь влияния Ф. Э. Дзержинского на виленских рабочих, они попытались «сплавить» его за границу. Но Феликс Эдмундович и не думал покидать пределы России. Он приобрёл подложный паспорт и уехал в Варшаву.

Социал-демократическая организация Варшавы была к этому времени разгромлена полицией. Существовали только Бунд и ППС. Многие рабочие, примкнувшие к ППС, были недовольны шовинистической политикой своих руководителей и рвались к активной революционной борьбе вместе с русским пролетариатом. В лице Дзержинского они увидели подлинного руководителя. Феликс Эдмундович начал энергичную борьбу за возрождение социал-демократической организации. Он выступает на собраниях рабочих, печатает листовки, в которых разъясняет задачи польского рабочего движения и разоблачает буржуазно-националистическую позицию ППС. Активную помощь Ф. Э. Дзержинскому оказывает молодой талантливый учащийся рисовального училища Антон Россол.

Для подготовки агитаторов Ф. Э. Дзержинский организовал три кружка среди сапожников и пекарей, один среди столяров и один среди металлистов. Занятия в этих кружках проводил сам Дзержинский. Не было ни одного дня, чтобы Феликс Эдмундович не присутствовал на каком-либо собрании рабочих, а в праздники он часто принимал участие в 4—5 собраниях.

«Я должен был сам,—вспоминал он впоследствии,—и писать, и агитировать, и завязывать связи с интеллигенцией и гектографировать».

Дзержинский написал популярную статью, в которой подверг критике ППС и говорил о задачах польской социал-демократии. Этот реферат рабочие-агитаторы переписывали от руки и распространяли по всей Варшаве.

В сравнительно короткий срок Ф. Э. Дзержинскому удалось отколоть от ППС сапожников, а затем целые группы столяров, металлистов, кожевников, булочников. В горячих спорах с пепеэсовцами группа социал-демократов, возглавляемая Дзержинским, всегда выходила победительницей.

В декабре 1899 г. Ф. Э. Дзержинский приехал на несколько дней в Вильно для установления связи между социал-демократией Польши и виленской социал-демократической организацией. На совещании социал-демократов Вильно он энергично настаивал на необходимости вести борьбу против национализма, за объединение польской и литовской социал-демократии.

Возвратившись в Варшаву, Феликс Эдмундович 6 (18) января 1900 г. провёл нелегальное собрание рабочих на Промысловой улице. Он разъяснял рабочим необходимость объединения польских социал-демократов с РСДРП для совместной борьбы против царизма.

23 января (4 февраля) 1900 г. на квартире рабочего-сапожника Грациана Маласевича было назначено очередное нелегальное собрание рабочих. В своём выступлении Ф. Э. Дзержинский показал, что только совместная борьба польских и русских рабочих может привести к освобождению Польши от ига царизма. В момент выступления Ф. Э. Дзержинского на квартиру Маласевича нагрянула полиция. Десять участников сходки, в том числе и Дзержинский, были арестованы. В ночь с 23 на 24 января был арестован на своей квартире и друг Дзержинского Антон Россол.

В полиции Ф. Э. Дзержинский назвал себя вымышленной фамилией и отказался сообщить адрес квартиры, в которой он жил. Подлинная его фамилия была скоро установлена, но адрес, несмотря на все старания, жандармам так и не удалось узнать. Гектограф, который полиция надеялась обнаружить на квартире Дзержинского, остался неразысканным.

Своих политических взглядов Дзержинский не скрывал. Он заявил, что он по своим убеждениям — социал-демократ и взгляды его на социальные вопросы изложены в составленных им и отобранных у него при обыске программе и в другой рукописи.

Действительно, при аресте у Ф. Э. Дзержинского были изъяты: номер нелегального органа СД Польши «Справа работница» («Рабочее дело»), книга Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», рукописный конспект «Очерк программы социал-демократии Царства Польского», рукописная тетрадь «Наше отношение к борьбе за независимость Польши», гектографированная прокламация к рабочим фабрики Брохиса. Эти материалы со всей очевидностью показывали политическую направленность его деятельности.

Начальник варшавского губернского жандармского управления в одном из своих донесений отмечал, что Дзержинский задался целью организовать среди рабочих новую партию под названием «Рабочий союз социал-демократии Царства Польского». «Эта новая партия, по программе Дзержинского, ставила своей целью соединение рабочих всей России в один общий союз и при помощи революции ниспровержение верховной власти и устройство конституционного правления, а затем переустройство всей страны в духе социалистического строя»¹.

II

После предварительного допроса в полиции Ф. Э. Дзержинского 23 января (4 февраля) 1900 г. заключили в пресловутый десятый павильон Варшавской крепости, а затем перевели в Седлецкую тюрьму. Его бросили в угрюмую, с маленьким окошечком одиночную камеру. Кормили

¹ «Красный архив» № 3(16), 1926 г., стр. VII.

плохо. В письме сестре Феликс Эдмундович сообщал: «Кормят тут так, чтобы не умереть от голода, за 7½ копеек в день, воды — сколько угодно и даром, в деревянных бочонках».

В тюрьме Феликс Эдмундович заболел туберкулёзом. Отвратительное питание, отсутствие свежего воздуха, тоска по свободе и активной, живой деятельности подтачивали его здоровье. Измождённый, усталый, он ходил по камере, плотно стиснув губы. На его высоком лбу появились глубокие морщины. Но природный юмор не покидал Феликса Эдмундовича. «Вообще мне кажется,— писал он сестре,— что по внешности я становлюсь похожим на старую деву». Однако во время кратких прогулок по тюремному двору, когда Дзержинский вступал в горячий спор со своими политическими противниками, он весь преображался. «Выражение моих глаз становится таким страшным для моих противников,— писал он,— что некоторые не могут тогда смотреть мне в лицо».

Дзержинского в этот период особенно тревожило состояние здоровья его друга Антона Россола. Юноша угасал на глазах. Туберкулёз прогрессировал, и больной не мог уже двигаться. Протесты перед администрацией тюрьмы, требования отправить Россола в больницу не помогали. Только тогда, когда 20-летний узник стоял уже на пороге смерти, его отправили в Ковно, к матери, которая также была выслана из Варшавы. Здесь и скончался молодой польский революционер.

Состояние здоровья Феликса Эдмундовича сильно встревожило его родных. Дзержинский, как мог, успокаивал их. «Силы духа у меня хватит ещё на тысячу лет, а то и больше»,— писал он в октябре 1901 г. Однако в этом же письме он пишет: «Кто так живёт, как я, тот долго жить не может. Я не умею наполовину ненавидеть или наполовину любить. Я не умею отдать лишь половину души. Я могу отдать всю душу или не дам ничего».

Эти замечательные слова, написанные за тюремной решёткой, лучше всего характеризуют его благородное, чистое сердце. Он имел полное право сказать о себе: «...Я всей душой стремлюсь к тому, чтобы не было на свете несправедливости, преступлений, пьянства, разврата, излишеств, чрезмерной роскоши, публичных домов, в которых люди продают своё тело или душу или и то и другое вместе; чтобы не было угнетения, братоубийственных

войн, национальной вражды». Он с гордостью заявлял, что его ближним является каждый трудовой человек, без различия национальности.

Два года провёл Ф. Э. Дзержинский в Седлецкой тюрьме. 31 декабря 1901 г. (13 января 1902 г.) ему объявили под расписку «высочайшее» повеление о высылке под надзор полиции в Восточную Сибирь сроком на 5 лет. К этому времени было уже намечено и место ссылки — Вилюйский округ, Якутской области, но Дзержинскому об этом не сказали: царские сатрапы не упускали возможности помучить арестованного неизвестностью. Расписавшись на полицейской бумаге, Феликс Эдмундович написал сестре: «Меня радует, что уже через пару месяцев я буду вне тюрьмы, ибо тюремные стены так опротивели мне, что я не могу уже хладнокровно смотреть на них, на своих сторожей, на решётки и т. д.».

5(18) января 1902 г. Ф. Э. Дзержинский был направлен этапом в Московскую центральную пересыльную тюрьму для последующего препровождения в Сибирь. 10(23) января, в день прибытия этапа в Москву, Дзержинский был заключён в Часовую башню Бутырской тюрьмы. Несмотря на болезнь, он быстро познакомился с товарищами по тюрьме и уже на следующий день — 24 января — принял участие в манифестации заключённых, организованной в связи с отправкой в Сибирь очередной партии каторжан. Из окон Часовой башни неслись прощальные приветы увозимым товарищам. Крики заключённых были настолько сильны, что обращали на себя внимание проходящих по улицам москвичей. За участие в манифестации Ф. Э. Дзержинского на месяц лишили права переписки и свиданий.

В середине февраля 1902 г. Дзержинского отправили по этапу в Александровский централ (в 60 км от Иркутска), откуда осуждённых развозили уже по местам ссылки. Здесь, в Александровском центре, произошло выступление политических заключённых, в котором Ф. Э. Дзержинский принял самое активное участие.

События в центре развивались следующим образом. В начале мая 1902 г. Ф. Э. Дзержинский получил письмо и открытку. На конверте письма и на открытке было написано карандашом: «в Вилюйский округ, находится в Александровской пересыльной тюрьме. 553». Дзержинский

справедливо предположил, что эти надписи — полицейские справки, которые чиновники забыли стереть при вручении писем. Он сделал вывод, что его отправляют в Вилуйск¹, и поделился своими соображениями с товарищами. Остальные заключённые, которым не сообщались места их высылки, поняли, что это делается сознательно тюремным начальством. 4(17) мая они потребовали объявить им места ссылки, но администрация тюрьмы отказалась удовлетворить просьбу, ссылаясь на отсутствие сведений. Тогда политзаключённые вытолкнули из тюремного двора надзирателей, забаррикадировали ворота, вывесили два красных флага с надписью «свобода» и объявили, что не пустят никого из администрации во двор тюрьмы, пока не будет удовлетворено их требование. В этот момент во дворе находилось 48 политических и 5 уголовных заключённых. Четыре дня, с 17 по 21 мая, продолжалось это своеобразное восстание. Ворота были открыты только после того, как иркутский вице-губернатор лично пообещал исполнить все требования политзаключённых.

В конце мая 1902 г. партию ссыльных, среди которых находился и Ф. Э. Дзержинский, отправили дальше на север. Предстояло проехать ещё тысячи вёрст до места высылки. Стояла холодная, сырая погода. Здоровье Феликса Эдмундовича резко ухудшилось. Во время остановки в Верхоленске его осмотрел местный фельдшер и нашёл, что дальнейшее продвижение опасно для жизни. Фельдшер рекомендовал оставить Дзержинского и его товарища по заключению Сладкопевцева в Верхоленске для «подкрепления сил лечением и отдыхом». Ходатайство фельдшера было удовлетворено.

Отдохнув немного в Верхоленске, Дзержинский и Сладкопевцев решили бежать. 12(25) июня 1902 г., в полночь, они тихо вылезли из комнаты через окно, пробрались к реке и, отыскав лодку, поплыли через быструю и широкую Лену. Это был крайне рискованный побег. Бурное течение реки подхватило лёгкую лодку и потащило вниз, мимо скалистых берегов. С огромным трудом, гребя по очереди, беглецы продвигались к противоположному берегу. В темноте они не заметили небольшого

¹ Ф. Э. Дзержинский не мог тогда знать, что его не собирались оставлять в Вилуйске, а наметили для жительства Морхинский улус.

островка и дерева, склонившегося над водой. Лодка ударила о дерево и перевернулась. Сладкопевцев успел выскочить на берег, а Дзержинский оказался в воде. Намокшее пальто тянуло вниз, ветки, за которые пытался схватиться Феликс Эдмуидович, ломались. С помощью Сладкопевцева ему всё же удалось выбраться на берег. Разожгли костёр, обогрелись.

Наутро, когда холодный туман рассеялся, беглецы заметили просозжавшего на противоположном берегу крестьянина и попросили оказать им помощь. Вскоре прибыла лодка, и двоих смельчаков увезли с острова.

Побег Дзержинского всполошил полицию. Департамент полиции разослал во все концы предписание во что бы то ни стало разыскать «опасного преступника». Но всё было тщетным. Через 17 дней после побега он был уже в Польше, откуда вскоре перебрался за границу.

В начале августа 1902 г. Дзержинский приехал в Берлин. Здесь в это время находились Роза Люксембург, Тышка, Мархлевский, Варский и другие руководители польской социал-демократии. По инициативе Ф. Э. Дзержинского в Берлине была созвана конференция представителей социал-демократии Польши и Литвы. В выступлении на этой конференции Дзержинский требовал активизировать деятельность партии, приступить к изданию боевого партийного органа. Совещание выработало программу работы на ближайший период, решило издавать газету «Червоны штандар» — «Красное знамя» (название было предложено Дзержинским) и «Социал-демократическое обозрение». Ф. Э. Дзержинский был избран в Главное правление СДПиЛ. Ему была поручена организация в Кракове партийного издательства, а также налаживание связей с подпольными социал-демократическими организациями в Польше.

Прежде чем уехать в Краков, Ф. Э. Дзержинский по советам врачей и товарищей решил отдохнуть и поехать в Швейцарию. 26 августа он писал сестре из Лейпцига: «Теперь я на чужбине — в Швейцарии, высоко над землёй, на вершине горы, 1½ версты над уровнем моря... Здесь хорошо, прекрасно, но какая-то тяжесть сдавливает грудь — воздух разрежён и надо привыкнуть к нему; а взор везде встречает препятствие — здесь нет широкого кругозора, кругом горы, и кажется, что ты оторван от жизни, от родины, от товарищей, от всего мира».

Проходя курс лечения в санатории, Феликс Эдмундович ведёт обширную переписку с партийными товарищами, подбирает и отправляет литературу в Польшу.

Вернувшись из Швейцарии в Мюнхен, Ф. Э. Дзержинский решил немедленно отправиться в Краков для выполнения возложенного на него партийного поручения. Однако врачи категорически запротестовали против этой поездки и предложили по крайней мере полгода «поправляться и вести нормальный образ жизни». Пришлось уехать в Галицию, в курортный городок Закопане. «Хочу вылечиться, как можно скорее,— писал Феликс Эдмундович в одном из писем,— я должен быть здоров, должен набраться сил...» Два месяца, проведённые в горах, благотворно повлияли на здоровье Дзержинского. Он отдохнул, поправился, стал меньше кашлять.

В конце декабря, когда в Закопане выпал первый снег, Дзержинский уехал в Краков. Здесь он устроился на работу в народный университет и полностью посвятил себя партийной работе. Он организовал регулярный выпуск газеты «Червоны штандар», которая нелегально переправлялась на польскую территорию, входившую в состав России.

Ф. Э. Дзержинский вёл непримиримую борьбу за объединение польского рабочего движения с общероссийским рабочим движением. «Не может быть движения пролетарского отдельных национальностей,— писал он в июне 1903 г.,— а должно быть одно пролетарское движение — одна социал-демократическая партия, которая стремится охватить весь пролетариат, без различия национальностей». Марксистская социал-демократия Польши и Литвы успешно развивалась благодаря усилиям и настойчивости Ф. Э. Дзержинского. Безграничная преданность Дзержинского делу революции, его кипучая энергия и организаторский талант заражали других товарищей, помогали сплачивать вокруг СДПиЛ широкие рабочие массы.

За два года пребывания в Кракове Ф. Э. Дзержинский по поручению руководства партии неоднократно инспектировал заграничные группы СДПиЛ. Дважды он ездил в Швейцарию по личным делам: первый раз — в мае 1903 г. для поправки здоровья, и второй раз — в июне 1904 г. Эта вторая поездка была особенно печальна для Феликса Эдмундовича. В Швейцарии в высокогорном санатории лежала тяжело больная Юлия Гольд-

ман, в то время самый близкий друг Дзержинского. Она держала с ним постоянную связь и поддерживала его в мрачные дни тюремного заключения и ссылки. Когда Ф. Э. Дзержинский приехал в санаторий, девушка умерла. Целую неделю длилась агония. Феликс Эдмундович не отходил от больной ни днём, ни ночью. 4 июня Юлия скончалась у него на руках, до самого последнего мгновения не теряя сознания.

Ф. Э. Дзержинский тяжело переживал смерть друга. Но и этот удар не сразил, не согнул его. С ещё большей энергией он отдался борьбе против ненавистного царизма, который калечил и убивал миллионы людей.

В Краков Ф. Э. Дзержинский прибыл, уже будучи закалённым революционером, имевшим большой опыт подпольной работы. Он в совершенстве постиг тайны конспирации, научился переправлять через границу транспорты с литературой, налаживать связи, отыскивать необходимых ему людей, быстро и безошибочно определять врагов и друзей. Как организатор он не имел себе равных в польской социал-демократии. Однако его теоретические познания не удовлетворяли его самого. Многие теоретические проблемы он решал интуитивно, исходя иногда из романтических представлений о сущности классовой борьбы и о будущем устройстве общества.

Обосновавшись в Кракове, Ф. Э. Дзержинский наряду с громадной работой по воссозданию подлинно революционной партии польского пролетариата настойчиво изучает марксистскую литературу. Он жадно читает и перечитывает знаменитую книгу В. И. Ленина «Что делать?», тщательно знакомится с ленинской «Искрой». В одном из писем товарищу по партии Феликс Эдмундович сообщал в начале февраля 1903 г.: «Мы за работой учимся и помогаем друг другу стать сознательными социал-демократами...».

Ф. Э. Дзержинский придавал исключительно важное значение теории в борьбе пролетариата за своё освобождение. В июне 1903 г., критикуя руководство СД Польши за невнимание к теоретическим вопросам, он писал: «В тот период, когда наша организация среди рабочих в самой Польше была сильна (1900—1902 гг.), мы не могли обосновать этого нашего движения, не могли создать теории, которая увековечила бы эту силу наших рабочих организаций, придала бы им политическое значение,

значение действительно социал-демократическое... Без литературы, без теории нет никакой перспективы, невозможна подготовка смены».

III

Приближался 1905 год. В России назревали грозные события. Экономический кризис 1900—1903 гг., усиливший бедствия народных масс, и позорная война с Японией, павшая тяжёлым бременем на плечи трудящихся, до крайности обострили классовые противоречия в стране. Чудовищный расстрел мирной рабочей манифестации в Петербурге 9 (22) января 1905 г. переполнил чашу терпения. «...9 января,— писал В. И. Ленин,— грянул первый гром революционного выступления пролетариата. Раскаты этого грома пронесли по всей России, подняв с невиданной раньше быстротой свыше миллиона пролетариев на гигантскую борьбу»¹. По всей стране прокатилась волна протеста против злодейского расстрела. Только в январе в России бастовало свыше 440 тыс. рабочих — значительно больше, чем за всё предыдущее десятилетие.

Польский пролетариат, руководимый социал-демократическими организациями, был в первых рядах борцов против самодержавия.

Вернувшись в начале января 1905 г. из Кракова в Варшаву, Ф. Э. Дзержинский возглавил подпольную социал-демократическую организацию Польши. По его инициативе было отпечатано и распространено в течение 12—16 (25—29) января свыше 8 тыс. листовок с призывом к забастовке. Под влиянием призывов социал-демократической организации 14 (27) января забастовали все фабрики и заводы Варшавы. В тот же день прекратили работу телефонистки главной телефонной станции. Их заменили полицейскими и солдатами. Тогда рабочие перерезали провода. Солдатами пытались заменить и рабочих газового завода, однако, не умея обращаться с приборами, многие солдаты получили сильные ожоги, так что пришлось вызывать скорую помощь.

В эти бурные дни Ф. Э. Дзержинский развил колоссальную энергию. Он потребовал от Заграничного комитета СДПиЛ присылки в Польшу новых прокламаций, на-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 308.

стаивал на установлении тесной связи с РСДРП и получении от неё марксистской литературы, в частности газет «Вперёд», «Социал-демократ», «Искра». На многих заводах он сам выступает перед рабочими. 10 (23) февраля Ф. Э. Дзержинский приехал в мастерские Варшавско-Вейской железной дороги, чтобы помочь рабочим выработать требования к администрации дороги. Железнодорожники бастовали уже четыре недели, но ограничивались чисто экономическими требованиями. Стоило, однако, Ф. Э. Дзержинскому выступить с пламенной речью, как настроение резко изменилось. «Нужно было видеть, — сообщал Феликс Эдмундович в Заграничный комитет, — как эти люди воспрянули духом, как в них зародилось мужество, вера в свои силы, когда я стал им говорить о великих задачах рабочего класса, о единстве пролетариата разных национальностей и государств, о рабочей социал-демократической партии, о том, что свобода и политические права нужны нам, как воздух, как хлеб».

Забастовки в Варшаве, Лодзи и в других городах Польши Ф. Э. Дзержинский рассматривал как начало будущих революционных схваток. Поэтому когда из Заграничного комитета СДПиЛ прислали текст листовки, выдержанный в меньшевистском духе, Дзержинский резко ответил: «Присланную вами прокламацию... мы не можем издать, она не годится... Сейчас нужно разъяснить, что теперешняя забастовка — это начало революции, что она имеет колоссальное политическое значение и какое именно, что это не поражение, а начало борьбы, нужно разъяснить, что только организация в самостоятельную социал-демократическую партию гарантирует пролетариату такую свободу, которая даст ему возможность вести борьбу дальше — вплоть до социализма (о социализме в прокламации нет ни одного слова)....».

Ввиду быстро нараставших революционных событий и не рассчитывая на быструю помощь Заграничного комитета СДПиЛ, Ф. Э. Дзержинский организовал в Польше две подпольные типографии, создал кружки агитаторов (по специальностям), наладил агитационную работу среди крестьян и солдат. Ещё осенью 1904 г. он вместе с подпоручиком Антоновым-Овсеенко организовал Варшавский комитет военно-революционной организации РСДРП, в работе которого принимал активное участие. Под его руководством был подготовлен и опубликован

первый номер «Солдатского листка», который представлял собой один из первых опытов издания нелегальной солдатской газеты.

В апреле 1905 г. комитет военно-революционной организации готовил в полках, расквартированных в Пулавах, Люблинской губернии, вооружённое восстание. Подготовка восстания была, однако, раскрыта, и Дзержинскому пришлось срочно возвратиться в Варшаву.

Учитывая революционное настроение масс, Ф. Э. Дзержинский мобилизовал социал-демократическую организацию Варшавы на особенно тщательную подготовку первомайской демонстрации 1905 г. В марте 1905 г. он напомнил Заграничному комитету СДПиЛ: «Помните о 1 Мая. Вам надлежит заранее подготовить прокламации. Лозунг: бросить работу, начать выступление».

1 Мая по призыву социал-демократической организации забастовали рабочие Варшавы, Лодзи, Домбровского угольного бассейна, Радома, Белостока, Петрокова, Калиша, Ченстохова, Люблина и других городов. В Варшаве состоялась невиданная доселе грандиозная демонстрация трудящихся. Полиция и войска применили против демонстрантов оружие. Были убиты и ранены сотни рабочих, женщин, детей. На террор царских сатрапов пролетариат Польши ответил всеобщей забастовкой протеста. Особенно ожесточённая борьба развернулась в Лодзи. Рабочие соорудили десятки баррикад и в течение трёх дней — 22—24 июня — вели уличные бои с царскими войсками.

Бои лодзинского пролетариата В. И. Ленин охарактеризовал как первое вооружённое выступление рабочих в России. Он писал, что пролетариат Лодзи показал «не только новый образец революционного энтузиазма и героизма, но и высшие формы борьбы»¹.

Тот факт, что события в Польше не вылились во всеобщее вооружённое восстание, не смутил и не обескуражил Ф. Э. Дзержинского. Он отлично понимал, что опыт стачечной борьбы и баррикадных боёв января — июня 1905 г. не пройдёт бесследно.

17 июля 1905 г. в лесу имения Олесин-Дужий, недалеко от Варшавы, собралась Варшавская межрайонная социал-демократическая конференция для обсуждения ближай-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 502.

ших задач организации. Царская охранка, осведомлённая об этом каким-то предателем, направила в лес эскадрон драгун. 40 участников конференции, в том числе и Ф. Э. Дзержинский, были арестованы. Их разместили в казарме пехотного полка в уездном городке Новомиинске. Дзержинский использовал своё пребывание в казарме, для того чтобы обратиться с речью к солдатам. По свидетельству одного из солдат, он говорил из окна казармы: «Напрасно вы слушаете команду и стреляете в нас. Мы такие же люди, как и вы. Мы не убивать пришли или грабить. Мы хотим, чтобы все имел свободу, а не жили так, как вы».

Солдаты внимательно слушали оратора и выражали сочувствие арестованным.

Начальство поспешило избавиться от опасного агитатора. Через два дня всех арестованных под усиленным конвоем отправили в Варшавскую следственную тюрьму. Отсюда 28 июля Ф. Э. Дзержинский был переведён в уже знакомый ему десятый павильон Варшавской крепости.

На этот раз Феликс Эдмундович недолго пробыл в тюрьме. Волны революции нарастали. Царь вынужден был издать 17 октября 1905 г. манифест о «даровании» народу «гражданской свободы», а 21 октября — опубликовать указ об амнистии. Через несколько дней Ф. Э. Дзержинский был на свободе.

Основную задачу СДПиЛ в этот период Ф. Э. Дзержинский видел в тесной координации действий польского рабочего класса с общероссийским движением пролетариата. Известно, что 9 (22) декабря в Москве началось геронческое вооружённое восстание. По требованию царского правительства варшавский генерал-губернатор Скалон должен был двинуть из Польши воинские части для подавления революции. СДПиЛ призвала польских рабочих к организации массовых забастовок, чтобы не дать царским властям возможности перебросить войска из Польши в Москву. Ф. Э. Дзержинский ещё до получения известий о московском вооружённом восстании выехал в Домбровский каменноугольный район. Вместе с группой товарищей он проник на один из крупнейших заводов и организовал многолюдный митинг. Администрация завода вызвала войска. Когда солдаты появились во дворе завода, Дзержинский прервал свою речь и подал команду:

— Гудок!

Через несколько секунд раздался громкий, протяжный гудок, призывавший рабочих к забастовке в знак солидарности с рабочими Москвы, сражавшимися на баррикадах. Вскоре заводы и шахты замерли. Началась забастовка.

Рабочие тщательно укрыли Ф. Э. Дзержинского от полиции и помогли благополучно добраться до Варшавы.

IV

В апреле 1906 г. в Стокгольме собрался IV (Объединительный) съезд РСДРП. Ф. Э. Дзержинский приехал на съезд в качестве представителя Польской социал-демократической партии. Здесь он впервые лично познакомился с В. И. Лениным. На IV съезде преобладали меньшевики, поэтому большинство решений имело меньшевистский характер. Ф. Э. Дзержинский с первых же дней работы съезда безоговорочно стал на позиции В. И. Ленина. Так, например, по вопросу об отношении к Государственной думе, которую меньшевики превозносили до небес, Дзержинский поддержал ленинцев, рассматривавших Думу как придаток царизма, как ширму, прикрывавшую язвы самодержавия. На съезде было оглашено следующее заявление Ф. Э. Дзержинского: «В Польше весь пролетариат, кроме единичных рабочих, заведомых реакционеров и незначительной части совершенно невежественных, стоял за бойкот Думы. В рядах же организованного социал-демократического пролетариата не было ни одного. Тактика же меньшевистской фракции была известна нашим рабочим: об этом постаралась наша буржуазная и реакционная пресса. Все организованные рабочие относились отрицательно к этой тактике, и за неё не высказался ни один рабочий»¹.

Съезд обсудил вопрос о вхождении социал-демократии Польши и Литвы в РСДРП. Представители Бунда попытались было проташить предложение о том, что СДПиЛ должна проводить работу только среди польских рабочих, не касаясь еврейских рабочих. Ф. Э. Дзержинский дал резкую отповедь буржуазно-националистическим ораторам. Он заявил, что СДПиЛ должна и будет вести работу

¹ «Протоколы четвёртого (Объединительного) съезда РСДРП», Партиздат, 1934, стр. 359.

среди всех рабочих без различия национальности. Именно это предложение и было положено в основу решения съезда. Первый пункт резолюции по этому вопросу гласил: «Социал-демократия Польши и Литвы есть территориальная организация РСДРП, ведущая работу среди пролетариата всех национальностей ее района и объединяющая деятельность всех партийных организаций на этой территории»¹.

Так IV съезд РСДРП осуществил заветную мечту Ф. Э. Дзержинского. СДПиЛ стала неразрывной частью общероссийской социал-демократической партии. Многолетняя борьба Ф. Э. Дзержинского закончилась полной победой.

Главное правление СДПиЛ поручило ему представлять польскую социал-демократию в ЦК РСДРП. На основании организационного устава, утверждённого съездом, Ф. Э. Дзержинский «при разрешении вопросов политического характера» входил в состав ЦК как представитель СДПиЛ. В связи с этим с августа по ноябрь 1906 г. Дзержинский работал в Петербурге.

После IV съезда борьба между большевиками и меньшевиками ещё больше обострилась. Пользуясь своим большинством в ЦК, меньшевики всячески противились созыву нового съезда, несмотря на многочисленные требования партийных организаций. Они ратовали за организацию так называемого «рабочего съезда», в котором бы приняли участие и социал-демократы, и эсеры, и анархисты. Ф. Э. Дзержинский по всем вопросам решительно поддерживал большевиков. По поводу подрывной работы меньшевистских лидеров он сообщал Главному правлению СДПиЛ: «Аксельрод, как я узнаю, действительно, самостоятельно ведёт широкую агитацию в пользу рабочего съезда, устраивает с этой целью собрания... готовит планы разрушения партии...». На заседании ЦК 16 (29) августа 1906 г. Дзержинский спросил у Дана и Аксельрода, как понимать статью газеты «Товарищ» о созыве «рабочего съезда» в противовес партийному съезду? Члены ЦК — меньшевики уклонились от прямого ответа, а против созыва съезда РСДРП категорически возражали, ссылаясь на «несвоевременность». Дзержинского не убеждали эти

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 132.

доводы. Он писал Главному правлению: «Нужно требовать от ЦК созыва съезда или в крайнем случае расширенной конференции...». В другом письме он сообщал: «ЦК, конечно, против съезда. Вопрос этот будет обсуждаться в среду, если никто его не поставит, это сделаю я».

Принципиальная, большевистская настойчивость Дзержинского выводила из себя меньшевиков. На одном из заседаний ЦК, сообщал Дзержинский, «дело дошло до скандала, так как я разгорячился и ругнул их за оппортунизм». «Как видите, воюю, вношу предложения, — заканчивал Дзержинский своё письмо в Главное правление от 7 сентября, — но, большой ли из этого толк, сомневаюсь... Большевики говорят, что моё пребывание здесь полезно, что в результате этой борьбы в ЦК с нами больше считаются и вследствие моего «неистовства» они (т. е. меньшевики. — П. С.) менее уверены в себе».

Так это и было в действительности. Своей активной работой в ЦК РСДРП Ф. Э. Дзержинский претворял в жизнь ленинские партийные принципы. В этом же духе он ориентировал и Главное правление СДПиЛ. Пребывание в Петербурге Дзержинский использовал и для снабжения польской социал-демократической организации большевистской литературой. Особенно много посылал Феликс Эдмундович произведений В. И. Ленина.

V

В ноябре 1906 г. в Польше участились провалы. 6 ноября, например, полиция захватила две польские и одну русско-еврейскую нелегальные типографии. Большинство членов Главного правления СДПиЛ было арестовано. Обеспокоенный Ф. Э. Дзержинский немедленно выехал в Варшаву. Положение было крайне тяжёлым. Реакция торжествовала свою победу. Капиталисты усилили нажим на рабочих, чёрные списки, локауты стали обычным явлением.

В связи с локаутом, объявленным лодзинскими фабрикантами, большинство текстильных предприятий было закрыто, а рабочие выброшены на улицу. 25 тыс. рабочих оказались без работы. Ф. Э. Дзержинский выехал в Лодзь. Он собрал здесь обширный материал, разоблачающий преступные действия капиталистов, показывающий нещадную эксплуатацию и страшную нужду трудящихся.

Этот материал Дзержинский рассчитывал опубликовать в партийной печати и использовать в агитационных листовках. Однако через три дня после возвращения в Варшаву, 13(26) декабря, он попал в полицейскую засаду и был вновь арестован.

При аресте у Ф. Э. Дзержинского были взяты и лодзинские материалы. Если бы они попали в руки следователю, Дзержинскому не удалось бы избежать жестокой расправы. Но товарищи, оставшиеся на свободе, подкупили полицейского служащего, и тот изъял опасные документы из дела Дзержинского. Главный козырь был выбит из рук полиции. Ввиду недостаточности улик жандармы вынуждены были 22 мая 1907 г. освободить Ф. Э. Дзержинского под залог в тысячу рублей.

В начале июня Феликс Эдмундович «уведомил» жандармское управление о том, что он уезжает на летние месяцы из Варшавы в имение Держиново. Тотчас по всем полицейским каналам пошло предписание: организовать самое тщательное наблюдение во время его пребывания в Держинове. Но напрасно старались жандармы. Феликс Эдмундович, направив их по ложному пути, уехал вместе с братом Игнатием в посад Казмерж, Люблинской губернии.

В сентябре Дзержинский вернулся в Варшаву и сейчас же отправился в Лодзь, где в эти дни разыгрались кровавые события. Рабочие фабрики Зильберштейна, выведенные из терпения, убили хозяина фабрики. Этот, по выражению Ф. Э. Дзержинского, «мошенник и мерзавец» на каждом шагу издевался над рабочими, обращался к ним не иначе, как с руганью.

«Когда возник конфликт,— писал Дзержинский,— он не хотел вести никаких переговоров. Представителей профессиональных союзов обругал последними словами и приказал им убираться вон под угрозой пуль из браунинга».

Рабочие были раздражены до крайности. Они откровенно заявили, что «убьют эту собаку». Эндеки (национал-демократы, сторонники крупной буржуазии, ярые антисемиты) играли на благородном возмущении рабочих, подталкивая их к террористическому акту. Социал-демократы всеми силами старались удержать рабочих от неверного шага, но не смогли сдержать стихийного выступления.

После убийства Зильберштейна на фабрику нагрянули войска. Приехал главный прокурор Варшавской судебной палаты Набоков и незадолго до этого назначенный лодзинский генерал-губернатор Казнаков. Последнему царь предоставил неограниченную власть, а Столыпин приказал «действовать беспощадно». Десятки рабочих были схвачены полицией. Их подвергли таким нечеловеческим истязаниям, что 48 человек в полумёртвом состоянии были отправлены в госпиталь.

10 (23) сентября 1907 г. семь рабочих и одна работница фабрики Зильберштейна были по распоряжению генерал-губернатора расстреляны без суда и следствия. Из восьми расстрелянных только один принимал участие в убийстве фабриканта. Остальные даже не были в этот день на месте происшествия. «Единственная их «вина», — подчёркивал Ф. Э. Дзержинский, — в том, что они были социалистами. За это их расстреляли».

Рабочая Лодзь кипела от негодования. В ответ на пожертвования буржуазии «в пользу» полиции, о чём вещали буржуазные газеты, рабочие заявляли, что «фабрикантов за это дело надо вырезать». Не исключена была возможность новых стихийных эксцессов. Ф. Э. Дзержинский и местная социал-демократическая организация приняли все меры, чтобы удержать массы от несвоевременного, губительного выступления. Дзержинскому удалось этого достигнуть. Тысячи лодзинских пролетариев были спасены от физического уничтожения, которое было бы тогда неизбежным в случае новых террористических актов.

VI

Почти год после освобождения из тюрьмы в мае 1907 г. Ф. Э. Дзержинский находился на свободе. Он так умело конспирировал свою работу, что полиции не удавалось накопить против него достаточно убедительных улик. Однако уже в декабре 1907 г. жандармское управление начало подготовку нового судебного дела против Дзержинского. С 21 февраля 1908 г. за ним было организовано неотступное наблюдение. Как видно из сохранившихся документов, каждая встреча, каждая квартира, которую посетил Дзержинский, тщательно фиксировались полицейскими ищейками.

16(29) апреля 1908 г., когда Дзержинский вышел из здания почты, его арестовали.

Феликса Эдмундовича вновь заключили в десятый павильон Варшавской крепости. «Когда меня привели в камеру, в которой я уже когда-то, семь лет тому назад, сидел,— записал Ф. Э. Дзержинский в своём дневнике,— первый звук, какой я услышал, был звон кандалов. Он сопровождает каждое движение закованного. Холодное, бездушное железо на живом человеческом теле. Железо, вечно алчущее тепла и никогда не насыщающееся, всегда напоминает неволю. Теперь в моём коридоре заковано большинство. Из тринадцати человек — семь... Их заковывают с целью отнять у них всё и оставить только этот похоронный звон»¹.

Тюремный дневник Ф. Э. Дзержинского, который он вёл с 30 апреля 1908 г. по 8 августа 1909 г., представляет собой документ потрясающей силы. Мировая литература мало сохранила нам подобных записей, полных глубокого раздумья и несокрушимой веры в победу социализма. Как человеческая исповедь, как торжественная клятва звучит запись в дневнике, сделанная 31 декабря 1908 г.:

«Сегодня — последний день 1908 г. Пятый раз я встречаю в тюрьме Новый год (1898, 1901, 1902, 1907); первый раз — одиннадцать лет тому назад. В тюрьме я созрел в муках одиночества, в муках тоски по миру и по жизни. И, несмотря на это, в душе никогда не зарождалось сомнение в правоте нашего дела. И теперь, когда, может быть, на долгие годы все надежды похоронены в потоках крови, когда они распяты на виселичных столбах, когда много тысяч борцов за свободу томится в темницах или брошено в снежные тундры Сибири,— я горжусь.

Я вижу огромные массы, уже приведённые в движение, расшатывающие старый строй,— массы, в среде которых подготавливаются новые силы для новой борьбы... Я горд тем, что я с ними, что я их вижу, чувствую, понимаю и что я сам многое выстрадал вместе с ними. Здесь, в тюрьме, часто бывает тяжело, по временам даже страшно... И тем не менее, если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы её так, как начал»².

¹ Ф. Э. Дзержинский, Из дневника, «Молодая гвардия», 1939, стр. 17.

² Феликс Дзержинский, Дневник и письма, стр. 60.

Шестнадцать месяцев провёл Ф. Э. Дзержинский в застенках десятого павильона. За это время царские власти умудрились судить его дважды: 25—27 октября 1908 г. в Варшавской судебной палате и 15 января 1909 г. в Варшавском окружном суде. 25 апреля (8 мая) 1909 г. судебная палата вынесла свой приговор в окончательном виде. Дзержинского приговорили к лишению «всех прав состояния» и ссылке на вечное поселение в Сибирь. 31 августа (13 сентября) 1909 г. его отправили в Енисейскую губернию, в село Тасеевку, Канского уезда. Жандармы полагали, что в этом глухом сибирском селении закончится мятежная жизнь революционера. Но они и на сей раз просчитались. Только семь дней прожил Ф. Э. Дзержинский в Тасеевке, а на восьмой день бежал.

VII

После нового побега из ссылки Дзержинский, уже тяжело больной, пробрался за границу. В начале 1910 г. он уехал лечиться в Италию. Побывал в Неаполе, в итальянской и французской Ривьере, а в Монте-Карло из любопытства зашёл в казино и даже выиграл 10 франков. Свыше трёх недель провёл Феликс Эдмундович на Капри. Здесь он лично познакомился с А. М. Горьким. В письме членам Цюрихской секции СДПиЛ он писал, что везёт с юга «то прекрасное, что я пережил там в общении с природой и Горьким». Алексей Максимович также проникся глубокой симпатией к Дзержинскому. Впоследствии, вспоминая эти встречи, он писал, что Дзержинский «сразу вызвал незабываемое впечатление душевной чистоты и твёрдости».

3 (16) февраля 1910 г. на пароходе, увозившем его с острова Капри, Ф. Э. Дзержинский записал: «...в течение свыше 3 недель мне снился чудесный сон. Я прощаюсь с этой сказкой, наверное, навсегда. Мне кажется, что ничего не может быть красивее Капри».

Несмотря на всю красоту Италии, Дзержинского тем не менее неудержимо тянуло в родную страну. Он писал друзьям в Польшу: «Как-то ночью, когда я долго не мог уснуть (вина Сириуса: он смотрел на меня и сверкал мне всеми цветами радуги — воспламенялся любовью к какой-то звезде, а я — подсмотрел), у меня явилась мысль, что мне за границей, собственно, нет смысла си-

деть...». Однако Главное правление СДПиЛ не пустило Дзержинского в Польшу. В начале марта 1910 г. после возвращения в Берлин из Швейцарии, куда он заезжал на несколько дней по пути из Италии, Дзержинский был направлен для партийной работы в Краков. Такое решение Главного правления было далеко не случайным. Поражение революции и разгул реакции породили распад и разложение в среде мелкобуржуазных попутчиков революции. Неустойчивые, оппортунистические элементы стали покидать ряды социал-демократии. Образовались всевозможные группы и группки, яростно нападавшие на партию, на её линию сочетания легальной и нелегальной работы. В этих сложных условиях Главное правление СДПиЛ оказалось не на высоте. Оно заняло беспринципную позицию лавирования между партией и ликвидаторами. В конце концов дело дошло до разрыва Главного правления с РСДРП, до того, что оно оказалось *«между партией и ликвидаторами партии»*¹.

Ф. Э. Дзержинский был ярким противником ликвидаторов и отзовистов. Ещё сидя в десятом павильоне Варшавской крепости, он записал в своём дневнике 6 мая 1909 г.: «Некоторые рекомендуют теперь приняться исключительно за легальную деятельность, то есть на самом деле отречься от борьбы... Я хочу найти в себе силы пережить весь этот ад... Я хочу вернуться и бороться...»². Оказавшись на свободе, Дзержинский не мог не принять активного участия в борьбе с врагами партии на стороне В. И. Ленина. Руководители Главного правления СДПиЛ отлично это понимали и постарались не допустить Дзержинского к рабочим массам. Но, и находясь в Кракове, Дзержинский последовательно проводит ленинскую линию. С огромным удовлетворением прочёл он в «Социал-демократе» статью «Голос ликвидаторов против партии». Он писал в Главное правление, что эта статья ему «чрезвычайно нравится — такой сильный голос, как когда-то «Искра» против народничества». Хотя статья в «Социал-демократе» была напечатана без подписи, Ф. Э. Дзержинский сразу понял, что она принадлежит Ленину.

Ф. Э. Дзержинский резко выступал против вредной политики Главного правления. В письме из Кракова от 11 (24) мая 1910 г. он откровенно писал: «Мы теперь

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 135.

² Ф. Э. Дзержинский, Из дневника, стр. 104.

сошли с правильного пути — становимся тем, чем не были до сих пор: торгашами, спекулянтами». Он ядовито высмеивает проекты меньшевистских резолюций, выработанных в Главном правлении, негодует против ликвидаторских статей, печатаемых в «Красном знамени». 3 (16) июня 1910 г. Дзержинский пишет в Главное правление: «Теперешнее партийное руководство вносит в партию хаос, даёт неправильную оценку политического момента, выдвигает кадетские лозунги, доходит до того, что приветствует кадетов... Я вижу, что происходит в партии, — люди перестают доверять политическому руководству Главного правления...».

28 мая (10 июня) 1911 г., на Парижском совещании членов ЦК РСДРП, находившихся в тот момент за границей, Ф. Э. Дзержинский встретился с В. И. Лениным. Есть основания утверждать, что Ленин полностью одобрил политическую линию, проводившуюся Дзержинским в польской социал-демократии. Об этом свидетельствует их договорённость о необходимости изгнать из рядов партии так называемых голосовцев, т. е. меньшевиков-ликвидаторов, издававших за границей свой оппортунистический листок «Голос социал-демократа». Эту договорённость В. И. Ленин в одной из своих записок назвал: «Договор Ленина с Юзефом».

Парижское совещание членов ЦК РСДРП сыграло исключительно важную роль в борьбе против ликвидаторов, вперёдовцев, троцкистов и подготовило почву для созыва в январе 1912 г. Пражской конференции РСДРП. Ф. Э. Дзержинский не мог присутствовать на этой конференции, но он тщательно изучал и пропагандировал её решения. От Главного правления он требовал присылки возможно большего количества экземпляров отчёта о «ленинской конференции».

В течение 1910—1911 гг. Ф. Э. Дзержинский направил в Главное правление десятки писем с просьбой отпустить его на практическую работу в Польшу. Убедившись в том, что Главное правление сознательно задерживает его в Кракове и вместе с тем ничего не делает для исправления своей политической линии, Дзержинский 13 (26) августа 1911 г. подал официальное заявление о своём выходе из Главного правления, а 28 сентября (11 октября) известил об отъезде в Варшаву. «Не протестуйте против этого, — писал он, — ибо я должен либо

весь быть в огне и подходящей для меня работе, либо меня свезут на кладбище... Ваша политика не пускать меня в страну, лишать меня возможности делать то, что мне велит не только мой партийный разум, но всё моё существо, кончится тем, что я бесславно погибну для дела».

VIII

И вот — снова Варшава, снова кипучая революционная деятельность, ежедневное общение с рабочими. Но и на этот раз его деятельность продолжается недолго. В ночь на 1(14) сентября 1912 г. Дзержинского вновь арестовывают и вновь заключают в десятый павильон Варшавской крепости. Он снова оторван от мира. Только дважды, когда его в тюремной карете возили в суд, он сквозь решётку оконца кареты мог наблюдать за клочком уличной жизни, мог видеть торговлю гробами и рядом цветочный магазин с поэтическим названием «Бордигера».

Феликс Эдмундович в глубокой задумчивости смотрел на цветы, выставленные в витринах «Бордигеры». Несколько лет тому назад он был в этих местах. Однажды лунной ночью он шёл по берегу Средиземного моря из Бордигеры в Монте-Карло. Приглушённо шелестели морские волны, посеребрённые лунным светом. В таинственной синеве безмолвствовали стройные пальмы. Грудь глубоко вдыхала солёный, насыщенный запахом цветов воздух. Невольно вспоминались родные места.

Всё это пришло на память здесь, в мрачной тюремной карете, в которой его вывели на несколько часов из тюрьмы после 20 месяцев заключения. В письме к сестре Феликс Эдмундович писал, что и за тюремной решёткой душа его «полна песней наших лесов и лугов, и туманами, и росой по утрам, и нашими песками. Она полна любовью и верой в своё дело, в ней — и печали наши и вся будущая жизнь человечества. И чем ужаснее ад сегодняшней жизни, тем яснее и громче я слышу вечный гимн жизни, гимн правды, красоты и счастья, — и нет места... отчаянию. Жизнь даже тогда радостна, когда приходится носить кандалы».

Глубокий оптимизм и бодрость духа не покинули Ф. Э. Дзержинского и тогда, когда в конце апреля 1914 г. ему объявили приговор Варшавского окружного суда: три года каторжных работ.

В это время грозные тучи войны уже клубились над Европой. Выстрелы сербского националиста в Сараево послужили предлогом для развязывания империалистической бойни. Царское правительство поспешило отправить заключённых из западных районов в глубь страны.

26 июля (8 августа) 1914 г. Ф. Э. Дзержинского вместе с партией узников десятого павильона перевели из Варшавской крепости в Мокотовскую тюрьму. Здесь их в течение двух дней «собирали» в дальнюю дорогу, т. е. фотографировали, переодевали в арестантскую одежду, заковывали в кандалы, составляли тюремные бумаги и т. д. 28 июля (10 августа) арестованных погрузили в вагоны и отправили в Орёл, в местную губернскую тюрьму. В пути, который продолжался три дня, заключённые пели революционные песни, доводя до бешенства начальника конвоя. Чтобы наказать «непокорных», конвойный начальник лишил их пайка. Заключённые бурно протестовали. Явившийся в вагон начальник конвоя пригрозил, что прикажет стрелять.

— Стреляйте,— спокойно сказал Дзержинский, открывая грудь. Его серые, горящие стальным блеском глаза в упор смотрели на жандарма. Тот не выдержал этого гневного взгляда и вышел из вагона. Через час заключённые получили хлеб и махорку.

Орловские тюрьмы были переполнены. Дзержинского с группой заключённых перевели в Мценскую уездную тюрьму, но вскоре (11 октября 1914 г.) его вновь возвратили в Орловскую губернскую тюрьму. Эта переброска была связана с намечавшейся отправкой Дзержинского на каторгу в Сибирь. В декабре 1914 г. Орловское особое присутствие по освидетельствованию ссыльных заготовило специальный акт о Дзержинском, в котором сознательно дало ложные ответы на поставленные вопросы.

Вот эти ответы.

1. О способности следовать в ссылку? Способен.
2. О способности к работам (тяжким или менее тяжким)? Способен к тяжким работам.
3. Может ли быть закован в кандалы? Может.
4. Может ли следовать пешком? Может.
5. Состояние здоровья? Здоров.

Такие же «объективные» данные были зафиксированы и в «Статейном списке № 22», составленном не-

сколько позже, 30 марта 1915 г. К перечисленным выше ответам был добавлен ещё один характерный ответ. На вопрос: требует ли Дзержинский «особо бдительного надзора», тюремщики ответили: «требует».

В действительности же состояние здоровья Феликса Эдмундовича было крайне тяжёлым. В числе 70 заключённых его поместили в камеру, рассчитанную на 37 человек. Кормили отвратительно. Пять раз в неделю давали полусгнившую капусту, два раза — нечто вроде гороха и ежедневно — по одной-две ложки немасляной каши и полтора фунта чёрного хлеба, чаще всего с песком. Бельё, не менявшееся по многу недель, было грязным, вшивым. В тюрьме свирепствовали туберкулёз, тиф и другие заразные болезни. В течение месяца умирало 20—30 человек. Тюремный врач Рыхлинский, по национальности поляк, но предавший свой народ, запрещал говорить по-польски, издевательски передразнивал польскую речь, считал каждого больного своим личным врагом и являлся только к умирающим. Лица у заключённых были жёлтые, с зеленоватым оттенком, многие из них не могли даже выйти на прогулку, так как не было обуви.

Ф. Э. Дзержинский собрал вокруг себя небольшой кружок политзаключённых и проводил с ними занятия, читал им «Правительственный вестник», выписанный для него в тюрьму младшим братом Владиславом (комментируя его, конечно, по-своему). С остальными заключёнными Дзержинский вёл себя сдержанно, потому, как объяснял он, что в камере имеются различные, совершенно чуждые люди и враги — те, которые пришли сюда за деньги, как шпионы.

Орловское тюремное начальство в конце 1914 и в начале 1915 г. рассчитывало отправить Дзержинского на каторжные работы в Сибирь. Однако составление обвинительного заключения против Ф. Э. Дзержинского по второму делу (за революционную деятельность в 1910—1912 гг.) задерживалось, и Феликс Эдмундович продолжал оставаться в Орловской тюрьме. Тюремная администрация составила в апреле 1915 г. «листок примерного расчёта срока каторжных работ» Ф. Э. Дзержинского. По этому расчёту выходило, что 29 февраля 1916 г. Дзержинского должны были окончательно освободить от каторжных работ и выслать на поселение. В этот период Дзержинский содержался в Орловском каторжном

центrale. Когда срок каторги окончился, Ф. Э. Дзержинского вновь перевели из каторжной тюрьмы в обычную губернскую тюрьму для последующей высылки в Иркутскую губернию. Но вместо Иркутской губернии его увезли в Москву. Здесь 4 мая 1916 г. состоялся второй суд. Московская судебная палата приговорила Ф. Э. Дзержинского за партийную работу в 1910—1912 гг. к шести годам каторжных работ, с зачётом уже отбытых им трёх лет заключения.

Предстояло, таким образом, провести на каторге ещё три года. Здоровье Ф. Э. Дзержинского расстроилось настолько, что тюремные врачи вынуждены были сами поставить вопрос о снятии с него кандалов. Но физические страдания не сломили волю Дзержинского. Он верил в близость революции, которая должна была навсегда вырвать его из царских застенков. И эта пламенная вера не обманула его. 2 марта 1917 г. революционные массы Москвы освободили Дзержинского из Бутырской тюрьмы.

Глава 3

ГЕРОИ ОКТЯБРЯ

Многолетнее пребывание в тюрьме подорвало здоровье Феликса Эдмундовича. Московские большевики отправили его на отдых в Сокольниковы. В письме к Софье Сигизмундовне 18(31) марта 1917 г. он сообщал: «Теперь уже несколько дней я отдыхаю почти в деревне, за городом, в Сокольниках, так как впечатления и горячка первых дней свободы и революции были слишком сильны и мои нервы, ослабленные столькими годами тюремной тишины, не выдержали возложенной на них нагрузки. Я немного захворал, но сейчас, после нескольких дней отдыха в постели, лихорадка совершенно прошла, и я чувствую себя вполне хорошо»¹.

Разумеется, это было его субъективное мнение, мнение человека, не могущего ни одного дня не участвовать в кипучей революционной борьбе. Даже разбитый болезнью, он ни на секунду не забывал о цели своей жизни. «А сейчас,— писал он из больницы,— я использую время, чтобы заполнить пробелы в моей осведомлённости (о политической и партийной жизни) и упорядочить мои мысли...

Я уже с головой ушёл в свою стихию»².

Через неделю после того как было написано это письмо, Ф. Э. Дзержинский явился в Московский комитет РСДРП(б) и включился в активную партийную работу. Московские большевики направили его в Петроград на Апрельскую Всероссийскую конференцию РСДРП(б).

¹ Феликс Дзержинский, *Дневник и письма*, стр. 190

² Там же.

Апрельская конференция имела громаднейшее значение для судеб русской революции и международного рабочего движения. По существу это был первый легальный съезд большевистской партии в России. Конференция проходила под непосредственным руководством В. И. Ленина, который наметил ясный и научно обоснованный план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. По всем принципиальным вопросам Дзержинский поддерживал В. И. Ленина. Только в национальном вопросе он занял ошибочную позицию, высказавшись против самоопределения Польши, так как там якобы «все шовинисты». В. И. Ленин поправил Дзержинского. Ошибка Ф. Э. Дзержинского происходила из того, что он ещё тогда разделял неправильные взгляды Розы Люксембург по национальному вопросу. Известно, что он занимал неправильную позицию по этому вопросу и позднее, в 1922 г., за что также подвергся критике со стороны В. И. Ленина. Следует, однако, отметить, что Ф. Э. Дзержинский никогда не настаивал на допущенных ошибках и никогда не превращал их в платформу борьбы против партии. Для него решения партии были святыней, и за выполнение их он боролся страстно и непоколебимо.

Скромный и в высшей степени самокритичный, Феликс Эдмундович прекрасно понимал, что после четырёх с половиной лет тюремного заключения, когда ему приходилось довольствоваться случайными книжонками да листками «Правительственного вестника», надо вновь всерьёз засесть за марксистскую литературу последних лет. Поэтому, когда на конференции его кандидатуру выдвинули в состав ЦК, он выступил с самоотводом, указав, что он «недавно вышел из тюрьмы, болен и не чувствует себя годным для той интенсивной работы, которая предстоит членам Центрального Комитета»¹. В этом заявлении проявилось то глубокое чувство ответственности перед партией, которым была проникнута вся революционная деятельность Ф. Э. Дзержинского.

С 26 июля по 3 августа 1917 г. в Петрограде проходил VI съезд большевистской партии. В. И. Ленин не мог

¹ «Протоколы седьмой Апрельской конференции РСДРП(б)», Партиздат, 1934, стр. 189.

присутствовать на съезде, так как его преследовали ищейки Временного правительства. Но, и находясь в подполье, Ленин повседневно руководил работой съезда.

Ф. Э. Дзержинский принимал активное участие в работах VI съезда. По поводу явки В. И. Ленина на суд Временного правительства, на чём настаивали Каменев, Рыков, Троцкий и др., Дзержинский заявил на съезде:

— Мы должны ясно и определённо сказать, что хорошо сделали те товарищи, которые посоветовали товарищу Ленину не арестовываться. Мы должны ясно ответить на травлю буржуазной прессы, которая хочет расстроить ряды рабочих. Травля против Ленина — это травля против нас, против партии, против революционной демократии. Мы должны разъяснить товарищам, что мы не доверяем Временному правительству и буржуазии, что мы не выдадим Ленина¹.

Как известно, съезд абсолютным большинством голосов высказался против явки Ленина на суд.

VI съезд нацелил партию на подготовку вооружённого восстания. На этом съезде Ф. Э. Дзержинский был избран членом Центрального Комитета партии.

К осени 1917 г. в России полностью созрела революционная ситуация. На основе научного анализа общественного развития В. И. Ленин установил, что время для победоносной социалистической революции наступило. «Кризис назрел» — так назвал Ленин одну из своих статей этого периода. В ряде писем в Центральный Комитет и к большевистским организациям Петрограда и Москвы Ленин дал глубокий анализ соотношения сил в стране и подчеркнул: «Большинство народа за нас». Теперь, писал В. И. Ленин, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Вечером 7 октября 1917 г. В. И. Ленин нелегально приехал в Петроград. После его приезда подготовка к вооружённому восстанию вступила в решающую фазу.

10 октября состоялось знаменитое заседание ЦК партии, принявшее решение о *практической* подготовке

¹ «Протоколы шестого съезда РСДРП(б)», Партиздат, 1934, стр. 32.

восстания. Ф. Э. Дзержинский внёс предложение «создать для политического руководства на ближайшее время Политическое бюро из членов Центрального Комитета»¹.

Из 12 членов ЦК, присутствовавших на заседании, только двое — Зиновьев и Каменев — выступили против Ленина.

Заседание ЦК закончилось поздно ночью. На улице было сыро, моросил мелкий дождик. Феликс Эдмундович снял с себя плащ и накинул его на плечи Ленина. Когда Владимир Ильич попытался было протестовать, Дзержинский решительно заявил: «Никаких отговорок. Извольте надеть плащ, иначе я вас не выпущу...».

12 октября по указанию ЦК большевистской партии при Петроградском Совете был создан Военно-революционный комитет, ставший легальным штабом восстания. Ф. Э. Дзержинский был избран членом ВРК.

Решение ЦК от 10 октября было полностью одобрено на расширенном заседании ЦК 16 октября. Как и на первом заседании, против Ленина выступили Каменев и Зиновьев. Они твердили, что враг силен, что восстание технически не подготовлено, что Ленин проводит якобы заговорщическую тактику. Свердлов, Сталин, Дзержинский горячо отстаивали позицию В. И. Ленина. Дзержинский, бледный от негодования, яростно обрушился на Каменева, клеветнически обвинявшего Владимира Ильича в заговорщической тактике. Как и Ленин, он не мог говорить на открытом заседании о той колоссальной технической работе по подготовке восстания, которая уже была проделана за последние шесть дней. Поэтому он иронически пояснил Каменеву и Зиновьеву: «Заговорщичеством именно и является требование, чтобы к восстанию было всё технически подготовлено. Когда будет восстание, тогда будут и технические силы»².

Резолюция В. И. Ленина была принята 19 голосами против 2 и 4 воздержавшихся. На этом собрании закончилось. Члены ЦК перешли в соседнюю комнату и постановили образовать Партийный центр по руководству восстанием. В Партийный центр были избраны Свердлов, Сталин, Дзержинский, Бубнов, Урицкий.

¹ «Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918», М. 1929, стр. 100.

² Там же, стр. 121.

Как член ВРК и Партийного центра, Ф. Э. Дзержинский дни и ночи находился в Смольном. Он проверял готовность красногвардейских отрядов, намечал конкретные задания, указывал главнейшие пункты для нанесения удара.

Утром 24 октября начались первые стычки с юнкерами. В середине дня ЦК партии поручил Ф. Э. Дзержинскому занять почту и телеграф, Я. М. Свердлову — организовать непрерывное наблюдение за всеми действиями Временного правительства, известить Москву о начале восстания, послать представителей в Кронштадт. Ещё раньше по распоряжению ВРК красногвардейские отряды заняли мосты через Неву. Только два моста — Николаевский и Дворцовый — оставались в руках юнкеров. Военно-революционный комитет приказал команде крейсера «Аврора» занять мосты и восстановить связь центральных районов с рабочими районами города.

Часам к 5 дня революционные отряды, направленные Ф. Э. Дзержинским, заняли Петропавловскую крепость и Центральный телеграф. В. И. Ленин, находившийся на конспиративной квартире, получил информацию ЦК о первых успехах восстания. Он тотчас же написал членам ЦК:

«Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно...

Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д...

...Ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью»¹.

Это был не только страстный призыв к смелым, решительным действиям. Это был приказ.

Вскоре после написания письма, ночью 24 октября, В. И. Ленин лично прибыл в Смольный для непосредственного руководства восстанием.

Темп революции нарастал. В 1 час 25 минут ночи был занят почтамт, в 2 часа ночи — захвачены вокзалы и электростанции. В 6 часов утра 25 октября отряд рабочих

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 203, 204.

овладел Государственным банком. В 7 часов в руки революционных отрядов перешёл последний из мостов, занятых юнкерами,— Дворцовый.

Рабочие Петрограда, солдаты и матросы Петроградского гарнизона, прошедшие под руководством большевистской партии хорошую школу, действовали решительно и энергично. Они точно выполняли приказы большевистского ВРК и к утру 25 октября 1917 г. овладели всеми важнейшими стратегическими пунктами столицы.

В это утро Керенский сбежал из Петрограда в Псков на машине американского атташе.

В 10 часов утра 25 октября В. И. Ленин написал знаменитое обращение «К гражданам России!», в котором сообщалось о свержении Временного правительства и о переходе власти в руки Советов. Выступая в тот же день на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Владимир Ильич отметил историческое значение октябрьского переворота. «Прежде всего, значение этого переворота состоит в том,— говорил В. И. Ленин,— что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма»¹.

25 октября власть в Петрограде фактически находилась уже в руках Военно-революционного комитета. У Временного правительства оставался только Зимний дворец. Численность гарнизона, охранявшего дворец, к 5 часам вечера составляла приблизительно 750—800 человек юнкеров и ударниц женского батальона (сформированного из деклассированных элементов и проституток).

Военно-революционный комитет стянул революционные части для захвата Зимнего дворца. В 9 часов вечера пушки крейсера «Аврора» и Петропавловской крепости дали первый залп по последнему убежищу Временного правительства.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 208.

Залп «Авроры» послужил сигналом к штурму дворца. Стояла ненастная погода, шёл мелкий осенний дождь, было темно. Боевые отряды атакующих изредка освещались лучами прожекторов. К 2 часам ночи 26 октября революционные отряды сломили сопротивление юнкеров и заняли Зимний дворец. Министры Временного правительства были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость.

Вооружённое восстание в Петрограде победило.

В то время, когда войска Военно-революционного комитета штурмовали Зимний дворец, открылся II съезд Советов. На съезде было представлено 600 делегатов, из которых 390 были большевиками. Меньшевики, правые эсеры и бундовцы почувствовали, что их песенка спета, и покинули съезд. Съезд, руководимый большевиками, принял Декларацию о переходе всей власти в руки Советов.

Вечером 26 октября Владимир Ильич прибыл на второе заседание съезда Советов. Делегаты устроили ему бурную овацию. В своём выступлении Ленин предложил принять два декрета: Декрет о мире и Декрет о земле. Съезд единогласно поддержал предложение Владимира Ильича Ленина.

В этот же день на съезде выступил Ф. Э. Дзержинский. Его суровое, усталое от бессонных ночей лицо светилось радостью. Сбылась мечта, за которую он боролся 22 года, за которую 11 лет просидел в тюрьмах, которую лелеял в своей душе, гремя кандалами в мрачных стенах.

С трибуны съезда он бросал в притихший зал пламенные слова:

«Мы знаем, что единственная сила, которая может освободить мир, это — пролетариат, который борется за социализм...

Те, от имени которых предложена эта декларация, идут в рядах пролетариата и беднейшего крестьянства; все те, кто покинул в эти трагические минуты этот зал, — те не друзья, а враги революции и пролетариата. У них отклика на это обращение вы не найдёте, но вы найдёте этот отклик в сердцах пролетариата всех стран. Вместе с такими союзниками мы достигнем мира»¹.

¹ «Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.», Гиз, 1928, стр. 17—18.

Победа социалистической революции выдвинула перед большевиками множество новых, чрезвычайно важных и спешных задач. Необходимо было установить Советскую власть по всей стране, сломать старый государственный аппарат и построить новый, сокрушить саботаж и сопротивление свергнутых классов, снабдить население продовольствием, наладить связь, ликвидировать анархию и т. д. Все большевики, начиная от членов ЦК и кончая рядовыми членами партии, работали в эти дни с величайшим напряжением.

Ф. Э. Дзержинский непосредственно возглавил всю практическую работу по разгрому контрреволюционных заговорщиков, саботажников, спекулянтов, по организации государственного аппарата защиты социалистической революции.

Установление в России Советской власти и мероприятия рабоче-крестьянского правительства, осуществляемые в интересах самых широких народных масс, вызвали бешеную ненависть помещиков, капиталистов, всей международной буржуазии. Мутная волна контрреволюции захлестывала молодую Советскую республику.

Бывший премьер и главноверх Керенский, бежавший 25 октября из Петрограда, пробрался в Гатчину, а затем в Псков. Отсюда он начал организацию наступления на революционный Петроград силами реорганизованного III конного корпуса генерала Краснова. На рассвете 27 октября казачьи части Краснова заняли Гатчину. Одновременно в самом Петрограде меньшевики, эсеры, члены городской думы, часть членов бывшего Центрофлота и другие антисоветские группировки создали так называемый «Комитет спасения родины и революции». Этим комитетом был разработан план контрреволюционного восстания в момент подхода к Петрограду отрядов Краснова. Основной опорой эсеровско-меньшевистского комитета являлись юнкера, которые должны были под руководством полковника Полковникова захватить Центральную телефонную станцию, Михайловский манеж (там стояли броневики), Петропавловскую крепость и обеспечить своими действиями падение красного Петрограда.

Керенский и Краснов обещали быть в Петрограде 30 октября. Поэтому и выступление юнкеров было приурочено эсерами к этому числу. Однако революционная

бдительность рядовых красногвардейцев и энергичные действия ВРК сорвали замыслы заговорщиков.

28 октября Ф. Э. Дзержинский направил Морскому Военно-революционному комитету следующее распоряжение: «Военно-революционным комитетом предписывается революционному Морскому комитету членов бывшего Центрофлота, не желающих помогать в работе укрепления и спасения русской революции, отправить немедленно в Кронштадт до выяснения политического положения страны». Уже к ночи того же числа стало очевидным, насколько это распоряжение было своевременным. У дворца Кшесинской красногвардейский патруль задержал двух подозрительных субъектов. У одного из арестованных — члена ЦК партии эсеров Брудерера был обнаружен во время обыска приказ полковника Полковникова, предлагавший юнкерским училищам и отрядам георгиевских кавалеров «привести части в боевую готовность и ждать распоряжений».

Получив сведения о готовящемся мятеже, Военно-революционный комитет приказал матросам и красногвардейцам окружить и обезоружить юнкерские училища. Благодаря энергичным мерам ВРК белогвардейский мятеж был подавлен в самом зародыше. Только отдельным кучкам юнкеров удалось вырваться на улицу и открыть беспорядочную стрельбу. Одна группа юнкеров даже ворвалась в помещение Центральной телефонной станции, но продержалась здесь всего-навсего 2 часа. К середине дня 29 октября мятеж полностью был ликвидирован.

Такая же участь постигла и авантюру Керенского. 30 октября революционные войска перешли в наступление и нанесли решающее поражение отрядам Краснова у Пулковских высот.

В самый разгар борьбы с мятежом Керенского — Краснова Каменев и Сокольников повели закулисные переговоры с Викжелем, меньшевиками и эсерами о прекращении наступления на войска Керенского и о ликвидации большевистского правительства. Это двурушническое поведение было разоблачено на заседании ЦК 1 ноября. Ф. Э. Дзержинский обвинил Каменева в сознательном нарушении постановлений ЦК и предложил выразить недоверие Каменеву и Сокольникову.

Вслед за ликвидацией авантюры Керенского и мятежа юнкеров в Петрограде Военно-революционный комитет

30 октября разоблачил шпионскую группу в Петроградской школе прапорщиков инженерных войск. 1 ноября по ордеру, подписанному В. И. Лениным, был произведен обыск в Михайловском училище и разоружены юнкера-белогвардейцы. В конце ноября ВРК раскрыл контрреволюционное гнездо в Обществе борьбы с детской смертностью.

Серьёзной победой ВРК была ликвидация монархического заговора так называемого «Русского собрания». Заговор был ликвидирован под непосредственным руководством Ф. Э. Дзержинского. 16 (29) ноября в помещении штаба Петроградского военного округа при попытке похитить бланки штаба был задержан прапорщик Зеленский. На допросе Зеленский признался, что задание похитить бланки он получил непосредственно от Пуришкевича, который возглавляет организацию «Русское собрание».

ВРК арестовал Пуришкевича и ряд его сообщников, принимавших, как потом выяснилось, активное участие в мятеже юнкеров 29 октября. При обыске у заговорщиков было изъято много оружия, в том числе и пулемёты, список членов организации, банки с цианистым калием, много подложных документов и других документов, участвующих арестованных в контрреволюционных действиях. Среди отобранных бумаг имелось письмо одного из руководителей организации — барона Бодэ к генералу Калединому, в котором мятежный донской генерал подробно информировался о работе по собиранию офицеров и юнкеров, формированию из них ударных отрядов и о подготовке вооружённого восстания в Петрограде.

Следствие по делу Пуришкевича показало, что «Русское собрание» ставило своей целью свержение Советской власти и восстановление монархии. Характерно, что монархические цели организации по указанию Пуришкевича тщательно скрывались. Объяснение этой тактики дал в своих показаниях прапорщик Зеленский. «В организации понимали, — говорил Зеленский, — что одни монархисты сами по себе чрезвычайно невесомы и ничтожны и что без правых эсеров (и вообще всех социалистов, которые против большевиков) потуги монархистов обречены на провал». Даже такой твердолобый монархист, как Пуришкевич, и тот понимал, что организовать более или менее серьёзное движение против Советской власти

можно только путём обмана. Пуришкевич правильно увидел в эсерах и меньшевиках своих сообщников, но он жестоко ошибался в оценке их влияния на массы. В ходе Великой Октябрьской социалистической революции эсеры и меньшевики окончательно разоблачили себя как агенты буржуазии. Их псевдодемократические лозунги стали теперь плохим прикрытием.

Весьма острой формой подрывной работы в первые дни Октября являлся саботаж. Чиновники учреждений бывшего Временного правительства отказывались работать на Советскую власть. Они саботировали выполнение важнейших, жизненно необходимых функций по снабжению населения продовольствием, по выдаче рабочим заработной платы, по обеспечению телеграфной и телефонной связи и т. п.

Саботаж, так же как и пьяные погромы, спекуляция и прочие антисоветские акты, не являлся стихийным выступлением чиновничества. Он организовывался, вдохновлялся и материально поддерживался иностранными империалистами и контрреволюционными организациями. Так называемое «Подпольное правительство», «Торгово-промышленный комитет», «Союз союзов», объединявший служащих государственных учреждений, «Союз трудовой интеллигенции» и другие подобные «союзы» и «комитеты» являлись своего рода штабами саботажников. Они получали миллионы рублей от капиталистов, банкиров, от американской, французской, румынской и других дипломатических миссий, собирали деньги по подписным листам и были настолько «щедры», что за три месяца вперёд выдавали чиновникам жалованье. Тех из чиновников, которые колебались, запугивали карами после падения Советской власти, которое, по единодушному предсказанию всех буржуазных, соглашательских газет и контрреволюционных агитаторов, должно было произойти со дня на день.

Под руководством Дзержинского ВРК провёл большую разъяснительную, организационную и карательную работу, направленную на ликвидацию саботажа чиновников.

7 (20) ноября Военно-революционный комитет опубликовал воззвание, в котором предупреждал саботажников, что, «если они не прекратят свой саботаж и доведут до приостановки подвоза продовольствия — первыми

тяготу созданного ими положения почувствуют они сами. Богатые классы и их прислужники будут лишены права получать продукты. Все запасы, имеющиеся у них, будут реквизированы. Имущество главных виновников будет конфисковано».

19 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров по докладу И. В. Сталина о мерах борьбы с саботажем в министерствах принял следующее решение:

«Рекомендовать Комиссариатам детально изучить сметы по своим Министерством. Если выяснится, что служащие Министерств получили своё жалование по 1 января 1918 г., то принять самые энергичные революционные меры для возвращения этих денег обратно по ведомствам. Перед арестами и преданием революционному суду не останавливаться. Предложить служащим, получившим жалование вперёд, или

- 1) работать, подчиняясь власти правительства, или
- 2) вернуть деньги.

В случае отказа судить их, как за воровство народного имущества»¹.

Спустя несколько дней ВРК объявил врагами народа всех чиновников государственных и общественных учреждений, саботировавших работу в важнейших отраслях народной жизни.

Энергичные мероприятия Военно-революционного комитета по отношению к верхушке саботажников, разъяснительная работа среди низших и средних слоёв служащих, широкая чистка учреждений привели к тому, что саботаж начал постепенно прекращаться.

16 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров назначил Ф. Э. Дзержинского членом коллегии НКВД. Вместе с ним в коллегию были назначены Петровский, Урицкий, Лазимир.

На следующий день народные комиссары явились в министерство внутренних дел. Все двери помещения оказались закрытыми. Звонили, стучали — никто не откликнулся. Наконец, отыскали сторожа, показали удостоверение Совнаркома и потребовали открыть двери. Сторож долго колебался, но потом отыскал ключи, попросив «вступить» за него, если «начальство» вздумает его ругать.

¹ «Из истории борьбы за установление Советской власти», Госполитиздат, 1943, стр. 73.

Овладев служебным зданием, комиссары приступили к работе. Понемногу стали появляться низшие служащие — курьеры, уборщицы; они с интересом присматривались к новым «министрам». А министры, засучив рукава, разбирались в многочисленных делах и картотеках огромного ведомства. Работали с утра до вечера, без обеда, так как для того, чтобы пообедать, необходимо было идти в Смольный, который находился довольно далеко от министерства.

Невзирая на трудности и лишения, сотрудники Наркомвнудела энергично приступили к исполнению новых для них государственных обязанностей.

Много внимания уделил Ф. Э. Дзержинский созданию при Советах рабоче-крестьянской милиции. Милиция периода Временного правительства сохранила в себе все черты старой царской полиции. Её необходимо было разрушить в первую очередь и создать взамен орган, способный охранять и укреплять революционный порядок в стране. Декрет об образовании рабочей милиции при Советах рабочих и солдатских депутатов был издан ещё 28 октября 1917 г. Согласно этому декрету в милицию принимались только лица, имеющие рекомендации партийных или профсоюзных организаций. Вооружение милиции возлагалось на военные власти.

19 ноября 1917 г. Ф. Э. Дзержинский подписал постановление ВРК, в котором предлагалось «отстранить от должности всех милиционеров, не подчиняющихся Советской власти». В постановлении предусматривалось также создание при Петроградском Совете комиссии по реорганизации охраны города. По этому же вопросу Ф. Э. Дзержинский выступил 5 декабря со специальным докладом на заседании Совета Народных Комиссаров. Он предложил ликвидировать Петроградское градоначальство, передав его дела соответствующим ведомствам. Выполнение этой работы Дзержинский рекомендовал поручить Ворошилову. СНК записал в своём решении: «Поручить тов. Ворошилову ликвидацию бывшего Петроградского градоначальства согласно плану тов. Дзержинского и организацию специального органа для поддержания спокойствия и порядка в Петрограде»¹.

¹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 27.

Вполне понятно, что создание рабочей милиции не являлось делом одной-двух недель. Потребовалось значительное время для того, чтобы создать аппарат милиции с надёжным и проверенным личным составом. Но уже те небольшие отряды милиции, которые были созданы в Петрограде на завтра после победы революции, сыграли огромную роль в ликвидации пьяных погромов и бандитских выступлений всевозможных уголовных элементов.

Наряду с напряжённой работой по обеспечиванию нормальной жизни советской столицы Ф. Э. Дзержинский принимает живейшее участие в осуществлении и других мероприятий ВРК. Он изыскивает средства для отправки 400 агитаторов в провинцию, снабжает оружием местные красногвардейские отряды, принимает меры к розыску похищенных из Зимнего дворца ценностей, регулярно информирует местные большевистские организации о положении в центре, снабжает их литературой.

Для Ф. Э. Дзержинского не существовало черновой работы. Все поручения партии, правительства, большие и малые, он выполнял с неизменной пунктуальностью. Феликс Эдмундович был поистине героем Октября, как называли его в партии.

Глава 4

НА СТРАЖЕ ЗАВОЕВАНИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

I

О жесточайшая классовая борьба, развернувшаяся немедленно после перехода власти в руки Советов, являлась наглядным подтверждением того, что потребуются крутые меры для подавления сопротивления буржуазии и помещиков. Мало было совершить революцию, захватив государственную власть. Нужно было отстоять завоевания революции.

Всякая революция, учил В. И. Ленин, лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. На проски внутренних и внешних врагов советского народа диктатура пролетариата должна была научиться отвечать «репрессивней, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян...»¹.

Сложность и специфический характер борьбы с заговорщиками и шпионами, спекулянтами и саботажниками, необходимость проведения систематической разведки и организации борьбы с врагами народа во всероссийском масштабе, наконец, временный характер такого учреждения, как ВРК, функции которого по мере укрепления нового государственного аппарата переходили в ведение других организаций, выдвинули вопрос о создании специального органа, достаточно гибкого, оперативного и четко организованного, для выполнения ответственной работы по охране государственной безопасности Советской страны.

21 ноября (4 декабря) 1917 г. Военно-революционный комитет, заслушав доклад Ф. Э. Дзержинского, пришёл к выводу о необходимости организации особой комиссии

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 150.

по борьбе с контрреволюцией. Спустя две недели, при обсуждении в Совнаркоме сообщения о возможности все-российской забастовки служащих правительственных учреждений, вновь возник вопрос о необходимости принятия срочных мер в целях предотвращения контрреволюционных выступлений. 6 (19) декабря Совет Народных Комиссаров, заслушав сообщение о возможности забастовки служащих, постановил: «Поручить тов. Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путём самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавления злого саботажа»¹. Уже на следующий день в Совнаркоме был назначен доклад Ф. Э. Дзержинского по этому вопросу. Накануне заседания В. И. Ленин прислал Дзержинскому записку, в которой писал:

«Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс...

Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками»².

Исходя из этого принципиального указания вождя революции, Ф. Э. Дзержинский разработал и представил 7 (20) декабря 1917 г. Совету Народных Комиссаров проект о создании специальной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Вечером 7 (20) декабря 1917 г. после перерыва на заседании СНК, когда «левые» эсеры (входившие тогда в правительство) ушли с заседания и в зале Совнаркома остались только большевики — Ленин, Сталин, Дзержинский, Петровский, Менжинский, Шотман и др., — слово было предоставлено Ф. Э. Дзержинскому. Основные положения, изложенные Дзержинским на заседании Совнаркома, зафиксированы в протоколе следующим образом:

«Задачи комиссии: 1) Преследовать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действия по всей России со стороны кого бы они ни исходили, 2) Предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер

¹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 6, д. 1, л. 29 об., 30.

² В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 336.

борьбы с ними, 3) Комиссия ведёт только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения...

Комиссия сконструирована окончательно завтра, пока действует Ликвидационная Комиссия Военно-Революционного Комитета.

Комиссия обращает внимание на печать, саботаж правых социал-револ. и т. д.»¹.

В историческом постановлении Совета Народных Комиссаров по докладу Ф. Э. Дзержинского записано:

«Назвать комиссию — Всероссийской Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем, и утвердить её. Меры: конфискация, водворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.»².

Так был создан новый орган пролетарской диктатуры. Жизнь неоднократно подтверждала великое историческое значение этого акта для дела революции. В. И. Ленин говорил, что в суровой обстановке, когда враги окружали нашу страну, угрожали ей нашествием, строили коварные заговоры, не останавливаясь ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу, у нас не могло быть «другого ответа, кроме ответа учреждения, которое бы знало каждый шаг заговорщика и умело бы быть не уговаривающим, а карающим немедленно. Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры, не имеющие желаний преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов»³.

Когда зашла речь о руководителе ВЧК, В. И. Ленин сказал:

— Здесь нужен хороший пролетарский якобинец...

И тогда взоры всех присутствовавших обратились к Дзержинскому. Да, именно он мог возглавить такой ответственный орган, как Чрезвычайная комиссия. Кристально чистый большевик, чуткий, прозорливый, непримиримый к врагам революции, он пользовался заслуженной любовью в партии.

¹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 1, л. 31.

² Там же.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 150.

Поставленный партией на боевой пост, Ф. Э. Дзержинский отдал всю свою душу тяжёлой, но благородной работе. В письме к жене он писал в тот период:

«Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасти наш дом. Некогда думать о своих и о себе. Работа и борьба адская. Но сердце моё в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше. Всё моё время, это — одно непрерывное действие...

Я выдвинут на пост передовой линии огня, и моя воля: бороться и смотреть открытыми глазами на всю опасность грозного положения и самому быть беспощадным, чтобы, как верный сторожевой пёс, растерзать врага»¹.

Этой страстной и высокой идейности учил Ф. Э. Дзержинский всех работников ВЧК. Он воспитывал чекистов в духе преданности большевистской партии, непримиримости ко всем врагам Родины, в духе строжайшей революционной законности и повседневной революционной бдительности.

«У чекиста,— говорил Феликс Эдмундович,— должны быть горячее сердце, холодный ум и чистые руки».

Под руководством Феликса Дзержинского ВЧК честно и самоотверженно выполняла великую историческую миссию, отражая стальной рукой натиск врагов пролетарской революции.

II

Потерпев поражение в Октябре, свергнутые эксплуататоры с ещё большим ожесточением повели борьбу против Советской власти. Ради восстановления своего господства, ради сохранения прежнего социального и национального неравенства буржуазия и помещики шли на любые преступления, на самые чудовищные заговоры. Не в силах справиться своими собственными средствами с могучим народным движением в России, они пошли на поклон к иностранной буржуазии, обещая расплатиться нашей родной русской землёй. Годы гражданской войны в СССР необычайно ярко показали, что, когда «дело доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и

¹ Ф. Э. Дзержинский, Избранные статьи и речи, 1908—1926, Госполитиздат, 1947, стр. 118.

независимости... когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами»¹.

Что же касается иностранной буржуазии, то она так же бешено ненавидела Советскую власть, боясь, как бы искры русского революционного пожара не попали на их крыши. Связанная тысячами нитей со старой Россией, буржуазия Европы и Америки была заинтересована в сохранении дореволюционных порядков в нашей стране, ибо они делали обширное и богатое государство удобным объектом для расчленения и порабощения. Иностранная буржуазия тем охотнее пошла на борьбу с Советской властью, что она была уверена в непрочности диктатуры пролетариата и надеялась получить выгодные территориальные приобретения.

Гражданская война в СССР, начатая внутренней контрреволюцией, слилась, таким образом, с иностранной вооружённой интервенцией. Война 1918—1920 гг. являлась не только войной против свергнутых помещиков и капиталистов, но и отечественной войной за сохранение целостности и национальной независимости нашего государства.

Великая историческая заслуга небольшой по численности, но воодушевлённой любовью к Родине Чрезвычайной комиссии заключается в том, что она своей самоотверженной работой оказала серьёзную помощь советскому народу в борьбе за свободу, государственную самостоятельность и национальную независимость России.

Из всех внешних врагов молодой Советской республики империалистическая Германия первая начала кровавый поход против нашего народа.

18 февраля 1918 г., воспользовавшись предательским поведением Троцкого во время мирных переговоров, немецкие империалисты бросили свои дивизии на Украину, Белоруссию и Петроград. Быстрое продвижение германских империалистов на восток вызвало активизацию подрывной работы внутри Советской республики всевозможных шпионских, диверсионных и прочих организаций. 21 февраля Совет Народных Комиссаров принял знаменитый ленинский декрет — воззвание «Социалистическое

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 9.

отечество в опасности». Раскрыв империалистические цели германского наступления, СНК предлагал: «неприятельские агенты, спекулянты, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления». Всероссийская Чрезвычайная комиссия приняла самые энергичные меры для выполнения этого указания правительства.

23 февраля ВЧК опубликовала следующее сообщение:

«Всероссийская Чрезвычайная комиссия доводит до сведения всех граждан, что до сих пор комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа, но в данный момент, когда гидра контрреволюции нагнет с каждым днём... Всероссийская Чрезвычайная комиссия, основываясь на постановлении Совета Народных Комиссаров, не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и другими паразитами, кроме *беспощадного уничтожения на месте преступления*».

Решительный отпор, полученный немцами от героических отрядов Красной Армии, заставил германских империалистов принять предложение Советского правительства о заключении мира. Но, и подписав мирный договор, немцы не прекратили своей подрывной работы в пределах нашей страны. Не прекращали борьбы против Советской власти и многочисленные контрреволюционные и бандитские элементы. 25 февраля 1918 г. ВЧК арестовала крупного бандита «князя» Эболи, выступавшего в своих разбойничьих операциях под видом сотрудника ВЧК. Когда «князь» Эболи был доставлен в ВЧК, Ф. Э. Дзержинский, ознакомившись с делом, приказал немедленно расстрелять бандита. По свидетельству работников ВЧК, это был первый смертный приговор, вынесенный в Чрезвычайной комиссии.

В период кратковременной передышки после заключения Брестского мира ВЧК провела значительную работу по укреплению революционного порядка в важнейших городах страны. В Москве в ночь с 11 на 12 апреля 1918 г. по приказу Дзержинского были окружены особняки, захваченные анархистами. Анархистская «чёрная гвардия» терроризировала всё население столицы. Московские анархисты арестовывали и задерживали граждан, имели свои отряды, устраивали из особняков внутри города свои крепости и открыто угрожали Советской власти. «Наши

враги,— говорил Дзержинский,— использовали кажущуюся силу анархистов, чтобы в глазах всего мира дискредитировать Советскую власть».

Быстрая и энергично проведённая операция привела к полному разгрому «чёрной гвардии». Анархисты как организованная сила перестали существовать. Преступность в Москве сразу сократилась на 80%. ВЧК объявила населению Москвы, что одной из важнейших задач ВЧК и впредь «будет борьба за полную безопасность и неприкосновенность личности и имущества граждан от произвола и насилия самозванных захватчиков и бандитов, разбойников и хулиганов...».

Огромную работу провели чекисты по выявлению спекулянтов, расстраивавших экономику страны и стремившихся путём скупки акций, паёв и других ценных бумаг поставить Советскую республику в зависимость от иностранных капиталистов (по Брестскому договору Советское правительство должно было оплачивать эти акции, если они предъявлялись германским правительством). Борьба со спекулянтами имела серьёзное значение. «С этой сволочью,— писал в 1918 г. Ленин,— надо расправиться так, чтобы все *на годы* запомнили»¹.

Чрезвычайная комиссия установила, что этот вид подрывной работы в особенно широких размерах проводило немецкое посольство. Германский посол помимо организации шпионажа занимался всевозможными спекулятивными операциями. По его поручению братья Череп-Спиродовичи скупали акции наших заводов, копей, рудников и передавали в немецкое посольство. Другой немецкий агент — Шнейдер «специализировался» на скупке ниток. При обыске у него был обнаружен целый склад этого дефицитного товара, общей стоимостью более чем в 20 млн. рублей. В апреле 1918 г. во время обыска у одного из германских подданных ВЧК обнаружила 2400 паёв «Потеляховского хлопчатобумажного товарищества» стоимостью в 300 млн. рублей. Следствие по этому делу вновь привело Чрезвычайную комиссию к особняку немецкого посольства в Денежном переулке.

В течение марта — июля 1918 г. ВЧК конфисковала различных спекулятивных товаров на сумму свыше 7 млн. рублей. Только в течение апреля у спекулянтов

¹ Ленинский сборник XXXIV, стр. 65.

было изъято более 362 пудов опия, в котором медицина испытывала острую нужду.

Оценивая деятельность ВЧК в первые месяцы 1918 г., Ф. Э. Дзержинский говорил:

«Это был период самой разнузданной спекуляции под покровительством Мирбаха... При тех массовых распродажах и передачах акций в руки немецких хищников, которые имели место при деятельном участии Мирбаха и других с Денежного переулка, пришлось применить самую сильную меру — расстрел. Эта мера была применена к Череп-Спиридовичам, которые продали немцам акции копей и рудников»¹.

Однако спекуляция и скупка акций наших предприятий не являлись основными в обширном арсенале приёмов и методов подрывной работы германской разведки. Вскоре ВЧК раскрыла целый ряд контрреволюционных заговоров, направленных непосредственно на свержение власти (заговор Щастного, Савинкова и др.).

6 июля 1918 года «левые» эсеры убили германского посла Мирбаха. В момент совершения этого преступления председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский находился в здании Чрезвычайной комиссии. Он собирался на съезд Советов, когда позвонил Ленин и сообщил, что убит германский посол Мирбах. Ещё не ясно было, кто произвёл это провокационное покушение, но политический смысл его был совершенно очевиден. Убийство посла могло быть на руку только тем, кто стремился спровоцировать войну между Советской Россией и Германией, т. е. англо-французским империалистам и их агентам. Убийство в Денежном переулке грозило тяжёлыми последствиями для Советской республики. В. И. Ленин предложил Дзержинскому произвести самое тщательное расследование и установить личность убийцы.

Взяв с собой следователей, Ф. Э. Дзержинский отправился в немецкое посольство. Здесь ему показали документ, с помощью которого преступники проникли в здание посольства. Одного взгляда на эту бумажку было достаточно, чтобы стала ясной вся гнусность провокации: удостоверение от ВЧК на имя Блюмкина и Андреева было подложным, подписи Дзержинского и секретаря ВЧК Ксенофонтова подделаны, но печать была настоящей, а она хранилась у заместителя председателя ВЧК «левого»

¹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 22, д. 7, л. 1—6.

эсера Александровича. Без его ведома печать не могла быть использована для оформления подложного документа. Так прояснились обстоятельства убийства Мирбаха и выяснилась первая группа лиц, принимавших участие в этой провокации.

Выйдя из немецкого посольства, Ф. Э. Дзержинский отправился в отряд Попова, куда, по полученным от сотрудников ВЧК сведениям, скрылись убийцы Блюмкин и Андреев.

В отряде ВЧК, которым командовал Попов, царило необычное оживление. Во дворе и в помещениях толпились вооружённые матросы, многие из них были пьяны и громко разговаривали, размахивая руками. Другие возились с консервными банками, тащили со склада по две пары сапог, бельё, связки белых баранок. У некоторых на пальцах сверкало по три-четыре золотых кольца.

Самое страшное и обидное заключалось в том, что это был отряд ВЧК. Предоставленный в распоряжение Александровича и Попова, он из орудия защиты Советской власти был превращён в банду головорезов. Пользуясь бесконтрольностью, Попов под различными предлогами удалил из отряда преданных революции бойцов и самовольно набрал антисоветски настроенных солдат и матросов.

Ф. Э. Дзержинский прошёл мимо толпящихся матросов в штаб отряда. От Попова он потребовал немедленно привести к нему Блюмкина. Попов ответил, что Блюмкин уехал в больницу. Не доверяя Попову, Дзержинский стал лично осматривать комнаты. В это время к нему подошли главарь «левых» эсеров Прохьян и Карелин в сопровождении нескольких десятков вооружённых матросов и заявили:

— Ищите, не ищите, мы Блюмкина не отдадим, так как граф Мирбах убит им по постановлению ЦК «левых» эсеров и ЦК принимает на себя всю ответственность за этот акт.

Теперь стало ясно, что «левые» эсеры решили открыто выступить против Советской власти. Стало понятным и поведение Александровича и возбуждённое состояние отряда. Нужно было действовать твёрдо и решительно.

— Я объявляю вас арестованными, — сказал Дзержинский, обращаясь к Прохьяну и Карелину, — и, если Попов вздумает мне помешать, я убью его, как предателя.

Прошьян и Карелин ответили, что они повинуются, но, вместо того чтобы идти за Дзержинским к его автомобилю, бросились в соседнюю комнату, где находились Александрович, Черепанов, Спиридонов, Фишман, Камков и другие левоэсеровские главари. Оттуда вышел Саблин и потребовал от Дзержинского сдачи оружия. Дзержинский отказался и обратился к окружавшим его матросам: допустят ли они, чтобы какой-то господин обезоружил председателя ВЧК, в отряде которого они состоят? Матросы заколебались, но в это время в комнату ввалилась новая группа пьяных матросов. Прошьян схватил Дзержинского за обе руки, кто-то вырвал у Феликса Эдмундовича револьвер.

— Мир сорван, и с этим фактом вам придётся считаться, — говорил сияющий Черепанов, — у вас были октябрьские дни, у нас — июльские.

Дзержинский не удостоил его ответом. Когда в комнату вошёл Попов, Феликс Эдмундович обратился к нему:

— Дайте мне ваш револьвер.

Попов растерялся и спросил:

— А зачем?

— Я пушу вам пулю в лоб, как негодяю.

Попов поспешил убраться из комнаты.

Вскоре Дзержинскому объявили, что он оставляется в качестве заложника за Спиридонову, которая отправилась в Большой театр на съезд Советов.

— В таком случае, — ответил Дзержинский, — вам надо заранее меня расстрелять, потому что, если Спиридонову арестуют, я первый потребую, чтобы её ни в коем случае не освобождали.

Спустя некоторое время пришло сообщение об аресте Советской властью всех «левых» эсеров — участников съезда со Спиридоновой во главе. Попов рвал и метал:

— За Марию снесу пол-Кремля, пол-Лубянки, полтеатра!

Однако в этих истеричных угрозах чувствовались растерянность и страх.

Ночью «левые» эсеры захватили телеграф, но вскоре были выбиты оттуда, успев, однако, разослать несколько провокационных телеграмм. К утру Советское правительство собрало уже достаточные военные силы, для того чтобы начать решительное наступление против мятежников. Ликвидацией мятежа руководил лично В. И. Ленин.

«Левые» эсеры пытались было обстрелять из орудий Кремль и выпустили несколько снарядов, что, конечно, несколько не изменило их положения. Часов в 10 утра мятежники поняли безнадежность сопротивления и стали разбегаться.

Ленин направил в Московский Совет для передачи всем волостным, деревенским и уездным Советам Московской губернии следующую телефонограмму: «Разбитые банды восставших против Советской власти левых эсеров разбегаются по окрестностям. Убегают вожди всей этой авантюры. Принять все меры к поимке и задержанию дерзнувших восстать против Советской власти. Задерживать все автомобили. Везде опустить шлагбаумы на шоссе. Возле них сосредоточить вооруженные отряды местных рабочих и крестьян. Есть сведения, что один броневик, который был у восставших, бежал за город. Принять все меры к задержанию этого броневика»¹.

Аналогичное приказание Ленина было передано по телефону Басманному, Лефортовскому и Сокольническому Советам².

Освобождённый утром 7 июля, Ф. Э. Дзержинский принял энергичные меры к задержанию членов ЦК партии «левых» эсеров и других главарей мятежа. Вскоре в ВЧК стали приводить первых задержанных. На одном из вокзалов был арестован Александрович. Он уже успел побриться и переодеться, но всё же был опознан чекистами. В тот же день Александрович и 12 других активных участников восстания из отряда Попова были расстреляны по приговору ВЧК.

Так закончилась авантюра «левых» эсеров, которую Дзержинский метко назвал «петушиным восстанием».

Здесь нельзя не отметить ту самокритичность и высокие требования к себе, которые проявились у Ф. Э. Дзержинского и в связи с левозеровским мятежом. Дзержинский считал себя морально ответственным за проникновение в аппарат ВЧК врагов социалистической революции. В заявлении Совету Народных Комиссаров он писал: «Ввиду того что я являюсь, несомненно, одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посланника графа Мирбаха, я не считаю для себя возможным

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 280.

² См. Ленинский сборник XXXIV, стр. 30.

оставаться больше во главе Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией в качестве её председателя, равно как и вообще принимать какое-либо участие в комиссии. Я прошу Совет Народных Комиссаров освободить меня от работы в комиссии».

Совнарком принял отставку Ф. Э. Дзержинского, но при формировании нового состава ЧК вновь включил его в комиссию. Не являясь формально её председателем, Ф. Э. Дзержинский фактически продолжал быть руководителем всей работы ВЧК. Под его руководством была проведена решительная чистка органов ВЧК от «левых» эсеров и осуществлён ряд организационных мероприятий по улучшению работы всех звеньев Чрезвычайной комиссии. Вскоре Ф. Э. Дзержинский и официально был утверждён председателем ВЧК. В протоколе заседания Совнаркома от 22 августа по этому вопросу записано: «Председателем ВЧК вновь назначается тов. Ф. Э. Дзержинский, отставка которого была принята больше месяца тому назад по собственному его прошению».

III

В июне — августе 1918 г. по всей стране прокатилась волна контрреволюционных выступлений. 20 июня в Петрограде был убит пламенный трибун революции Володарский. Рабочие Петрограда решили отомстить за смерть своего любимца массовым террором против контрреволюционеров, но Зиновьев, Евдокимов и другие предатели, стоявшие тогда во главе петроградских организаций, взяли под свою защиту террористов. Узнав об этом на заседании ЦК партии 26 июня 1918 г., Ленин возмущённо написал:

«Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, *тормозим* революционную инициативу масс, *вполне* правильную.

Это не — воз — мож — но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего *решает*»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 275.

Несмотря на это категорическое указание В. И. Ленина, Зиновьев не принял требуемых мер против контрреволюционных террористов. 30 августа контрреволюционными заговорщиками был убит председатель Петроградской чрезвычайной комиссии тов. Урицкий.

Не доверяя петроградским руководителям, В. И. Ленин направил туда Феликса Дзержинского. В день приезда в Петроград Дзержинский получил страшное известие: в Москве правая эсерка Каплан совершила злодейское покушение на жизнь Владимира Ильича, вождь революции тяжело ранен. Дзержинский немедленно решил вернуться в Москву. Его удерживали, обещали предоставить специальный поезд, но он отказался и уехал в обычном переполненном вагоне.

Весть о покушении на Владимира Ильича потрясла народные массы. Трудящиеся требовали беспощадной расправы над врагами революции. В обращении ВЧК к народу по поводу покушения на В. И. Ленина Дзержинский писал: «Преступная авантюра с.-рев., белогвардейцев и всех других лжесоциалистов заставляет нас на преступные замыслы врагов рабочего класса отвечать массовым террором. Карающая рука рабочего класса разрывает цепи рабства, и горе тем, кто станет на пути рабочего класса, кто осмелится ставить рогатки социалистической революции»¹.

Вечером 2 сентября ВЦИК по докладу Я. М. Свердлова принял постановление об объявлении Советской республики военным лагерем. В постановлении говорилось:

«Все силы и средства социалистической республики ставятся в распоряжение священного дела вооружённой борьбы против насильников.

Все граждане, независимо от занятий и возраста, должны беспрекословно выполнять те обязанности по обороне страны, какие будут на них возложены Советской властью»².

5 сентября 1918 г. Совет Народных Комиссаров вынес по докладу Дзержинского следующее постановление:

«Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией о деятельности этой комиссии, находит, что при

¹ «Известия», 1 сентября 1918 г.

² «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. 1, Госполитиздат, 1940, стр. 216.

дании ситуации обеспечение тыла путём террора является прямой необходимостью;

что для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и внесения в неё большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей;

что необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путём изолирования их в концентрационных лагерях;

подлежат расстрелу все лица, причисленные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам;

что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»¹.

Выполняя указание Совета Народных Комиссаров, Чрезвычайная комиссия очистила Советскую страну от многих тысяч шпионов, диверсантов, террористов, уничтожила сотни контрреволюционных заговоров. «Красный террор, — говорил Дзержинский — был не чем иным, как выражением воли пролетариата и беднейшего крестьянства уничтожить всякие попытки контрреволюционных восстаний и победить врага. И эта воля была проявлена»².

Боевая деятельность ВЧК была высоко оценена В. И. Лениным. 7 ноября 1918 г. на митинге сотрудников ВЧК В. И. Ленин говорил: «Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их задача перед пролетариатом»³.

В начале февраля 1919 г. ЦК РКП(б) обратился со специальным письмом к коммунистам — работникам чрезвычайных комиссий. «ЦК РКП(б), — говорилось в письме, — должен отметить с удовлетворением, что только благодаря энергичной работе ЧК, пролетариату и Советской власти удалось в корне пресечь формирование к.-р. офицерских частей на территории Советской республики, уничтожить вербовочные организации контрреволюционных центров Краснова, Алексева, Деникина и прочих, разбить ряды к.-р. организаций, как-то «Союз спасения

¹ «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. 1, стр. 216—217.

² ЦГАОР, ф. 1235, оп. 22, д. 7, л. 1—6.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 151.

России» и т. п., обиажить связь этих организаций с иностранными шпионскими организациями»¹.

ВЧК, возглавляемая Ф. Э. Дзержинским, вполне заслужила этой высокой оценки. За период с августа по декабрь 1918 г. ВЧК разоблачила и ликвидировала контрреволюционные заговоры в Рязани, Костроме, Борисоглебске, Астрахани, Царицыне и в ряде других городов.

В центре Советской республики — в Москве контрреволюционеры имели особенно много тайных организаций. Это и не удивительно, ибо в столице к этому времени скопилось около 38 тыс. кадровых офицеров и офицеров военного времени. Здесь находился центральный государственный аппарат, против которого заговорщики в первую очередь направляли предательские удары.

ВЧК раскрыла в Москве белоэсеровский заговор, «Сокольническую военную организацию», «Всероссийский монархический союз», «Орден романовцев», «Объединённую офицерскую организацию» и ряд других. Все эти контрреволюционные группы имели широко разветвлённый шпионский аппарат. Так, например, «Объединённая офицерская организация» имела своих ставленников в Центральной комиссии по борьбе с дезертирством, в Центральном управлении военных сообщений, во Всероссийском главном штабе и в других учреждениях. Подобная система маскировки давала заговорщикам возможность быть в курсе основных мероприятий крупнейших советских учреждений и собирать обширный шпионский материал.

В ночь с 31 августа на 1 сентября ВЧК раскрыла крупнейший заговор, организованный разведками иностранных государств, — так называемый «заговор послов», во главе которого стоял матёрый английский шпион Локкарт.

В результате осуществления политики красного террора в 1918 г. было репрессировано 31 489 человек. По официальным данным ВЧК, из этого количества было расстреляно 6185 человек, заключено в тюрьму 14 829 человек, направлено в концентрационные лагеря 6407 человек, взято заложников 4068 человек².

Ф. Э. Дзержинский имел все основания сказать: «Никогда нашего красного террора, в самые его ужасные

¹ «Известия», 8 февраля 1919 г.

² См. «Известия», 6 февраля 1920 г.

минуты, нельзя приравнять к маленькой капле белого террора, когда вешали рабочих целыми тысячами, вешали только потому, что они рабочие»¹.

Объявление красного террора было чрезвычайной и временной мерой. В. И. Ленин неоднократно указывал, что террор навязан нам терроризмом Антанты. Отвечая на вопросы американского журналиста, В. И. Ленин подчёркивал: «После революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было и речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Красиова. Лишь после того, как эксплуататоры, т. е. капиталисты, стали развешивать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора. Это было ответом пролетариата на такие поступки буржуазии, как заговор совместно с капиталистами Германии, Англии, Японии, Америки, Франции для восстановления власти эксплуататоров в России, подкуп англо-французскими деньгами чехословаков, германскими и французскими — Маниергейма, Деинкина и пр. и т. п.»².

В суровые годы гражданской войны и иностранной военной интервенции Советское правительство при малейшей возможности ослабляло красный террор и всячески укрепляло революционную законность. В. И. Ленин считал вредными аресты только по одному подозрению, без фактических доказательств. И когда один из работников ВЧК опубликовал статью, в которой писал: «Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он (т. е. выходец из буржуазной среды.— П. С.) против Совета оружием или словом», В. И. Ленин назвал этот призыв «нелепостью».

Уже в начале декабря 1918 г., когда на фронтах намечались первые победы Красной Армии, была создана специальная комиссия Совета рабоче-крестьянской обороны под председательством В. И. Ленина для пересмотра порядка ареста ответственных советских работников и специалистов. Сохранилась собственноручная ленинская запись предложений, высказанных им на заседании комиссии по работе ВЧК. Ленин считал необходимым осуществить следующие мероприятия:

¹ «Известия», 6 февраля 1920 г.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 476—477.

1) во главе чрезвычайных комиссий ставить членов партии, не менее 2 лет проживших в партии;

2) подтвердить право профессиональных и партийных организаций брать арестованных на поруки;

3) более строго преследовать и карать расстрелом за ложные доносы;

4) предоставить право брать на поруки Наркомам с подписью двух членов коллегии наркомата;

5) предоставить право наркомам и губкомам партии участвовать в следствии;

6) немедленно расширить в ВЧК отдел жалоб и просьб об ускорении дела¹.

Все эти предложения имели целью усилить партийный контроль за деятельностью чрезвычайных комиссий, улучшить соблюдение революционной законности, сделать аппарат ЧК ещё более оперативным и чётко действующим.

На основе ленинских указаний Ф. Э. Дзержинский 19 декабря 1918 г. издал приказ об изменении некоторых методов работы чрезвычайных комиссий. В приказе разъяснялось, что для укрепления военного и хозяйственного механизма страны необходимо привлечь к работе в советских органах все технические силы, даже колеблющихся и буржуазно настроенных специалистов. Между тем, как отмечалось в приказе, «ЧК на местах не дают возможности этого выполнить, арестовывая их на каждом шагу, чем идут в разрез с постановлением центра и дискредитируют ЧК как орган государственной власти».

Местным органам ЧК предлагалось:

во-первых, «не терроризировать мирную обывательскую среду, а дать ей возможность окончательно убедиться в прочности и необходимости существования Советской власти, то же самое относительно рабочих и беднейших крестьян; надо быть сугубо осторожным и не терроризировать их в процессе борьбы с буржуем и кулаком»;

во-вторых, «мелкобуржуазным элементам, всем специалистам необходимо дать полную возможность работать, однако, чтобы не имели возможности надуть Советскую власть. ЧК необходимо установить строжайшее негласное наблюдение и производить аресты у них только тогда, когда можно быть уверенным, что там имеются матери-

¹ См. Ленинский сборник XXI, стр. 226.

алы, уличающие то или иное лицо, пробравшееся на советскую службу»;

в-третьих, «в занимаемых нами вновь областях прекратить террор мирного населения и прочистить советские ряды от примазавшихся элементов, которые спешат занять советские места, будучи явными врагами Советской власти»;

в-четвёртых, «относиться в высшей степени осторожно к железнодорожному аппарату, давая возможность налаживать таковой».

ВЧК вместе с тем предупреждала местные чрезвычайные комиссии от неправильного толкования решения Совета обороны как решения, ограничивающего права ЧК. Это решение, говорилось в приказе, нужно рассматривать как указание о переходе «к более сложным и осмотрительным, но не менее решительным приёмам борьбы с настоящим врагом».

В приказе предлагалось, далее, немедленно создать контрольные коллегии при ЧК и держать самую тесную связь с местными партийными комитетами.

ЦК РКП(б), повседневно руководивший деятельностью ВЧК, счёл необходимым произвести и некоторые другие изменения в работе чрезвычайных комиссий. 8 февраля 1919 г. ЦК РКП(б) обратился ко всем коммунистам — работникам чрезвычайных комиссий с письмом о новых правилах работы ЧК. Эти правила устанавливают, говорилось в письме ЦК, «что право вынесения приговоров передаётся новым реорганизованным революционным трибуналам, а деятельность ЧК сосредоточивается на общем наблюдении за движением контрреволюционных сил, на непосредственной борьбе с вооружёнными выступлениями (контрреволюционными, бандитскими и т. п.)».

Центральный Комитет партии выражал в заключение твёрдую уверенность в том, что «и в этой области работы работники ЧК проявят всю свою преданность делу пролетарской революции», и призвал чекистов к «дальнейшей энергичной и дисциплинированной работе по директивам и указаниям партии»¹.

По поручению ЦК РКП(б) Ф. Э. Дзержинский работал и 17 февраля 1919 г. представил во ВЦИК проект Декрета о реорганизации ЧК и трибуналов.

¹ «Известия», 8 февраля 1919 г.

В докладе на заседании ВЦИК Ф. Э. Дзержинский сделал обзор деятельности ВЧК и её местных органов со времени их организации. Он отметил огромную заслугу чрезвычайных комиссий в укреплении Советской власти, в разгроме сплочённого внутреннего фронта контрреволюции. «В настоящее время,— говорил Дзержинский,— положение совершенно ясно и определённо: Россия желает и имеет силы быть Советской Россией, Россией рабочих и крестьян. Наши внутренние враги — бывшее офицерство, буржуазия, чиновничество царское разбиты, распылены»¹.

Разгромлённые, но не ликвидированные враги социалистической революции изменили тактику борьбы. «Теперь они стараются пролезть в наши советские учреждения, чтобы, находясь в наших рядах, саботировать работу... Они подыскивают отдельных лиц, отправляя их как бойцов к нашим противникам, и посылают им необходимые сведения для того, чтобы предать нашу армию и выдать наши военные тайны».

Изменение тактики врагов требовало, естественно, и изменения методов борьбы с ними.

С другой стороны, непосредственная расправа органов ВЧК с уличёнными преступниками не вызывалась необходимостью. Раньше, когда враги выступали с оружием в руках, убивая руководителей Советского государства и поднимая вооружённые восстания, необходима была расправа с преступниками на месте, тогда некогда было судить. Теперь, когда контрреволюционные силы были распылены и временно притихли, появилась возможность судить их. Поэтому проект декрета, предложенный Ф. Э. Дзержинским, и предусматривал, что право вынесения приговоров по всем делам, возникавшим в чрезвычайных комиссиях, передаётся реорганизованным трибуналам, причём следствие по всем делам должно было заканчиваться не позднее месячного срока.

Кроме наказаний по суду, Ф. Э. Дзержинский предложил сохранить систему наказаний преступников в административном порядке, в частности путём заключения в концентрационные лагеря, которые Дзержинский называл «школой труда» для тех, «кто не может работать без известного принуждения».

¹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 22, д. 7, л. 1 — 6.

Проектом декрета предусматривалось предоставление ВЧК права заключать в концентрационные лагеря в административном порядке.

Говоря об успехах в борьбе с контрреволюцией, Ф. Э. Дзержинский предостерегал от самоуспокоения и притупления революционной бдительности. «Мы не должны убаюкивать себя, — предупреждал он, — мы должны своим врагам сказать, что если они посмеют выступить с оружием в руках, тогда все те полномочия, которые имела раньше Чрезвычайная комиссия, она будет иметь и дальше».

Эта мысль нашла выражение в одном из пунктов проекта декрета, который гласил: «При наличии вооружённого выступления (контрреволюционных, бандитских и т. п.) за чрезвычайными комиссиями сохраняется право непосредственной расправы для пресечения преступников». Такое же право предоставлялось чрезвычайным комиссиям в местностях, объявленных на военном положении, в случае преступлений, предусмотренных в постановлениях о введении военного положения.

Весь проект декрета, доложенный Ф. Э. Дзержинским на заседании ВЦИК, был по предложению Я. М. Свердлова принят и получил законодательную силу.

Непосредственное отношение к реформе чрезвычайных комиссий, осуществлённой партией и Советским правительством в начале 1919 г., имеет объединение руководства ВЧК и Наркомвнутделом в руках Дзержинского. 16 марта 1919 г. решением ВЦИК Ф. Э. Дзержинский был назначен народным комиссаром внутренних дел. В связи с этим значительно облегчилась координация деятельности двух важнейших органов власти.

Мероприятия Центрального Комитета и Советского правительства были направлены на дальнейшее укрепление революционной законности в стране. Однако полное осуществление этих мероприятий было невозможно ввиду постоянных выступлений контрреволюционных сил и империалистических государств против Советской власти.

IV

В годы гражданской войны наряду с работой в ВЧК Ф. Э. Дзержинский принимал и непосредственное участие в обороне страны.

К концу 1918 г., когда империалисты Антанты одержали победу над Германией, их интервенция в Советскую страну ещё больше усилилась. В ночь с 15 на 16 ноября тяжёлые корабли англо-французской эскадры вошли в Чёрное море и вскоре высадили десанты на юге Советской республики. Интервенты увеличили свои войска на Севере и Дальнем Востоке.

Основным фронтом в этот период был для Советской страны Восточный фронт. Здесь ставленник англо-франко-американских империалистов Колчак создал хорошо вооружённую, насчитывающую до 100 тыс. солдат армию. В конце ноября 1918 г. Сибирская армия перешла в наступление и 24 декабря заняла Пермь. III Красная армия, оборонявшая Пермь, начала в беспорядке отступать. В это же время английские войска начали наступление от Архангельска на Котлас. Замысел сводился к тому, чтобы объединить силы восточной и северной контрреволюции, а затем начать операции против Москвы и Петрограда.

Падение Перми крайне осложнило обстановку на Восточном фронте. Вот почему ЦК партии по предложению В. И. Ленина решил направить на Восточный фронт Ф. Э. Дзержинского и И. В. Сталина для расследования причин сдачи Перми и принятия необходимых мер для исправления положения на фронте.

Ф. Э. Дзержинский и И. В. Сталин приняли решительные меры для укрепления III армии. Дзержинский мобилизовал Вятскую губернскую ЧК на помощь фронту, на ликвидацию контрреволюционных выступлений в тылу армий. В процессе работы по укреплению фронта и тыла особое внимание уделялось бойцам Красной Армии, улучшению их питания и снаряжения. Вятские старожилы рассказывают следующий весьма характерный случай. Когда стало известно, что раненые бойцы III армии плохо одеты и что во время перевозки их с фронта в тыл был случай, когда они замерзли на лютom морозе, Ф. Э. Дзержинский и И. В. Сталин приказали местному военно-революционному комитету немедленно отправить на фронт для раненых тёплую одежду. Но интендантские склады были пусты. Достать тёплую одежду было не так легко. И вот военно-революционный комитет решил одеть бойцов за счёт вятской буржуазии.

В один из январских вечеров в местном театре была объявлена постановка «Отелло» Шекспира. Буржуазия и

мещанство города с удовольствием поспешили на спектакль. Обычно театры в тот период стояли холодными, но на сей раз вятский театр был жарко натоплен. Мужчины и дамы снимали свои шубы и дорогие меха, сдавали в раздевалку и торопливо проходили в зал.

Но вот кончился спектакль, и публика повалила одеваться. Какое же разочарование ожидало зрителей, когда вместо меховых шуб им стали выдавать обычные стёгайки. Поднялся невообразимый шум. Избрали делегацию, чтобы принесли жалобу Дзержинскому. Дзержинский выслушал негодующих буржуев и вызвал представителей ВРК.

— Куда девали шубы? — спросил он.

— Отправили на фронт, — ответил член ВРК.

— Молодцы, — сказал Дзержинский, — молодцы, что проявили изобретательность. Вот возьмите и мою шубу для этой же цели, — и он снял свою шубу, которую по настоянию Ленина надел, отправляясь в командировку, и остался в простой солдатской шинели.

Опираясь на активную поддержку местных партийных и советских организаций, Дзержинский и Сталин сумели ликвидировать тяжёлые последствия пермской катастрофы. Расчёты интервентов на соединение в районе Вятка — Котлас армии Колчака с войсками Антанты, двигавшимися со стороны Архангельска, потерпели крах.

28 января 1919 г. поезд комиссии Совета обороны по пути из Вятки в Москву остановился в Ярославле. Приезд комиссии ожидался здесь с нетерпением.

Местная чрезвычайная комиссия имела в своём распоряжении данные о существовании в Ярославле контрреволюционного заговора. Во главе заговора стояли начальник штаба Ярославского военного округа бывший полковник генштаба Дробышевский, начальник артиллерийского управления округа Смолич и бывший царский генерал-адъютант Янгальчев, именовавший себя старшиной княжеского рода Рюриковичей.

Заговорщики вредительски комплектовали части Красной Армии, набирая в них антисоветски настроенные элементы из местного кулачества и ставя во главе частей белогвардейских офицеров. Такие части по прибытии в действующую армию должны были переходить к белым, оголяя фронт. В самом Ярославле заговорщики готовили контрреволюционное восстание, намечая поднять его в середине февраля или в начале марта.

Данные, добытые Ярославской губчека, были весьма серьёзные, но, когда чекисты решили арестовать заговорщиков, комиссар военного округа категорически воспротивился этому и, ссылаясь на Троцкого, заявил, что он «не признаёт никаких штатских». В это время председатель губчека М. И. Лебедев получил со станции телеграмму: «Через полчаса на станцию прибывает поезд комиссии Совета обороны». Лебедев немедленно отправился на вокзал. Ф. Э. Дзержинский принял председателя губчека в своём купе. Выслушав доклад, он вытащил из кармана френча блокнот и написал следующее распоряжение: «Поручается председателю Ярославской губернской чрезвычайной комиссии тов. Лебедеву в срочном порядке расследовать дело штаба Ярославского военного округа и немедленно приступить к ликвидации такового».

Опираясь на это предписание, Ярославская ЧК арестовала заговорщиков и, убедившись по их собственным показаниям в подготовке ими восстания, расстреляла контрреволюционеров.

Но на этом дело не закончилось. Троцкий, узнав о расстреле своих ставленников, потребовал привлечения ярославских чекистов к ответственности. Руководителей губчека вызвали в Москву на заседание коллегии ВЧК, где рассматривался этот вопрос. От имени Троцкого выступал Склянский, потребовавший предания чекистов суду. После Склянского слово было предоставлено председателю Ярославской ЧК. Он рассказал об опасности заговора, об отсутствии в Ярославле надёжных частей, о наплыве в город белогвардейцев. Малейшее промедление с ликвидацией заговора могло привести к огромным бедствиям, подобно тому как это случилось летом 1918 г.

Когда председатель губчека закончил свою речь, Ф. Э. Дзержинский встал из-за стола и, с трудом сдерживая негодование, вдруг спросил у Склянского:

— А вы как бы поступили на месте Ярославской губчека?

Склянский, вошедший в роль «обвинителя», не ожидал этого вопроса. Он забормотал в ответ что-то невразумительное. Тогда Ф. Э. Дзержинский, обращаясь к ярославским товарищам, сказал:

— Вы, товарищи, свободны. Поезжайте к себе и продолжайте работать.

В марте 1919 г. империалисты Антанты предприняли новый комбинированный поход против Советской республики.

Вновь зашевелились контрреволюционные заговорщики внутри страны. Ленин говорил в этот период, что враги социалистической революции никогда не ограничивались только внешним натиском. Они всегда старались обеспечить себе успехи на фронте также путём организации восстаний, заговоров, террористических актов внутри страны. Советское правительство вынуждено было вновь принять суровые меры по отношению к врагам рабочего класса и трудового крестьянства.

1 апреля 1919 г. в связи с получением многочисленных сведений о попытках диверсий В. И. Ленин предложил ВЧК принять срочные меры для предотвращения всяких попыток взрывов, порчи железных дорог и призывов к забастовкам. «Совет Обороны предписывает призвать к бдительности всех работников Чрезвычайных комиссий и о предпринятых мерах довести до сведения Совета Обороны»¹.

16 апреля 1919 г. был опубликован разработанный Держинским Декрет ВЦИК об учреждении лагерей принудительных работ. В. И. Ленин, объясняя необходимость этой меры, говорил: «Наше дело — ставить вопрос прямо. Что лучше? Выловить ли и посадить в тюрьму, иногда даже расстрелять сотни изменников из кадетов, беспартийных, меньшевиков, эсеров, «выступающих» (кто с оружием, кто с заговором, кто с агитацией против мобилизации, как печатники или железнодорожники из меньшевиков и т. п.) *против* Советской власти, *то есть за Деникина?* Или довести дело до того, чтобы позволить Колчаку и Деникину перебить, перестрелять, перепороть до смерти десятки тысяч рабочих и крестьян? Выбор не труден.

Вопрос стоит так и только так»².

Когда мелкобуржуазные нытики хныкали по поводу «несправедливости» такого решения, Ленин отвечал: «Может быть, через два года, когда мы победим Колчака, мы будем в этом разбираться, но не теперь. Теперь надо

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 229.

² Там же, стр. 417.

воевать, чтобы в несколько месяцев победить врага, который, вы знаете, на что он осуждает рабочих»¹.

Это были принципиальные указания вождя социалистической революции о направлении карательной политики в условиях, когда белогвардейцы хватали за горло Советскую власть. И они были положены в основу деятельности Всероссийской Чрезвычайной комиссии.

31 мая 1919 г. В. И. Ленин и Ф. Э. Дзержинский обратились к населению страны с призывом: «Берегитесь шпионов! Смерть шпионам!». Все сознательные рабочие и крестьяне, говорилось в обращении, должны стать грудью на защиту Советской власти, подняться на борьбу со шпионами и белогвардейскими предателями.

Накануне в связи с тяжёлым положением на фронтах Ф. Э. Дзержинский решил принять меры по укреплению обороны Москвы. 28 мая по его инициативе при ВЧК было созвано совещание представителей ЦК партии, НКВД и МЧК. Открывая совещание, Ф. Э. Дзержинский указал на необходимость создания в Москве единого органа, который бы являлся объединяющим центром всех отделов, занимавшихся борьбой с контрреволюцией. Необходимость создания такого координирующего органа диктовалась тем, что в связи с некоторыми нашими неудачами на фронтах контрреволюция вновь начала поднимать голову.

Наряду с этим Ф. Э. Дзержинский предлагал обязать всех коммунистов оказывать повседневную помощь чрезвычайным комиссиям в их работе. «Для этого,— сказал Дзержинский,— можно будет снабжать всех партийных товарищей по указанию райкомов партии мандатами на право задержания всех лиц, ведущих контрреволюционную работу в Москве».

Ф. Э. Дзержинский указал, далее, на необходимость установления ещё более тесного контакта между чрезвычайными комиссиями и милицией. По мнению Дзержинского, «это бы облегчило работу ЧК в том смысле, что ЧК могли бы уделить больше внимания борьбе с контрреволюцией».

Секретарь МК партии Загорский полностью поддержал предложения Ф. Э. Дзержинского, указав, что этот вопрос уже обсуждался в Московском комитете и решён положительно.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 271.

Совещание постановило создать при МЧК временный оперативный штаб для руководства борьбой против контрреволюции. Этот штаб явился прообразом Комитета обороны Москвы, созданного по инициативе Дзержинского в сентябре 1919 г., когда деникинские орды подходили к Москве.

20 июня 1919 г. ВЦИК принял Декрет об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении, всех дел, связанных с контрреволюцией. В указанных районах чрезвычайным комиссиям предоставлялись права непосредственной расправы, вплоть до расстрела, по отношению к лицам, уличённым в антисоветской деятельности.

Разъясняя значение этого декрета, Ф. Э. Дзержинский писал: «Все ЧК должны превратиться в боевые лагеря, готовые в любое время разрушить планы белогвардейских заговорщиков. ЧК с изданием сего декрета предоставлены широкие полномочия, с них много и потребуют... Все на охрану революции — вот лозунг сегодняшнего дня для чрезвычайных комиссий».

Указывая на необходимость решительно очистить Советскую республику от всех её врагов, Ф. Э. Дзержинский одновременно предупреждал работников ЧК о том, что все нарушители революционной законности будут сурово наказаны. «ВЧК считает нужным указать, что суровое наказание ждёт всех тех, кто вздумает злоупотреблять предоставленными ЧК правами. За применение предлагаемого декрета к каким-либо лицам в корыстных целях виновные будут расстреливаться».

В течение 1919 г. ВЧК разоблачила и ликвидировала опаснейший заговор в полевом штабе республики, заговор «Национального центра», заговор английского шпиона Поля Дюкса, контрреволюционную организацию «Анархисты подполья» и т. д.

Разработку и следствие по большинству из этих дел Ф. Э. Дзержинский проводил лично.

Летом 1919 г. в ВЧК, к Ф. Э. Дзержинскому, пришла учительница 76-й московской школы и сообщила, что к директору этой школы А. Д. Алфёрову часто приходят какие-то личности, приезжавшие с Южного фронта. Одновременно из Особого отдела¹ Южного фронта пришло

¹ Особые отделы по борьбе с контрреволюцией в армии и во флоте были организованы в январе 1919 г. Начальником Особого отдела ВЧК был Ф. Э. Дзержинский.

сообщение о том, что там при попытке перейти к Денкину был задержан белогвардейский курьер. При первом осмотре у задержанного не было обнаружено компрометирующих его документов. Но потом чекисты обратили внимание на его ногти, необычайно длинные и страшно грязные. Оказалось, что под ногтями курьер проносил узкую фотоплёнку, свёрнутую в тончайшие трубочки. Когда в ВЧК фотоплёнку отпечатали, расшифровали, то увидели шпионские донесения, содержавшие секретные данные о состоянии Красной Армии, о политических настроениях в тылу и т. д.

В те же дни в селе Вахрушево, Слободского уезда, Вятской губернии, милиционер задержал неизвестного с огромной суммой денег и двумя револьверами. Допрошенный Вятской ЧК, задержанный назвал себя Крашенинниковым и признался, что вез деньги в Москву для передачи «Национальному центру».

Крашенинникова отправили в Москву.

Казалось бы, что все эти факты не имели никакой связи между собой. Но пытливый, прозорливый ум Дзержинского установил эту связь.

И вскоре гипотеза председателя ВЧК блестяще подтвердилась.

Сидя в тюрьме, Крашенинников попытался передать своим сообщникам несколько записок. Все они адресовались Н. Н. Щепкину и А. Д. Алфёрову. Дзержинский организовал тщательное наблюдение за этими лицами. Каждую ночь он собирал оперативное совещание и изучал итоги проделанной работы. В ночь с 28 на 29 августа 1919 г. Ф. Э. Дзержинский с отрядом чекистов появился в квартире Щепкина. Щепкин, как потом рассказывал Феликс Эдмундович, был задержан в тот момент, когда принимал донесение от связного Денкина.

Н. Н. Щепкин, видный деятель кадетской партии, бывший член Государственной думы и председатель Туркестанского комитета Временного правительства, был внуком знаменитого русского актёра. Но от своего великого деда он сохранил только фамилию. Актёр Щепкин покорял народ своим изумительным гением. Его внук хотел покорить народ при помощи штыков и плетей денкинских головорезов.

На квартире у Щепкина был обнаружен целый архив шпионских донесений, собранных агентами «Националь-

ного центра». Когда эти документы были направлены на заключение члену РВСР С. И. Гусеву, тот поразился точностью и быстротой информации, добытой шпионами. Так, например, сведения о переброске штаба Восточного фронта в Брянск были получены деникинскими шпионами в тот день, когда об этом состоялось секретное постановление Реввоенсовета республики. Сведения о состоянии артиллерии Южного фронта только на четыре орудия расходились с официальной сводкой, имевшейся в распоряжении РВС. Только по калибрам орудий цифры не совпадали, но, отмечая это расхождение, Гусев оговаривался, что ещё «неизвестно, чьи сведения ближе к истине», официальные или шпионские.

Вскоре была ликвидирована и военная организация «Национального центра», так называемая «Добровольческая армия Московского района». И эта организация была разоблачена с помощью рядового советского гражданина.

В конце августа 1919 г. в ВЧК пришёл скромно одетый человек и попросился на приём к Ф. Э. Дзержинскому. Когда Дзержинский принял его, посетитель отрекомендовался доктором одной из военных школ и сообщил, что он состоит в белогвардейской организации. Он пришёл в ВЧК, так как усомнился в правильности той политики, которую преследовали заговорщики. Доктор не знал состава всей организации, но отметил, что видную роль в ней играет полковник Миллер, начальник Окружной артиллерийской школы. Между прочим, доктор сообщил, что Миллер неоднократно просил Реввоенсовет предоставить ему мотоцикл, но получил отказ.

Выслушав сообщение, Ф. Э. Дзержинский поблагодарил доктора и пригласил его поужинать с ним. Ужин был более чем скромным — сухая, «ржавая» селедka и кусок чёрного хлеба. Доктор охотно поел, но, когда ему предложили взять кое-что с собой, он категорически отказался. Отказался он и от денег и извозчика, хотя ему предстояло пройти пешком почти через всю Москву (трамваи в то время не ходили). Свой отказ он мотивировал тем, что принятие денег или продуктов от ВЧК может создать впечатление, что он сделал своё сообщение из корыстных побуждений, тогда как он пришёл сюда, имея самое искреннее желание помочь Советской власти ликвидировать заговор.

Ответ врача понравился Дзержинскому.

Когда посетитель ушёл, Ф. Э. Дзержинский предложил наметить план разработки полученных сведений. Решено было начать с «мелочи» — воспользоваться желанием Миллера иметь мотоцикл. На завтра водитель-чекист приехав в артиллерийскую школу и доложил Миллеру, что он направлен Реввоенсоветом в его распоряжение. Миллер был крайне обрадован получением мотоцикла и стал на нём разъезжать по своим знакомым, а водитель тем временем записывал все адреса...

В ночь на 19 сентября 1919 г. ВЧК арестовала весь штаб «Добровольческой армии Московского района». Утром 19 сентября были разоружены белогвардейцы-курсанты Высшей стрелковой школы, Высшей школы военной маскировки и Окружной артиллерийской школы.

23 сентября ВЧК опубликовала обращение ко всем гражданам Советской республики о ликвидации «Национального центра».

«В то время как Советская республика,— говорилось в обращении,— билась на всех фронтах, обложенная и с суши и с моря ратью бесчисленных врагов, предатели народа, наёмники иностранного капитала в тылу точили уже свой нож, чтобы зарезать пролетариат, напав на него враспloh, сзади...

Рабочие! Посмотрите на этих людей! Кто собрался вас продать и предать? Тут и кадетские домовладельцы, и «благородные» педагоги со шпионским клеймом на лбу, офицеры и генералы, инженеры и бывшие князья, бароны и захудалые меньшевики... Всё смешалось в отвратительную кучу разбойников, шпионов, предателей, продажных слуг английского банка».

Призывая трудящихся к усилению революционной бдительности, ВЧК предупреждала врагов: «Знайте, что всякий, кто посягнёт на республику пролетариата, будет истреблён без всякой пощады. На войне, как на войне. За шпионаж, пособничество к шпионажу, участие в заговорщической организации будет только одна мера наказания: расстрел»¹.

Вслед за обращением приводилось убедительное доказательство того, что ВЧК не бросает слов на ветер,— список 67 расстрелянных шпионов и заговорщиков.

¹ «Известия», 23 сентября 1919 г.

На следующий день после опубликования этого обращения, 24 сентября, Ф. Э. Дзержинский выступил с докладом на Московской городской партийной конференции. «Работа ВЧК,— сказал он,— за последнее время была очень удачна... В результате усиленной работы нам удалось не только открыть главарей, но и ликвидировать всю организацию, возглавляемую знаменитым «Национальным центром»»¹.

Далее Ф. Э. Дзержинский дал в своём выступлении анализ политической платформы и планов заговорщиков. «Цель их была захватить Москву и дезорганизовать наш центр... Они надеялись захватить Москву, хотя бы на несколько часов, завладеть радио и телеграфом, оповестить фронты о падении Советов и вызвать, таким образом, панику и разложение в армии».

Ф. Э. Дзержинский призвал всех московских большевиков к максимальной бдительности. «Успешность нашей борьбы с заговорами,— подчеркнул Феликс Эдмундович,— возможна, если все намеченные меры встретят поддержку со стороны каждого партийного товарища»².

Городская партийная конференция единодушно одобрила боевую работу ВЧК.

Осенью 1919 г. Петроградская ЧК сообщила Ф. Э. Дзержинскому, что ею обнаружены следы обширной шпионской организации, созданной английским разведчиком Дюксом. Сообщение было чрезвычайно важным, так как именно в это время Юденич предпринял новое наступление на Петроград. Феликс Эдмундович срочно выехал в Питер.

Первым из арестованных Дзержинский допросил старика-француза, ещё до революции принявшего русское подданство. Задержан он был при следующих обстоятельствах. Однажды солдат прибывшей в Петроград роты пополнения, проходя по улице, увидел, что идущая впереди женщина уронила свёрток. Солдат поднял свёрток и окликнул женщину, но та, увидев, что её свёрток находится в руках у красноармейца, не только не остановилась, но и попыталась скрыться. Бойцу это показалось подозрительным. Он задержал женщину и доставил её

¹ «Московские большевики на защите советской столицы в 1919 году», Сборник документов, М. 1947, стр. 30.

² «Известия», 23 сентября 1919 г.

в Петроградскую чрезвычайную комиссию. В свёртке оказались шпионские донесения и секретные чертежи петроградских укреплений.

Задержанная была дочерью француза, который вскоре сидел на допросе у Дзержинского. Вёл он себя вызывающе и нагло заявил:

— Вы поймали меня только благодаря случайности.

— Ошибаетесь,— ответил Дзержинский,— если бы масса нас не поддерживала, если бы каждый рабочий, каждый красноармеец не сознавал, что раскрытие заговора — это дело не только ЧК, но и всех трудящихся, тогда то обстоятельство, что ваша дочь уронила свёрток, может быть, не привело бы к раскрытию заговора. Дочь ваша случайно уронила свёрток, но красноармеец не случайно заинтересовался им, не случайно арестовал её, не случайно обеспокоился. Именно в том, что это не случайно,— сила ЧК.

Шпион был страшно поражён, когда вскоре рядом с ним оказались все его сообщники, хотя он сам ничего не говорил о них в ЧК. А дело заключалось в том, что ещё до случая со свёртком, моряк воздушного дивизиона Солоницын послал в Ораниенбаумское отделение морского Особого отдела заявление, в котором сообщал, что на днях из Петрограда в Ораниенбаум прибудет сын бывшего генерала Шидловского, с тем чтобы перейти к белым с какими-то важными документами. Особый отдел задержал генеральского сына со всеми документами, предназначенными для Юденича. Среди них находился даже план очередного наступления белогвардейцев на Петроград, разработанный для Юденича предателем, начальником сухопутного оперативного отдела штаба Балтийского флота Медокрицким. Выяснилось, что Шидловский действовал по заданию начальника Ораниенбаумского воздушного дивизиона Берга. Арестованный ЧК, Берг признался в шпионской работе и назвал фамилии остальных заговорщиков.

Среди арестованных оказалась жена профессора Морской академии Н. В. Петровская, носившая шпионскую кличку Мисс. На следствии она показала, что была «очарована» Полем Дюксом как женщиной и это якобы толкнуло её на шпионскую работу. В действительности же Петровская, врач по образованию, авантюристка по профессии и эсерка по партийной принадлежности, яростис

пенавидела Советскую власть. Для маскировки своей шпионской деятельности она по совету Дюкса даже вступила в Коммунистическую партию.

Петровская была старой «знакомой» ЧК. Ещё в июне 1919 г., во время ликвидации кронштадтского заговора, она была арестована за связь с белогвардейцами. Сидя в тюрьме, Мисс вдруг вспомнила, что много лет назад, когда ей было 22 года и она считала себя революционеркой, ей приходилось посещать в тюрьме В. И. Ленина. Вспомнила — и написала письмо Ленину с просьбой подтвердить этот факт, указывая, что если он откажется это сделать, то её будут вправе упрекнуть в неправде. В. И. Ленин не помнил такого эпизода, но Мария Ильинична, которой Владимир Ильич показал письмо Петровской, подтвердила, что такой факт действительно имел место в 1897 г. Тогда В. И. Ленин написал 12 июня 1919 г. следующую записку Петровской. «Вы пишете, что Вас могут и даже «будут вправе» упрекать в неправде, если я не дам подтверждения, что Вы посещали меня в тюрьме 22 года тому назад. Я извиняюсь, что забыл многое из той поры, но сестра подтверждает определенно... что посещения были,— прошу извинить, что забыл фамилию. Поэтому ни в каком случае на основании моей плохой памяти Вас-то упрекать никто не вправе»¹.

Записка В. И. Ленина, свидетельствовавшая о его чуткости, была использована Петровской в своих целях. Петроградская чрезвычайная комиссия не располагала тогда ещё достаточными данными о шпионской работе Петровской, и она была освобождена. Это обстоятельство дало повод Полю Дюксу думать, что его помощница по шпионскому ремеслу приобрела известный иммунитет. Поэтому когда Дюкс, этот «прохвост высшей марки», как называли его сами заговорщики, решил уехать из Петрограда, он оставил там вместо себя Петровскую.

Арестованная вторично, Петровская вновь попыталась сыграть на своих старых «заслугах». Но Ф. Э. Дзержинского трудно было провести. Он отлично знал, что к великому слову «революционер» часто присасывались люди, ничего общего с революцией не имеющие. На сей раз Петровская вынуждена была «вспомнить» не только

¹ Ленинский сборник XXXV, стр. 68.

то, что было 22 года тому назад, но и то, что она делала в недалёком прошлом. В частности, она рассказала о своей поездке с Полем Дюксом в Москву для установления связи с «Национальным центром» и «Тактическим центром». При этом адресов и фамилий деятелей «Тактического центра» она не назвала, так как «забыла» их. Помнила только, что встречи происходили в одном из домов на Чистых прудах, а у хозяйки квартиры была маленькая собачонка — белый пудель. Ф. Э. Дзержинский приказал отправить Петровскую в Москву и возить её по Чистым прудам до тех пор, пока она не «вспомнит» дом, в котором была полгода назад.

В Москве Петровскую возили в машине от дома к дому, пока она, наконец, не сказала: «кажется, этот». Так был арестован Воскресенский, затем Леонтьев, Трубецкой, Толстая и другие участники заговорщической организации «Тактический центр».

Ф. Э. Дзержинский черпал силы для борьбы с контрреволюционными заговорщиками в неразрывной связи с народом. Он чутко прислушивался к сигналам, исходящим от трудящихся. В этом отношении весьма показателен следующий факт. Весной 1918 г. командиру одного из латышских полков, стоявших в Москве, стало известно о готовящемся белогвардейском выступлении в столице. Командир написал два заявления: одно — тогдашнему председателю РВС Троцкому, а другое — Ф. Э. Дзержинскому. Троцкий приказал сдать заявление в архив, Дзержинский же, наоборот, принял решительные меры к проверке полученных данных. В результате был разоблачён и разгромлен в Москве и в Казани крупный заговор Савинкова.

Именно в этой тесной связи с народом, в умении прислушаться к голосу масс видел В. И. Ленин основную причину успехов ВЧК в её борьбе с врагами социалистической революции. На VII Всероссийском съезде Советов он говорил:

«...Когда среди буржуазных элементов организуются заговоры и когда в критический момент удастся эти заговоры открыть, то — что же, они открываются совершенно случайно? Нет, не случайно. Они потому открываются, что заговорщикам приходится жить среди масс, потому что им в своих заговорах нельзя обойтись без рабочих и крестьян, а тут они в конце концов всегда наты-

каются на людей, которые идут в... ЧК и говорят: «А там-то собрались эксплуататоры»¹.

VI

В течение 1919 г., по официальным данным, ВЧК было расстреляно 3456 человек, из них: за контрреволюцию — 1555 человек, за преступления по должности — 415 человек, за спекуляцию — 124 человека, за уголовные преступления — 842 человека, за другие преступления (самозванство, незаконный переход границ, пользование фальшивыми документами и т. п.) — 242 человека².

Применение высшей меры наказания к шпионам и заговорщикам, спекулянтам и бандитам являлось необходимым элементом самообороны Советской республики. Но нельзя не подчеркнуть, что ВЧК усилила требования к соблюдению революционной законности при расследованиях по делам преступников. Особо строго карала ВЧК за ложные доносы.

Когда Ф. Э. Дзержинскому стало известно, что некий Павлов систематически присылал в ВЧК ложные доносы, он, посоветовавшись с членами коллегии ВЧК, собственноручно написал следующее постановление коллегии: «За сознательную, злостную провокацию, результатом которой было лишение свободы целого ряда лиц, Исаия Исаевича Павлова расстрелять». На документе имеется пометка члена коллегии ВЧК Аванесова: «Приговор приведен в исполнение 12.IV.19 г.».

Даже в самые напряжённые моменты, когда враги подступали к сердцу Советской страны — Москве, ВЧК не прибегала к массовому террору.

После взрыва в здании Московского комитета партии, организованного эсерами и меньшевиками, рабочие Москвы обратились к Советскому правительству с призывом ввести красный террор. Учитывая справедливость гнева трудящихся, Советское правительство и ЦК партии не считали, однако, целесообразным прибегать к красному террору. ЦК исходил из того, что «Советская власть в России в настоящее время настолько крепка и сильна, что может, не впадая в нервиозность, сохраняя обычный темп работы трибуналов и комиссии по борьбе с контрреволю-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 213.

² См. «Известия», 6 февраля 1920 г.

цией, не допуская случайных ошибок, которые имелись в прошлом году, навести страх на врагов и обезвредить их организации. Поэтому пленум ЦК принял решение, что взрыв Московского Комитета не должен отразиться на обычной деятельности ВЧК и Губ. Ч. К.»¹.

Выступая с политическим докладом Центрального Комитета 2 декабря 1919 г. на VIII Всероссийской конференции РКП(б), В. И. Ленин говорил о терроре: «...Мы первые сделаем шаги, чтобы ограничить его минимальнейшим минимумом, как только мы покончим с основным источником терроризма, с нашествием мирового империализма, с военными заговорами и военным давлением мирового империализма на нашу страну»².

К концу 1919 г. появилась возможность практически осуществить это ленинское указание. В результате разгрома Деникина и побед Красной Армии на Восточном фронте создавалась возможность пересмотреть отдельные элементы карательной политики и уточнить характер наказаний по отношению к различным категориям преступников.

17 декабря 1919 г. Ф. Э. Дзержинский по поручению В. И. Ленина издал приказ № 208, представляющий значительный интерес для понимания направления карательной политики, осуществлявшейся Советским государством. Этим приказом вносилась полная ясность в вопрос о заложниках и об арестованных вообще, а также об отношении к специалистам.

Институт заложников был введён в 1918 г. и имел целью парализовать активную подрывную работу той группы, из которой были взяты заложники. Само существование этой предохранительной меры предполагало, что аресту в качестве заложников должны были подвергаться лица, представлявшие известную ценность для антисоветских организаций. В течение 1918—1919 гг. органами ВЧК было взято 9559 заложников (4068 человек — в 1918 г. и 5491 человек — в 1919 г.). Наличие этих заложников позволило спасти жизнь многим сотням советских людей путём обмена их на тех лиц из числа заложников, в которых были заинтересованы белогвардейские «правительства» и иностранные государства. Наличие заложни-

¹ «Московские большевики на защите Советской столицы в 1919 году», стр. 48—49.

² В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 159.

ков в руках ВЧК сдерживало также до некоторой степени и контрреволюционные организации, поскольку они знали, что в случае их активного выступления заложники будут наказаны. Всё это показывает, что создание института заложников полностью оправдало себя. Однако не обошлось и без серьёзных ошибок. Местные чрезвычайные комиссии брали заложниками сельскую интеллигенцию, мелких лавочников и тому подобных лиц, не представлявших никакой ценности для противников Советской власти.

Указывая на ошибочность такого понимания института заложников, Дзержинский писал в приказе: «За какого-нибудь сельского учителя, лесника, мельника или мелкого лавочника, да ещё еврея, противник не заступится и ничего не даст»¹.

Второй вопрос, поставленный в приказе, касался отношения к специалистам, бывшим в своём большинстве людьми буржуазного круга и уклада мыслей, часто родовитого происхождения. Подвергать их аресту как заложников, или помещать их в концентрационные лагеря без разбора было бы крайне неблагоприятно. «К аресту специалистов,— говорилось в приказе,— надо прибегать лишь тогда, если установлено, что их работа направлена к свержению Советской власти».

Относительно арестов вообще в приказе отмечалось, что местные ЧК весьма часто прибегают к арестам, когда это не вызывается целесообразностью. «По одной наслышке,— указывал Ф. Э. Дзержинский,— по одному подозрению и подчас мелкому преступлению арестовывать не следует. А в общем, во всех тех случаях мелких преступлений, когда имеется уверенность, что преступник не сбежит, к аресту прибегать не нужно, так как дело можно вести и так, или завести и передать в другие судебные учреждения».

Так настойчиво учил Ф. Э. Дзержинский чекистов правильному применению к практической работе принципов советской карательной политики, когда непосредственная военная угроза Советской власти времени миновала.

15 января 1920 г. Ф. Э. Дзержинский обратился в Совнарком с предложением о прекращении применения высшей меры наказания по приговорам ВЧК и всех её местных органов. «Разгром Юденича, Колчака и Дени-

¹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 63, л. 69, ч. 2, л. 20.

кина, занятие Ростова, Новочеркасска и Красноярска, взятие в плен «Верховного правителя» создают новые условия борьбы с контрреволюцией»¹, — писал Дзержинский. Победа на фронтах гражданской войны, уничтожение крупнейших тайных организаций контрреволюционеров и бандитов и достигнутое этим укрепление Советской власти давали возможность отказаться от смертной казни.

В. И. Ленин полностью поддержал предложение Дзержинского. Он считал Декрет об отмене смертной казни одним из особенно важных декретов Советской власти. «...Как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали. Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов; когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся... Само собой понятно, — подчёркивал В. И. Ленин, — что всякая попытка Антанты возобновить приемы войны заставит нас возобновить прежний террор...»².

Победа над Деникиным принесла советскому народу мирную передышку. Ф. Э. Дзержинский считал, что основной задачей ВЧК и её местных органов в этот период является борьба с хозяйственной разрухой, содействие «всеми находящимися в их распоряжении средствами налаживанию хозяйственной жизни».

Для мобилизации органов ВЧК на выполнение задач, стоявших перед Советским государством в период временной передышки, была созвана IV конференция работников чрезвычайных комиссий. Работой конференции, которая проходила с 3 по 6 февраля 1920 г., руководил Ф. Э. Дзержинский.

Выступивший на заключительном заседании конференции, 6 февраля, В. И. Ленин дал блестящий анализ международного и внутреннего положения Советской республики.

Он указал, что наша страна завоевала мирную передышку, во время которой ВЧК и её местные органы должны мобилизовать все свои силы на восстановление экономики страны. Наряду с этим В. И. Ленин предупре-

¹ «Известия», 15 января 1920 г.

² В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 303—304.

ждал чекистов от самоуспокоения и благодушия. Указывая на попытку Деникина вновь перейти в наступление под Ростовом, Владимир Ильич говорил, что империалисты ещё неоднократно будут пытаться организовать антисоветский поход. Враги пролетарского государства начали прибегать к новой тактике подрывной работы — внедряться в наши советские учреждения и организации, для того чтобы вредить изнутри делу социалистического строительства.

Речь В. И. Ленина на конференции работников чрезвычайных комиссий явилась боевой программой деятельности ВЧК и её местных органов.

В развитие ленинских указаний ЦК РКП в циркулярном письме губкомам от 2 марта 1920 г. писал, что контрреволюционеры, потерпев поражение в вооружённом бою, «перенесли свою борьбу с Советской властью в другую плоскость: они стремятся проникнуть во все аппараты военного, хозяйственного и административного управления, чтобы, сидя там, тормозить и разрушать все усилия рабоче-крестьянского правительства наладить общественно-экономическую жизнь республики».

«Измена и предательство в области производственной и технической,— предупреждал Центральный Комитет,— стала в настоящий момент не менее опасна, чем измена в области военной»¹.

Так в новых условиях большевистская партия и лично В. И. Ленин направляли деятельность ВЧК. В повседневном ленинском партийном руководстве заключалась сила Всероссийской Чрезвычайной комиссии.

Ф. Э. Дзержинский был верным и твёрдым проводником партийной линии в работе ВЧК и её местных органов. С непоколебимым мужеством, решительностью и искусством направлял он удары ВЧК против врагов Советской власти. Его заслуги перед социалистической Родиной были высоко оценены Советским правительством. 28 января 1920 г. в печати было опубликовано постановление ВЦИК о награждении Дзержинского орденом Красного Знамени. ВЦИК отметил в своём постановлении огромную личную заслугу Ф. Э. Дзержинского в борьбе с контрреволюцией и в обеспечении спокойного тыла для Красной Армии.

¹ «Пролетарская революция» № 9, 1938 г., стр. 203.

«С того момента, как побеждённая рабочим классом буржуазия перешла в борьбе с Советской властью к организации заговоров, террористических покушений и мятежей, тяжёлая и полная опасностей задача борьбы с контрреволюцией была возложена ВЦИК на Феликса Эдмундовича Дзержинского.

В порученном ему ответственном деле тов. Дзержинский, в качестве председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем проявил крупные организаторские способности, неустойчивую энергию, хладнокровие и выдержку, постоянно ставя интересы рабочего класса превыше всех иных соображений и чувств. Работа тов. Дзержинского, обеспечивая спокойный тыл, давала возможность Красной Армии уверенно делать своё боевое дело»¹.

Такую оценку дал верховный орган Советского государства деятельности Ф. Э. Дзержинского на посту председателя ВЧК.

Награждение Ф. Э. Дзержинского вызвало глубокое удовлетворение у чекистов. IV конференция работников чрезвычайных комиссий обратилась 6 февраля с горячим приветствием к своему славному руководителю. Чекисты обещали и впредь верно служить своей Родине, искореняя измену, и активно работать по «воссозданию всех сторон разрушенного хозяйственного аппарата Советской республики».

Глубоко взволнованный Феликс Эдмундович выступил с ответной речью, проникнутой страстной партийностью.

«Только та поддержка,— говорил Ф. Э. Дзержинский,— которую я всегда имел со стороны товарищей, работающих в ЧК, только эта поддержка и создала успех работе, за которую не я, а вся ЧК была награждена орденом Красного Знамени».

Дзержинский рассказал о боевой деятельности чрезвычайных комиссий, которые были сильны сознательностью, железной пролетарской дисциплиной и верностью делу революции.

Касаясь своей роли в ВЧК, Ф. Э. Дзержинский сказал: «Ту выдержку, которую я имею, я приобрёл ещё в молодые годы, когда, имея 20 лет от роду, попал в тюрьму и потом всё время скитался по этим тюрьмам. Этот закал

¹ «Известия», 28 января 1920 г.

сроднил меня с той пролетарской массой, которая получила сейчас власть в свои руки, и вместе с тем она не дала мне заразиться честолюбием, желанием власти для порабощения других, потому что та власть, которую я испытал на себе в прошлом, эта власть мне была ненавистна».

С необычайной яркостью охарактеризовал Ф. Э. Дзержинский коренное различие между руководящими деятелями эксплуататорских государств и руководителями Советского государства, подчеркнув идейность и благородную целеустремлённость последних.

«Наша сила,— говорил Дзержинский,— заключается в том, что мы, имея власть, не опьянились ею. Эта власть не затемнила нам тех целей, к которым мы должны были стремиться».

VII

Передышка, полученная Советской республикой в результате разгрома Деникина, продолжалась недолго. Империалистов Антанты ещё не покидала надежда свалить Советскую власть. Несмотря на ряд жестоких поражений, понесённых в России, они продолжали готовить новый антисоветский поход, выдвигая на этот раз в качестве центрального противника панскую Польшу. Полностью зависимая от Англии и Франции, Польша отказалась подписать мирный договор с Советской Россией и активно готовилась к нападению.

25 апреля 1920 г. Польша двинула свои войска против Советской республики. Основной удар белополяков был направлен на Украину, где с их стороны действовали основные силы польской армии. Пользуясь значительным превосходством в силах в первые недели войны, белопольские войска к началу мая 1920 г. захватили большую часть Правобережной Украины и столицу Украины — Киев.

Советское правительство приняло решительные меры для разгрома врага.

12 мая 1920 г. в стране было объявлено военное положение. 14 мая Совет Труда и Обороны принял постановление, в котором объявлялось, что все лица, пытающиеся перейти линию фронта без надлежащего разрешения Наркоминдела и Особого отдела ВЧК, будут рассматриваться как шпионы, задерживаться и привлекаться к

ответственности по закону военно-революционного времени. В тот же день Совет Труда и Оборона поручил ВЧК принять самые решительные меры борьбы со спекуляцией предметами военного обмундирования.

28 мая ВЦИК и Совет Труда и Оборона ввиду усилившейся подрывной работы в тылу Красной Армии и в центре страны постановил «придать военному положению самый решительный и непреклонный характер». При Совете Труда и Оборона была создана специальная коллегия под председательством т. Аванесова для общего наблюдения за проведением военного положения и «осуществления беспощадной расправы над всеми врагами республики».

Постановление ВЦИК и Совета Труда и Оборона предусматривало, что «ВЧК и тем её органам, которые будут на это специально уполномочены означенной коллегией, предоставляются права Военных Революционных Трибуналов в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности Республики...»¹.

В начале мая 1920 г. Ф. Э. Дзержинский выехал на Украину для личного знакомства с работой украинских советских организаций по проведению военного положения, объявленного Советом Труда и Оборона. Ф. Э. Дзержинскому сразу бросились в глаза серьёзные недочёты в работе украинского советского аппарата. В первом письме из Харькова от 14 мая он писал: «Общий недостаток аппаратов власти — это их отсутствие; нет аппаратов исполнительных. Проектов и планов и благих пожеланий — бесконечное количество. Но по большей части центральные органы идут хотя и полным, но холостым ходом». Касаясь этого же вопроса в другом письме (от 28 мая), Ф. Э. Дзержинский отмечал: «...Здесь, на Украине, надо с азов ставить всё. Нет аппаратов никаких, миллионы планов — в пустоте. Даже уборной и то не умеют в чистоте и опрятности содержать».

На каждом шагу бросались в глаза следы «работы» Сапронова, лидера оппозиционной группы «демократического централизма», боровшейся против В. И. Ленина на IX съезде партии. Ф. Э. Дзержинский с негодованием писал: «Сапроновское политиканство принесло массу вреда. Занимался проектами конституции в то время,

¹ «Известия», 29 мая 1920 г.

когда рабочие фабрик голодали, при изобилии всего на вольном, спекулятивном рынке».

Чрезвычайные комиссии на Украине только организовывались после её освобождения от белогвардейцев. В Москве были сформированы и посланы на место основные кадры чрезвычайных комиссий Харькова, Полтавы, Екатеринослава, Донбасса, Одессы. В апреле 1920 г. декретом ВЦИК было создано Центральное управление чрезвычайных комиссий Украины (Цупчрезком). Но аппарат его был ещё слабым. Создание крепкого и оперативного аппарата встречало противодействие со стороны украинских националистических элементов. Отдельные местные руководители старались, по выражению Дзержинского, «выжить приезжих».

Чем больше знакомился Ф. Э. Дзержинский с положением на месте, тем больше убеждался в необходимости длительной черновой работы, без которой невозможно было укрепить тыл Красной Армии, борющейся с белополчанами.

«Надо было бы, желая дать что-либо,— писал Дзержинский в Москву,— засесть здесь на постоянную работу, преодолевать изо дня в день расхлябанность и прожектёрство, а не давать только хорошие советы, указания, распоряжения».

Придя к такому заключению, Ф. Э. Дзержинский сделал определённый вывод о своей роли в обеспечении порядка на Украине. «Меня прельщает мысль остаться здесь на более продолжительный срок — не для гастролей. Осев здесь и имея опору в ЦК РКП, я мог бы в продолжение 2—3 месяцев дать возможность окрепнуть ЧК... Гастролёром я не умею быть»,— заключает товарищ Дзержинский свои соображения. Центральный Комитет одобрил это решение Дзержинского.

29 мая приказом Реввоенсовета Юго-Западного фронта Ф. Э. Дзержинский был назначен начальником тыла Юго-Западного фронта.

Будучи одновременно председателем ВЧК, наркомвнуделом РСФСР и начальником тыла фронта, Дзержинский мобилизовал все силы для решения главной задачи момента.

«Украина сейчас,— писал он в ВЧК,— это наша база, нельзя её потерять, она должна стать «честной», советской».

Дзержинский даёт указание штабу войск внутренней охраны (ВОХР) довести части этих войск на Украине до 50 тыс. Для того чтобы ликвидировать банды, предупреждает он, требуется длительная, систематическая, сложная борьба.

В целях развития среди населения широкой агитации против бандитизма при штабе тыла фронта была создана в начале июня политсекция. Наряду с устной и печатной агитацией на политсекцию возлагались наблюдение за организацией Советской власти на местах и повседневная помощь местным органам.

Много внимания уделял Ф. Э. Дзержинский тактике борьбы с кулацко-белогвардейскими бандитами. В одном из приказов по войскам тыла Ф. Э. Дзержинский предупреждал командиров частей о «несостоятельности принципа стратегического окружения бандитов небольшими силами» и требовал «прилагать все усилия к сосредоточенному действию, разбивая банду манёвренными ударами, после чего применять её окружение и уничтожение». Ни в коем случае, говорилось в приказе, не удовлетворяться выходом банд из боя, а организовать энергичное преследование, с тем чтобы «в том или ином виде уничтожать бандитов»¹.

Ф. Э. Дзержинский считал войну с бандитами войной манёвренной. Поэтому он заботился об укреплении частей ВОХР конницей. Он потребовал присылки в своё распоряжение звена самолётов. Это требование было удовлетворено. Самолёты широко использовались для разведывательной службы и отчасти для разгона бандитских скоплений. По этой же причине наряду с установлением гарнизонов в важных населённых пунктах частями ВОХР, прикреплёнными к определённым районам, были созданы манёвренные группы, в задачу которых входило непрерывное преследование банд и разгром их по частям.

Важное значение в ликвидации бандитизма имело изъятие оружия у населения. Приказом от 27 июня Ф. Э. Дзержинский предлагал проводить операции по изъятию оружия только при наличии тщательно проверенных данных. «Обыски производить только в том случае,— говорилось в приказе,— когда есть уверенность, что оружие будет найдено, а необдуманных и неорганизованных

¹ ЦГАКА, ф. 102, д. 5364-а, л. 155.

действий не допускать». Тщательно обдуманными и выполненными должны были быть и требования о сдаче оружия.

Большое внимание уделял в это время Ф. Э. Дзержинский охране железных дорог, военных складов, телефонных и телеграфных проводов. На этот участок были брошены значительные силы из войск внутренней охраны. Рядом решительных мер Ф. Э. Дзержинский добился бесперебойной работы транспорта, очистил станции от мешочников и обеспечил быстрое продвижение военных грузов на фронт и продовольственных грузов в промышленные районы страны.

Обеспечение безопасности тыла Юго-Западного фронта требовало напряжённой работы всех штабов и учреждений ВОХР. Напоминая о героической борьбе Красной Армии на фронте и строевых частей ВОХР в тылу против банд, Ф. Э. Дзержинский требовал от своих сотрудников такой же самоотверженной работы в штабах. Он установил часы нормальной работы сотрудников с 11 часов до 22 часов, с двухчасовым перерывом на обед. Если же в установленное время работа не была выполнена, никто не имел права уходить из управления или отдела. Предъявляя строгие требования к сотрудникам, Ф. Э. Дзержинский проявлял одновременно исключительное внимание к их нуждам. В приказе о распорядке рабочего дня он писал: «Учитывая, что подобная напряжённая работа сотрудников сектора потребует исключительного напряжения сил и не может протекать в условиях хронического недоедания, предписываю начальнику снабжения сектора принять срочные меры к удовлетворению сотрудников полным положенным фронтовым пайком, чтобы случаи недодачи пайка, в особенности мяса или рыбы, не имели бы места в будущем»¹.

Ф. Э. Дзержинский своей личной неутомимой работой показывал пример своим сотрудникам. Он не знал отдыха. Некоторые товарищи, заметив, как он переутомился, сообщили об этом Центральному Комитету. Оттуда запросили у Дзержинского, не желает ли он немного отдохнуть, но Дзержинский и слышать не хотел об отдыхе, когда борьба с белополяками была в полном разгаре. «Кто вам наврал о состоянии моего здоровья и перегрузке работой?» —

¹ ЦГАКА, ф. 102, оп. 7, д. 2/с, л. 39.

телеграфировал он ЦК 9 июня 1920 г. — и остался на фронте.

В результате энергичной и самоотверженной работы Ф. Э. Дзержинского пилсудчики не получили от бандитского движения на Украине той поддержки, на которую они рассчитывали.

Войска Юго-Западного фронта перешли в контрнаступление, освободили Киев и погнали захватчиков с украинской земли, несмотря на помощь, которую оказывал белополякам Врангель, прорвавшийся из Крыма.

В конце июля 1920 г. Ф. Э. Дзержинский приехал на несколько дней из Харькова в Москву. Его заботило состояние Транспортного отдела ВЧК, которому он придавал в этот период особо важное значение. Ещё 27 июня Дзержинский писал коллегии ВЧК: «Ясно, что ТОВЧК слишком серьёзные задачи имеет, чтобы о нём заботиться больше и людьми и материальными средствами... Вся к-р идёт по железным дорогам, по ним и вся спекуляция... Я пишу в ЦК, чтобы дали нам людей. В ТОВЧК надо ответственных людей посылать в первую очередь и обеспечить их работников материально».

В записке Менжинскому, написанной в тот же день, Ф. Э. Дзержинский писал: «Хочу Вас просить ещё об одном — надо поднять ТОВЧК на должную высоту. Не жалеть ему людей ответственных и материальных средств. Вопросы победы на фронтах и с продовольственной разрухой — это вопрос победы в транспорте...».

Приехав в Москву, Дзержинский согласовал с ЦК партии вопрос об изменении порядка работы коллегии ВЧК. В письменной инструкции по этому вопросу Дзержинский писал: «Для связи с ЦК по политическим вопросам предлагаю вам назначить тов. Менжинского как постоянного представителя ВЧК... Тов. Менжинскому предлагаю также поручить делать в ЦК систематические доклады о важнейших делах, имеющих политическое, экономическое и партийное значение...».

После нескольких дней пребывания в Москве Дзержинский рассчитывал вновь возвратиться на Украину. Но ЦК мобилизовал его на другую работу, рекомендовав членом Временного польского революционного комитета, образованного польскими революционерами. 21 июля Ф. Э. Дзержинский сообщил об этом решении Всеукраинской Чрезвычайной комиссии. «Судьба играет челове-

ком,— писал он шутливо.— Я Ильнчем, а значит, и ЦК мобилизован для Польши. Думали послать меня сначала туда через армию Будённого, сейчас это изменяется, т. к. Западный фронт уже подошёл к Польше. Следовательно, не придётся мне быть у вас. Надо уезжать сейчас же, сумею уехать дня через 2—3». И далее Дзержинский даёт указания о направлении работы ВЧК. «Украина теперь важнее, чем когда-нибудь... Поэтому вы... должны почти исключительно заняться организацей тыла, связаться с фронтом и держать постоянную связь с Москвой — с Главком, ВОХРом, Ленным... О вооруженной силе для вас я хлопочу... Снимем многие чехослосские батальоны и эскадроны из спокойных губерний».

Заканчивая письмо, Ф. Э. Дзержинский вновь напоминал: «Вам необходимо о всём более важном сообщать систематически товарищу Ленину и ЦК...».

В ленинском руководстве, в руководстве Центрального Комитета партии видел Дзержинский залог успешной работы чрезвычайных комиссий и неустанно учил этому чехослов.

Спустя два дня Ф. Э. Дзержинский выехал на Западный фронт. Армии Западного фронта стремительно наступали в этот период на Варшаву. Продвижение проходило редкими в военной истории темпами, но неорганизованно. Тылы отстали от ушедших далеко вперёд войск. Воспользовавшись этим, белополяки 16 августа 1920 г. перешли в контрнаступление. Советские армии начали отходить по всему фронту. Ф. Э. Дзержинский использовал своё пребывание на Западном фронте для организации планомерного отхода наших частей и для организации отпора наступающим войскам Пилсудского. Вспоминая о кипучей деятельности Ф. Э. Дзержинского в этот период, Феликс Кон писал: «Ему угрожала самая большая опасность, но на это он не обращал внимания и отступал последним, сам наблюдая за отступлением каждого отряда, сам руководя отправкой раненых»¹.

В дела Западного фронта решительно вмешался ЦК партии, и отступление советских войск было приостановлено. Польша вынуждена была начать мирные переговоры с Советской Россией.

¹ Ф. Кон, Феликс Эдмундович Дзержинский, Партиздат, 1936, стр. 56.

Глава 5

В ГОДЫ МИРНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

I

С бросив в ноябре 1920 г. Врангеля в Чёрное море, Красная Армия ликвидировала последний крупный фронт гражданской войны. После трёхлетней тяжёлой борьбы с внешними и внутренними врагами советский народ получил, наконец, возможность приступить к мирному социалистическому строительству. Теперь, говорил В. И. Ленин в ноябре 1920 г., «мы имеем не только передышку,— мы имеем новую полосу, когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоевано»¹.

Под руководством Коммунистической партии советский народ приступил к восстановлению народного хозяйства на основе новой экономической политики, разработанной В. И. Лениным.

Переход к новой экономической политике и первые успехи, достигнутые при её проведении, создали новые условия. Теперь на первый план выдвигались задачи возрождения сельского хозяйства, широкого развёртывания торговли, с тем чтобы укрепить союз рабочего класса и трудового крестьянства, накопить финансовые средства, снабдить рабочих хлебом, а промышленность сырьём. Осуществление новой экономической политики должно было обеспечить создание экономического фундамента

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 385.

социализма и подготовить почву для ликвидации эксплуататорских классов в стране и причин, порождающих эксплуатацию человека человеком. В связи с этим встал вопрос о реорганизации ряда органов государственной власти, в том числе и ВЧК, применительно к новым условиям.

Необходимость реорганизации ВЧК В. И. Ленин обосновал на IX съезде Советов, проходившем в декабре 1921 г. «Перед нами сейчас,— говорил Владимир Ильич,— задача развития гражданского оборота,— этого требует новая экономическая политика,— а это требует большей революционной законности. Понятно, что в обстановке военного наступления, когда хватали за горло Советскую власть, если бы мы тогда эту задачу себе поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но революции не делали бы. Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков»¹.

Революционная законность в этот период должна была быть направлена главным образом против крайностей военного коммунизма, против «незаконных» конфискации и поборов. Она должна была гарантировать единоличнику, частному хозяину в городе и в деревне сохранность их имущества при условии строжайшего соблюдения ими всех советских законов. Вот почему В. И. Ленин подчеркнул в своём докладе, что необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить её функции и компетенцию и ограничить её работу задачами политическими.

IX съезд Советов РСФСР принял по докладу В. И. Ленина решение, в котором указывалось, что «укрепление Советской власти вовне и внутри позволяет сузить круг деятельности Всероссийской Чрезвычайной комиссии и её органов, возложив борьбу с нарушением законов Советской республики на судебные органы».

На IX съезде Советов была дана высокая оценка боевой деятельности ВЧК в годы гражданской войны. В специальном решении съезд отметил «героическую работу,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 151.

выполненную органами Всероссийской Чрезвычайной комиссии в самые острые моменты гражданской войны», и её громадные заслуги в деле укрепления и охраны завоеваний Октябрьской революции от внутренних и внешних покушений.

На основе решений IX съезда Советов 6 февраля 1922 г. ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление. Председателем ГПУ был назначен Ф. Э. Дзержинский.

Употребление термина «мирный период» применительно к деятельности ВЧК — ГПУ весьма условно. Хотя основные фронты и были ликвидированы к концу 1920 г., а иностранные войска выброшены с Советской земли, оставалось ещё много врагов, не желавших расставаться с мыслью о свержении Советской власти.

На Украине, в Средней Азии, в Тамбовской и других губерниях свирепствовал политический бандитизм. Направляемые из-за рубежа бандитские шайки петлюровцев, антоновцев, энверовцев и пр. всеми мерами старались сорвать переход страны на рельсы мирного строительства. В одной из записок, относящихся к этому периоду, Ф. Э. Дзержинский писал: «Сейчас на ВЧК выпала большая работа... нам приходится работать безо всякого даже перерыва».

Благодаря самоотверженной, героической работе чекистам удалось ликвидировать «Петроградскую боевую организацию» Таганцева, разгромить на Дону так называемую «Армию спасения России», в Тамбовской губернии — антоновский мятеж, на Украине — банды Петлюры, Тютюника, Чёрного. В конце августа 1921 г. ВЧК ликвидировала шпионскую группу, орудовавшую в Комитете помощи голодающим (Помгол).

К концу восстановительного периода обострилась классовая борьба в деревне. Кулачество стало на путь террора против деревенских коммунистов, комсомольцев, селькоров, советских активистов. По далеко не полным данным, в 1924 г. было совершено 338 террористических актов, а в 1925 г. только за январь — 127.

Представляя эти данные ЦК РКП(б), Ф. Э. Дзержинский писал: «Эти цифры очень знаменательны. Они говорят, что:

1. Вопрос террора в деревне идёт гораздо дальше вопроса террора против селькоров.

2. Террор в деревне систематически и грозно растёт, усиливаясь и расширяясь во всех основных районах».

Было совершенно очевидно, что в связи с намеченным Коммунистической партией курсом на индустриализацию и постепенное вытеснение капиталистических элементов из экономики страны сопротивление эксплуататорских классов усилится как в городе, так и в деревне. Ф. Э. Дзержинский предвидел, что это сопротивление будет проявляться в самых разнообразных формах. Поэтому он настойчиво учил чекистов анализировать тактику врага. Самое серьёзное внимание предлагал Феликс Эдмундович обратить на деревню, которая, по его словам, «часто попадает в полный плен хулиганам».

В связи с этим Дзержинский настаивал на пересмотре некоторых сторон практической деятельности органов Наркомюста. Дело в том, что в 1924 г. у части ответственных работников Наркомюста появилась тенденция установить классовый подход к преступникам. Если, дескать, преступник происходит из рабочей среды, то его не следует особо сурово наказывать, ведь это всё-таки рабочий, а не какой-нибудь капиталист. Дзержинский подошёл к решению этого вопроса с точки зрения задач диктатуры пролетариата в переходный период, с точки зрения общих задач борьбы за социализм.

«Когда у власти стоит пролетарская партия,— писал Дзержинский,— когда беспартийный рабочий занимает много ответственных должностей, сам факт возможности применения условного осуждения, как взяточникам, мошенникам, шпионам и прочим только потому, что они пролетарского происхождения, должен восстановить против пролетарской диктатуры всю мелкую буржуазию и крестьянство, а тем более сознательных рабочих от станка, против извращения пролетарской власти.

Совершенно невозможно, с одной стороны, вести борьбу с излишествами, а с другой — создавать перестраховку от наказания для избличённых преступников из правящего класса... Это политическая ошибка, которая даёт возможность развить бешеную агитацию против рабочих и пролетарской диктатуры».

Дзержинский подверг глубокому анализу весь проект Наркомюста и отчётливо показал, что всякое попустительское повлечёт за собой развал промышленности и государственного аппарата, ибо враги Советской власти будут

использовать несознательных рабочих как своё оружие, тем более, если им, этим рабочим, не будет угрожать серьёзное наказание. «Преступления,— говорил Дзержинский,— мы изжить сможем исключительно только поднимая общее благосостояние, преодолевая разруху, развивая производство, увеличивая зарплату, удешевляя производство, увеличивая производительность труда, поднимая и усиливая чувство общественности и ответственности. А это требует величайшей дисциплины и чувства законности именно у рабочих, у трудящихся. Это долгий, тяжёлый процесс. Жертвы неизбежны. Этими жертвами и являются т. и. преступники. И если с ними не бороться, если им давать «льготы», то мы для переходящего либерального чувства жалости и абстрактной справедливости жертвуем будущим, самой возможностью изжить преступления, увеличиваем их. Чахотка — сейчас неизбежное зло, и, если с ней не бороться всеми доступными мерами, чахотка победит человечество».

Эту же мысль высказывал Ф. Э. Дзержинский спустя два года в письме Менжинскому. Он отмечал, что практика и теория НКЮ «никого общего с государством диктатуры пролетариата не имеют, а составляют либеральную жвачку буржуазного лицемерия... Во главе прокуратуры должны быть борцы за победу революции, а не люди статей и параграфов, для которых безразлично контрреволюция ли или простой мордобой или нарушение уличного порядка».

II

27 октября 1922 г. функции ГПУ были дополнены функцией охраны государственных границ Советской республики. Ф. Э. Дзержинский придавал исключительно важное значение образцовому выполнению нового задания правительства. «Вопрос об охране границ,— писал Ф. Э. Дзержинский,— стоит в данный момент особенно остро. Граница СССР должна быть закрыта для контрреволюционеров и контрабандистов во что бы то ни стало».

В целях подготовки квалифицированных пограничников по инициативе Ф. Э. Дзержинского в 1923 г. была образована Высшая пограничная школа. Дзержинский определил образ советского пограничника, которого должна была готовить ВПШ. В письме слушателям первого выпуска ВПШ в сентябре 1924 г. Феликс Эдмундович

писал: «Чекист-командир и политработник, служащий примером преданности делу рабочего класса, передающий свои знания младшим товарищам, неустанно пополняющий собственные познания, чтобы лучше справиться с порученным делом, помнящий всегда, что он слуга рабочего класса и представитель боевого органа диктатуры пролетариата,— вот каким хочет видеть вас партия и Советская власть»¹.

Огромное значение в деле подготовки пограничных войск Ф. Э. Дзержинский отводил политико-воспитательной работе, которая должна сделать из красноармейцев пограничной охраны верных и сознательных стражей советских границ.

Деятельность пограничных войск Дзержинский теснейшим образом связывал с задачами восстановления народного хозяйства. «Пограничники,— говорил он,— охраняют экономическую независимость Советов и оберегают советскую землю от проникновения бандитов и шпионов». Великое значение пограничной службы для строительства социализма Дзержинский считал необходимым разъяснить каждому рядовому бойцу.

Повседневню руководя охраной государственной границы СССР, Ф. Э. Дзержинский заботился об улучшении вооружения пограничных войск, требовал постоянного повышения бдительности, образцовой службы, примерного отношения к населению пограничных районов, учёта национальных особенностей и т. д. Так, в распоряжении от 31 мая 1925 г. он писал: «Обратить внимание на погран-страну², которая на границах является представительницей СССР,— по ней будет судить и наше, и Афганистана, и Персии население об СССР. Обратить внимание на правильную национальную политику и облегчить условия перехода границы для бытовых условий».

Мероприятия, осуществлённые Советским правительством в целях улучшения пограничной охраны, широко развёрнутая массовая политическая работа в войсках, повседневное руководство Ф. Э. Дзержинского службой охраны границ превратили советские пограничные войска в бдительных и надёжных часовых пограничных рубежей СССР.

¹ Ф. Э. Дзержинский, Избранные статьи и речи, стр. 179.

² Речь идёт о погранохране Туркменистана.

14 апреля 1921 г. по предложению В. И. Ленина Ф. Э. Дзержинский был назначен народным комиссаром путей сообщения. Феликс Эдмундович и раньше занимался вопросами транспорта. По линии Транспортного отдела ВЧК, а затем ГПУ он решительно боролся с диверсиями, шпионажем, различного рода преступлениями на транспорте. В тяжёлые месяцы зимы 1920 г. он возглавлял срочные работы по очистке железнодорожных путей от снежных заносов. Теперь партия поручала ему осуществить весь комплекс работ по восстановлению транспорта. Оставаясь на посту председателя ГПУ, Дзержинский с большим энтузиазмом взялся за выполнение нового задания партии и правительства. Железнодорожный транспорт находился в тот период в тяжёлом состоянии. В результате иностранной военной интервенции и гражданской войны было разрушено около 2 тыс. км главных путей и свыше 4 тыс. мостов. Больше половины паровозов и около 30% вагонов не годилось к использованию.

Советская страна только что приступила к восстановлению народного хозяйства. Без предварительного налаживания транспорта — этого главного нерва страны — нельзя было и мечтать о восстановлении фабрик и заводов. Транспорт, как указывал Дзержинский, осуществляет смычку рабочих и крестьян и объединяет районы нашей республики, спаивая экономически одну шестую часть земной суши в единое пролетарское государство.

Встав во главе комиссариата путей сообщения, Ф. Э. Дзержинский начал с собственной учёбы. Впоследствии он говорил своим сотрудникам по НКПС: «Припомните то время, когда мне приходилось на заседаниях коллегии учиться у вас тому, что такое капитальный или средний ремонт, что такое техническая, коммерческая и другие скорости, что такое целый ряд других коэффициентов и измерителей, не зная которых, нельзя ни в коей мере управлять транспортом». По свойственной ему скромности Дзержинский даже утверждал, что в первый год работы в НКПС он «как активный руководитель транспорта почти что не существовал»¹. Это, разумеется, было далеко не так. Уже через два месяца после прихода в НКПС

¹ Ф. Э. Дзержинский, Избранные статьи и речи, стр. 168.

Дзержинский, выступая с докладом на пленуме Госплана, показал такое знание сложного транспортного хозяйства, специфических железнодорожных терминов и названий, что вызвал удивление даже у специалистов.

Для того чтобы в кратчайшие сроки восстановить транспорт, ЦК партии и Советское правительство по предложению Дзержинского сочли необходимым упразднить на транспорте институт комиссаров, который в новых условиях превратился в аппарат, дублирующий административные органы. Это ни в коей мере не означало ослабления партийной работы. Дзержинский всегда настойчиво подчёркивал ведущую роль коммунистов на транспорте.

Ф. Э. Дзержинский приложил много усилий к тому, чтобы мобилизовать массы на восстановление транспорта. Именно в том, что «был вызван к сознательной творческой жизни и привлечён на непосредственную работу пролетариат транспорта», видел Феликс Эдмундович силу советского метода управления железнодорожным и водным транспортом страны.

Огромное значение в налаживании транспорта имели специалисты. В приказе по НКПС от 21 мая 1921 г. Ф. Э. Дзержинский требовал товарищеского отношения к тем из технических руководителей, которые работали самоотверженно и честно.

Феликс Эдмундович повседневно интересовался развитием творческой мысли среди железнодорожников, внедрением передовых методов труда, осуществлением рационализаторских предложений. 29 ноября 1923 г. он затребовал подробную справку об изобретении рабочего Трегера. Его интересовали следующие вопросы:

«Описание изобретения Трегера, его мытарства, документы с оценкой его изобретения. Как широко применяется уже это изобретение...

Сравнение жезла Трегера и Вебба по прочности, безопасности, цене, сложности и т. д.

Сколько жезлов ежегодно покупалось до войны и какое потребление сейчас и какая потребность?

Кто был комиссионером в России этих жезлов, где они сейчас?

Выписываем ли сейчас жезлы, какое количество и на какую сумму?...»¹.

¹ «Пролетарская революция» № 7 (66), 1927 г., стр. 234—235.

Дзержинский высказывал при этом подозрение, что в СССР есть подкупленные английской фирмой люди, тормозящие использование жезлов, изобретённых Трегером. Спустя месяц в письме ко всем хозяйственным и профсоюзным организациям железнодорожного и водного транспорта Дзержинский привёл и конкретные факты мытарств Трегера. В то время как на съезде служб связи и электротехники всячески превозносили жезловый аппарат системы английской фирмы «Вебб Томпсон», зачитывали приветственную телеграмму этой фирмы в адрес съезда, отечественное изобретение всячески замалчивалось. Более того, изобретателю недвусмысленно намекнули, что если он не прекратит своих изобретательских опытов, то будет уволен с работы. Аналогичное отношение к себе встретил и изобретатель отечественного тормоза Матросов.

Такие факты были далеко не единичны, и Феликс Эдмундович пришёл к выводу, что руководящие работники НКПС и его местных органов слишком мало внимания уделяли изобретательству, а главное, не поощряли к этому рабочих. Феликс Эдмундович повёл решительную борьбу с этим явлением. Он писал: «Коллективная мысль, воля и коллективное творчество самих рабочих, будучи поддержаны руководящими лицами, могут сделаться новым фактором небывалого, гигантского роста промышленности и транспорта».

Поручая одному из сотрудников НКПС наблюдение за внедрением в жизнь изобретательских и рационализаторских предложений, Феликс Эдмундович требовал поставить дело так, чтобы изобретатели почувствовали, что они найдут действительную поддержку против явного и скрытого саботажа, рутины, «самолюбия «признанных» специалистов и засасывающего болота нашей повседневщины»¹.

Серьёзную роль в налаживании транспорта сыграла поездка Дзержинского по сибирским железным дорогам. В начале января 1922 г. Ф. Э. Дзержинский был назначен особоуполномоченным ВЦИК и СТО для принятия чрезвычайных мер по вывозу продовольственных грузов из Сибири в районы, пострадавшие от неурожая предыдущего года.

¹ «Пролетарская революция» № 7(66), 1927 г., стр. 235.

Дзержинский отменил отправку из Сибири всех несрочных грузов, приказав в первую очередь отправлять семенные материалы и продовольствие. Он запретил отъезд из Сибири по командировкам и вызовам из центра специалистов-железнодорожников до выполнения программы перевозки продовольственных грузов. В Омске и в других городах Феликс Эдмундович провёл совещания с руководящими работниками транспорта и местных партийных, советских, хозяйственных организаций, добиваясь координации их деятельности и активной взаимопомощи.

Сибирь, неоднократно говорил Дзержинский,— это наше будущее. Её природные богатства огромны. Но для того, чтобы пробудить Сибирь, необходимо было восстановить и развить транспорт. К этому и призывал Ф. Э. Дзержинский партийные и советские организации Сибири.

За два месяца пребывания на сибирских железных дорогах (с 5 января по 4 марта 1922 г.) Дзержинский выполнил задание правительства. К концу февраля план перевозки семенных грузов был выполнен, а план отправки продовольствия приближался к стопроцентному выполнению.

Во время работы в Сибири Дзержинский обогатился новым опытом работы на транспорте и, вернувшись в Москву, с удовлетворением говорил, что теперь он будет чувствовать себя твёрже в наркомате.

Огромным злом, расстраивающим транспорт, были хищения, взяточничество, мешочничество и другие преступления по должности. В одной из записок Ф. Э. Дзержинскому Владимир Ильич писал: «Тов. Дзержинский! Приехал (с объезда мест) Ив. Ив. Скворцов-Степанов. Рассказывает: великая *угроза транспорту* и ж-ому и водному.

во-первых, мешочники засилье берут;

во-вторых, совбуры на ж. ж. д. посылают всюду *десятки* вагонов «комиссий». Предлог: служебное поручение. На деле: мешочничают. Совбуров кормят. Ж.д. служащие сплошь де мешочники. Спекулянты. Надо принять меры сугубые. Черкните 2 слова».

Ф. Э. Дзержинский со всей силой обрушился против преступников, разваливавших транспорт и развращавших железнодорожных служащих. В воззвании к железнодоро-

рожникам он писал: «Где бы негодяй ни сидел, в кабинете ли за зелёным столом или в сторожевой будке,— он будет извлечён и предстанет перед судом Революционного Трибунала...»¹.

О каждом происшествии на транспорте Дзержинский требовал докладывать ему лично каждые две недели. «Ни одно не должно остаться без анализа и принятия мер»,— подчёркивал он.

Ярый враг канцелярщины, кабинетного руководства, Феликс Эдмундович стремился лично ознакомиться со всеми деталями работы. Однажды рано утром народный комиссар путей сообщения пришёл в городскую железнодорожную кассу, чтобы купить билет. Он застал здесь огромную очередь жаждущих выехать из Москвы. В толпе шныряли подозрительные личности, предлагая билеты в различных направлениях, но в несколько раз дороже обычной стоимости. Дзержинский стал в очередь, но оказалось, что нужно записаться в список у одного из предпримчивых пассажиров, уплатить ему 5% стоимости билета за «труды» и два раза в день приходить на переключку.

Придя в наркомат, Феликс Эдмундович наметил ряд мер для ликвидации обнаруженных им недостатков. Конечно, он мог запросить справку о порядке продажи билетов, и эта справка была бы, безусловно, представлена ему. Но Феликс Эдмундович предпочёл лично ознакомиться с работой городской кассы, и это позволило ему быстрее наметить необходимые меры для улучшения обслуживания пассажиров. Уже через год можно было свободно достать без всякой очереди билет в любом направлении.

Но здесь Феликсу Эдмундовичу пришлось столкнуться с другой крайностью. Товарищ, приехавший из Сибири, сообщил ему, что он всю дорогу ехал один в вагоне, так как не было пассажиров. Дзержинский сперва не поверил этому сообщению и отправился сам на Курский вокзал. Возвратившись оттуда, он в записке на имя одного из работников НКПС написал: «Я сегодня был на Курском вокзале при отходе скорого поезда в Севастополь в 18 часов. Поезд был почти что пуст — в вагонах из 40 мест было занято 10—14. Я спросил проводников, случайно

¹ Ф. Э. Дзержинский, Избранные статьи и речи, стр. 143.

ли это, ответили, что нет, что сейчас такая нагрузка нормальна». И Ф. Э. Дзержинский намечает ряд мероприятий по сокращению поездов, чтобы не гонять зря паровозы и вагоны. В этой же записке он пишет: «Кроме того, в багажном отделении бегают крысы. Очевидно, портят имеющиеся там грузы. Разве нельзя их истребить? Очевидно, развелось их очень много, если не стесняются людей».

Вникая во все детали, во все, казалось бы мелкие, вопросы, опираясь на передовую часть железнодорожников, их активную помощь, Дзержинский вытягивал транспорт из прорыва. План железнодорожных перевозок был впервые выполнен в 1921 г. на 100 %, в 1922 г. — на 103, а в 1923 г. — на 106 %. К октябрю 1923 г. было восстановлено 2020 мостов, отремонтировано и поставлено в запас 2734 паровоза, больше чем в 1913 г. Проходившая в январе 1924 г. XIII конференция РКП(б) с удовлетворением отмечала, что «транспорт находится в таком состоянии, когда он без особых затруднений способен удовлетворять все предъявляемые к нему народным хозяйством требования»¹.

IV

2 февраля 1924 г. ЦИК СССР назначил Ф. Э. Дзержинского председателем ВСНХ с оставлением в должности председателя ОГПУ.

Это был трудный и ответственный период в жизни Советского государства и Коммунистической партии. Экономика страны ещё только что начинала оправляться от последствий империалистической войны, гражданской войны и иностранной военной интервенции. В результате низкой производительности труда, огромных накладных расходов, нерентабельности многих предприятий, неправильной политики отдельных хозяйственных и торговых руководителей из троцкистского лагеря цены на промышленные изделия были непомерно высоки. На 1 октября 1923 г. сельскохозяйственный индекс равнялся 0,88, т. е. пуд хлеба, стоивший до войны 1 рубль, теперь оценивался в 88 копеек. В то же время количество, например, текстиля, отвечавшее по своей стоимости до войны стоимости одного пуда хлеба, теперь расценивалось в 4 рубля

¹ «КПСС в резолюциях», ч. I, стр. 789.

23 копейки. Следовательно, если до войны обмен происходил рубль на рубль, то теперь за одну единицу ситца требовалось 4,2 единицы хлеба. Такое же положение наблюдалось и в отношении других промышленных товаров. Естественнo, что это обстоятельство не могло не сказаться пагубно на товарообороте. К концу 1923 г. разразился кризис сбыта. Товары залеживались на складах. Образовались так называемые «ножницы», грозившие не только разрушением экономики страны, но и разрывом союза рабочего класса с крестьянством.

В крайне тяжёлом состоянии находились финансы республики. В конце 1922 г. максимальная купюра советского денежного знака в 100 тыс. рублей равнялась по ценности одной довоенной копейке. Деньги, по образному выражению Дзержинского, «кувыркались не только изo дня в день, а кувыркались от утра к вечеру, от утра к полудню, падая, падая в своём реальном содержании».

Обстановка в стране осложнялась подрывной деятельностью Троцкого и его сторонников, развернувших после смерти В. И. Ленина яростную атаку против ленинизма. Именно в этот ответственный момент, когда враги социализма пытались свернуть партию с ленинского пути, Ф. Э. Дзержинский и был назначен руководителем важнейшего экономического органа страны — ВСНХ. Нужно было восстановить промышленность, ликвидировать безработицу, уничтожить разрыв между ценами на промышленные товары и сельскохозяйственные продукты, укрепить смычку рабочего класса и крестьянства. Всё это были задачи величайшей политической и экономической важности.

Вокруг вопросов индустриализации страны развёртывалась острая борьба. Дзержинский ясно представлял себе, что без восстановления промышленности и без индустриализации страны нельзя построить социализм. Лишённая крупной промышленности, Советская республика неизбежно окажется в тяжёлом положении в случае вооружённого нападения империалистических государств. Поэтому он всей силой боролся против троцкистов, защищая ленинскую линию индустриализации страны.

Главным звеном в решении всех этих задач являлось поднятие производительности труда. В многочисленных статьях, докладах, выступлениях Ф. Э. Дзержинский настойчиво пропагандировал ленинскую мысль о том, что

вся сущность коммунизма и власти рабочих — в поднятии производительности труда на высшую ступень против капитализма. Это зависело не только от интенсивности работы, но и от правильной организации труда и производства. Поэтому Ф. Э. Дзержинский уделял этому вопросу огромное внимание.

Другим, не менее важным вопросом был режим экономии. В набросках статьи об экономии Дзержинский отмечал: «Неудержимое раздутие штатов; возникновение всё новых и новых аппаратов; чудовищная бюрократизация всякого дела — горы бумаг и сотни тысяч писак; захваты больших зданий и помещений; автомобильная эпидемия; миллионы излишеств».

Ф. Э. Дзержинский требовал ликвидировать ненужные организации и учреждения, запретить расходы на бесконечные ремонты, роскошную обстановку кабинетов и т. д. Всех работников, освободившихся после сокращения штатов, он предлагал *«направить на заводы — к первоисточнику»* (подчёркнуто нами.— П. С.).

Работу государственного аппарата Дзержинский предлагал перестроить на экономических, научных началах. «Самое основное зло,— писал он,— дезорганизующее заводы, тресты, органы управления промышленностью и нас (органы президиума ВСНХ СССР),— это отчётный, справочный, бухгалтерский, статистический, контрольный топ. Доклады, доклады. Отчёты, отчёты. Цифры, таблицы, бесконечный ряд цифр. А людей, знающих дело — нет»¹.

Начав энергичное упорядочение аппаратов в ВСНХ, Дзержинский добивался распространения этого и на другие звенья государственного аппарата Советского Союза.

Активное участие принял Ф. Э. Дзержинский в проведении денежной реформы. Прекращение эмиссии денежных знаков имело благотворное влияние на всю экономику страны. Ф. Э. Дзержинский говорил, что денежная реформа дала возможность промышленности упорядочить своё денежное хозяйство, урегулировать свои взаимоотношения с потребителями, изжить натурализацию своего хозяйства, восстановить нарушенную связь с крестьянским хозяйством, создать рынок, восстановить такое могущественное орудие развития, как кредит, оживить своё без движения лежащее имущество и т. д.

¹ «Пролетарская революция» № 7 (66), 1927 г., стр. 243.

Мероприятия, осуществлённые в народном хозяйстве СССР, позволили приступить к снижению оптовых и розничных цен в первую очередь в тех отраслях промышленности, в изделиях которых остро нуждалась деревня. Так, например, в текстильной промышленности соотношение цен на единицу хлеба и единицу текстиля выражалось к 1 октября 1924 г., как 1:2, вместо соотношения 1:4, бывшего на 1 октября 1923 г.

Камвольный трест Главтекстиля принял решение снизить к концу 1924 г. стоимость своей продукции на 10%. Рабочие горячо поддержали это решение. Текстильщики тамбурного и вышивального отдела Старо-Павловской фабрики, узнав о решении треста, постановили добровольно повысить нормы выработки на 10% сверх проведённых фабрикой 7%. Казалось бы, что ценная инициатива должна была найти поддержку работников промышленности, сотрудников наркомфина и наркомторга. Однако произошло иное. Участники междуведомственного совещания при ВСНХ сочли шаги, предпринятые Камвольным трестом, самовольными. «Наступил конец мира,— насмешливо говорил об этом совещании Дзержинский,— как это так, вдруг сам трест предлагает сократить цены на свои изделия!» Участники совещания, на словах неоднократно призывавшие низовых работников «шевелить мозгами», на деле тормозили разумное начинание. По адресу таких деятелей Ф. Э. Дзержинский однажды сказал: «Нам нужно не только шевелить мозгами, а нам нужны и сами мозги: не имея мозгов, трудно ими шевелить».

Совещание побоялось принять на себя ответственность за сокращение цен и постановило: «Одобрить за ответственностью треста».

Феликс Эдмундович, ознакомившись с этим решением, позвонил председателю треста и сказал:

— Я на себя беру такую ответственность.

Основная роль в восстановлении народного хозяйства и в дальнейшей индустриализации страны принадлежала тяжёлой промышленности. Нельзя было удовлетворить потребности народного хозяйства без её первоочередного восстановления. Дзержинский принял на себя непосредственное руководство важнейшей отраслью народного хозяйства — металлопромышленностью и в кратчайший срок добился крутого подъёма.

В докладе на XIV Московской губернской конференции РКП(б) Ф. Э. Дзержинский привёл следующие характерные данные о росте продукции крупной госпромышленности.

	Продукция в млн. довоенных рублей*	В % к предыду- щему году
1921/22	850	150,0
1922/23	1 239	145,8
1923/24	1 621	130,8
1924/25	2 616	161,4

* За вычетом внутривостровского оборота.

Таким образом, тяжёлая промышленность увеличивала выпуск своей продукции из года в год. К концу 1925 г. она достигала уже 75% довоенного уровня. Из всей валовой продукции крупной промышленности на долю социалистического сектора приходилось 96,1%.

Были достигнуты успехи и в деле выполнения ленинского плана ГОЭЛРО. В декабре 1925 г. была введена в строй Шатурская электростанция, одна из самых мощных и экономных торфяных станций мира. Приветствуя строителей станции и руководителя постройки Винтера, Ф. Э. Дзержинский со страстной убеждёностью писал: «Наш Союз будет электрическим!».

Все эти успехи в развитии экономики Ф. Э. Дзержинский относил в первую очередь к усилиям рабочего класса. Творческой инициативе рабочих, производственным советам, теснейшему общению с рабочим коллективом Ф. Э. Дзержинский придавал исключительно важное значение. Как завещание, звучат его слова в одном из последних документов: «Хозяйственники должны знать, что ни одно мероприятие, ни один сколько-нибудь крупный вопрос не может быть проведён в жизнь, не может дать необходимых результатов, если он проводится через голову рабочей массы, если он не понят рабочей массой».

Трудно перечислить всю ту многогранную работу, которую проводил Ф. Э. Дзержинский на посту председателя ВСНХ. Но и самый краткий обзор его хозяйственной деятельности свидетельствует о том, что мероприятия,

осуществлявшиеся под его руководством, его предложения по управлению народным хозяйством не утратили своей актуальности и в наши дни.

V

Благородный облик Феликса Эдмундовича не будет достаточно полным, если не сказать о его отношении к людям, к простым советским труженикам. Ф. Э. Дзержинский считал самым дорогим капиталом народ, создающий все ценности на земле. Он ненавидел всей душой паразитов, живущих за счёт трудящихся. В одном из писем, относящемся к маю 1926 г., он требовал применения суровых наказаний как для носителей «злоупотреблений в соворганах, так и против наживы нэпа — всяких спекулянтов и паразитических элементов «свободного оборота»... У нас миллионы паразитов сосут рабочих и крестьян...», — отмечал он с горечью. Но, будучи беспощадным к врагам социализма, по отношению к честным труженикам он проявлял удивительную чуткость, величайшую человечность. Обратив однажды внимание на то, какого труда стоило уборщицам мытьё полов, Дзержинский приказал немедленно завести в учреждении швабры, чтобы можно было мыть полы, не нагибаясь. Дзержинский повседневно заботился об условиях работы сотрудников, о их питании, квартирных условиях и т. д.

Узнав от товарищей о том, что талантливый поэт Сергей Есенин болен туберкулёзом, Феликс Эдмундович поручил своему секретариату разыскать поэта и отправить на лечение в санаторий. Таких фактов, свидетельствующих о внимании Дзержинского к людям, можно было бы привести бесконечное множество.

Дзержинский говорил: «Наша тактика должна быть: ценить всех тех, кто работает честно и с успехом, а не отталкивать. Поймавши на обмане или преступлении, наказывать нещадно...». В 1924 г., когда в нашей стране ещё было распространено пренебрежительное отношение к интеллигенции и к науке, Дзержинский особо подчёркивал: «Для того чтобы работать хорошо... надо покончить с остатками комчванства, будто бы нам, коммунистам, море по колено, перейдём его и т. д. ... Без знаний, без учёбы нашей собственной, без уважения к людям, которые знают, без поддержки технического персонала, без поддержки

науки, которая именно имеет целью поднять нашу промышленность и подвести научную базу под производственные процессы... мы будем обречены на то, что буржуазная граница нас всегда будет бить...».

Ф. Э. Дзержинский окружал специалистов и всех людей, могущих быть полезными Советской власти, вниманием и заботой. В одном из писем (12 августа 1925 г.) Дзержинский писал: «Мы оставлять спецов без поддержки не можем и не должны, и должна быть завязана между нами и ими более тёплая связь, вытекающая в их экономические нужды». Уже в 1925 г. Дзержинский поставил как назревшую проблему вопрос о ликвидации уравниловки в заработной плате. В записке В. М. Молотову он писал о специалистах, что «они кругом в долгу, жить им так тяжело, что многие падают не только физически, но и морально. Я думаю, надо этот вопрос поручить ЦКК и фракции ВЦСПС, чтобы преодолеть те уравнилительные тенденции, которые у нас слишком сильны, хотя уже жизнь требует и позволяет отойти от них...».

Проявляя заботу и внимание к кадрам, Ф. Э. Дзержинский был в то же время требовательным и твёрдым руководителем. В одной из записок руководящему сотруднику ГПУ, совершившему проступок, Дзержинский писал: «Заслужили суровое наказание. Вы должны были быть для всех образцом по вашей работе в ВЧК и по боевым заслугам. Если Вы себе позволяете, то все остальные тем более будут себе позволять. Тогда ГПУ надо будет разогнать, ибо не польза, а вред от него будет».

Ф. Э. Дзержинский не мог терпеть формальной, бездушной работы, работы без мысли, без анализа явлений, фактов. Он учил работников ГПУ: «К делу никоим образом нельзя отнестись чисто формально. Необходимо выявить душу этого дела, уяснить психологию людей». В беседе с практикантами, пришедшими в ВСНХ из вузов, Феликс Эдмундович требовал, чтобы молодёжь «училась видеть и анализировать виденное», училась находить всё полезное для дела, имела бы перед собой «великую цель и великую задачу».

Глубокая идейность и коммунистическая принципиальность, преданность народу, умение прислушаться к его голосу, увидеть его заботы и нужды — вот те качества, которые принесли Ф. Э. Дзержинскому всецародную любовь и уважение.

Через всю свою жизнь пронёс Феликс Эдмундович любовь к трудовому народу. Но особо сердечное чувство испытывал он к детям. Ещё будучи юношей, он писал сестре: «Не знаю, почему я детей люблю так, как никого другого... Я никогда не сумел бы так полюбить женщину, как их люблю, и я думаю, что *собственных* детей я не мог бы любить больше, чем *несобственных*... Часто, часто мне кажется, что даже мать не любит так горячо, как я»¹. Феликс Эдмундович признавался сестре: «Без детей я бы сразу поссорился с женой, я бы себя чувствовал стеснённым, мне было бы тяжело и наша совместная жизнь была бы невозможной».

Тревожная жизнь революционера не давала возможности Ф. Э. Дзержинскому проводить много времени с детьми. Но, когда представлялась возможность, он весь отдавался игре с ребятами. Во время ссылки в село Кайгородское Феликс Эдмундович изловил для своих маленьких друзей медвежонка. Он научил его плясать и кланяться. Радости ребят не было конца. Каждый старался потрогать его мягкую, пушистую спинку. Медвежонок, смешно переваливаясь с лапы на лапу, бродил по двору или кувыркался на траве под восторженный визг босоногих мальчишек и девочек.

В редкие, очень редкие дни пребывания у сестры Ф. Э. Дзержинский большую часть времени проводил с её детьми. Они любили дядю Феликса и, даже ложась в кровати, не отпускали его от себя. Вспоминая эти встречи, Феликс Эдмундович писал: «Хочется ходить с ними по грибы, бегать с ними, чувствовать их около себя». Он просил сестру присылать ему в тюрьму фотографии ребят, сообщать, как они ведут себя, с кем дружат. Но бывало и так, что встречи с детьми оставляли тяжёлую боль в душе. Однажды, когда Ф. Э. Дзержинский сидел в десятом павильоне Варшавской крепости, к нему на свидание пришла жена брата с маленькой дочерью Вандзей. Девочка держалась за проволочную сетку и, показывая мячик, настойчиво звала Феликса Эдмундовича:

— Иди, дядя!

¹ «Молодая гвардия» № 9, 1937 г., стр. 34.

Маленькая Вандзя не понимала, почему дяде нельзя пойти с ними на солнечную майскую улицу... С тяжёлым чувством вернулся Феликс Эдмундович в тюремную камеру...

В письмах из тюрьмы Ф. Э. Дзержинский уделяет много внимания вопросам воспитания детей. Высказываемые Феликсом Эдмундовичем мысли имеют исключительный интерес не только для уяснения его педагогических взглядов, но и для понимания его дальнейшей практической работы. Дзержинский резко выступал против телесных наказаний и запугивания детей. «Запугиванием можно вырастить в ребёнке только низость, испорченность, лицемерие, подлую трусость, карьеризм».

Громадную роль в воспитании детей Феликс Эдмундович отводил семье. Он писал:

«Детвора не знает, не понимает, что хорошо, а что плохо,— надо её учить различать это. Она не обладает ещё сильной волей, поэтому надо прощать детям их шалости и не сердиться на них. Мало сказать только: «делай так, а этого не делай», наказать, когда ребёнок не слушается. Тогда лишь боль и страх являются его совестью, и он не сумеет в жизни отличать добро от зла. Ребёнок умеет любить того, кто его любит... и его можно воспитывать только любовью. Видя, чувствуя любовь к себе родителей, ребёнок постарается быть послушным, чтобы не огорчать их; а если он напроказит благодаря своей подвижности, своей детской живости, то сам будет жалеть о своём поступке; а когда с возрастом его сила воли окрепнет, когда он научится лучше владеть собою, тогда управлять им будет его собственная совесть, а не плохая среда, внешние жизненные условия и т. п., что так часто приводит к моральному падению. Ребёнок воспринимает горе тех, кого любит, на его юную душу влияет малейшая, казалось бы, мелочь, поэтому надо остерегаться при детях быть самым безнравственными, раздражительными, ссориться, ругаться, сплетничать и, что всего хуже, поступать вразрез со своими словами; ребёнок всё это заметит, и если даже не запомнит, то всё же в душе его останется след, и из этих следов, из этих впечатлений детства сформируется фундамент его души, совести и моральной силы. Силу воли тоже надо воспитывать. Избалованные и изнеженные дети, всякие прихоти которых удовлетворяются родителями, вырастают в выродившихся, слабовольных

эгоистов. Ибо любовь родителей не должна быть слепой... Удовлетворение всякого желания ребёнка, постоянное пичкание ребят конфетами и другими лакомствами — есть не что иное, как уродование души ребёнка».

В 1912 г. Ф. Э. Дзержинский впервые увидел своего сына Ясека. Мальчику шёл девятый месяц, и жил он в воспитательном доме для младенцев. Мать Ясека — Софью Сигизмундовну Дзержинскую царские палачи сослали в Сибирь, оторвав от восьмимесячного ребёнка. Феликс Эдмундович находился тогда на нелегальном положении и не мог даже назвать любимого ребёнка своим сыном. Он посетил воспитательный дом под видом дяди... И только осенью 1918 г. наступила первая радостная встреча. «Надо бы обладать пером художника, — пишет Софья Сигизмундовна, — чтобы описать то счастье, которым сияли лица отца и сына, когда они в эту встречу — во время нескольких дней отдыха Феликса Эдмундовича — играли друг с другом, наслаждались друг другом»¹.

Кончились суровые годы гражданской войны, и Ф. Э. Дзержинский разрабатывает планы организации широкой помощи детям. А. В. Луначарский рассказывает в своих воспоминаниях, как однажды к нему в Наркомпрос приехал Дзержинский с предложением бросить часть сил чекистов на борьбу с беспризорностью. «Я пришёл к этому выводу, — говорил Дзержинский, — исходя из двух соображений. Во-первых, это же ужасное бедствие. Ведь когда смотришь на детей, так не можешь не думать — всё для них. Плоды революции — не нам, а им. А между тем сколько их искалечено борьбой и нуждой! Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей. Одному Наркомпросу справиться не под силу. Нужна широкая помощь всей советской общест-венности. Нужно создать при ВЦИК широкую комиссию, куда бы вошли все ведомства и все организации, могущие быть полезными в этом деле. Я уже говорил кое с кем; я хотел бы стать сам во главе этой комиссии; я хочу реально включить в работу аппарат ВЧК.

К этому меня побуждает второе соображение: я думаю, что наш аппарат — один из наиболее чётко работающих. Его разветвления есть повсюду. С ним считаются. Его побаиваются. А между тем даже в таком деле, как

¹ «Молодая гвардия» № 9, 1937 г., стр. 39.

спасение и снабжение детей, встречается и халатность и даже хищничество»¹.

27 января 1921 г. при ВЦИК была создана Комиссия по улучшению жизни детей. Председателем комиссии был назначен Ф. Э. Дзержинский. Он развернул кипучую деятельность по борьбе с детской беспризорностью. Были созданы сотни детских домов и трудовых колоний, в которых дети, лишившиеся родителей, были окружены заботой и вниманием.

Ф. Э. Дзержинский привлёк на помощь детям широкие народные массы. «Товарищи! — писал Дзержинский в одном из обращений деткомиссии ВЦИК. — Наша молодая рабочая республика вышла победительницей из ожесточённой, кровавой борьбы с её заклятыми врагами — внутренней и внешней контрреволюцией. С новой силой, неизвестной умирающему буржуазному миру, забился пульс рабочей общественной жизни, застучали станки, зашумели машины, спокойнее и свободнее заходил плуг, взрывая тучную землю.

Но эта великая победа трудящихся досталась недаром. В результате титанической борьбы на организме страны остались глубокие раны, для окончательного излечения которых ещё долгое время будут требоваться громадные усилия со стороны рабочих и крестьян Советской России. Одной из этих ран является далеко ещё не полная обеспеченность детского населения страны»².

К началу 1923 г. в стране насчитывалось около 4 млн. детей-сирот. 3 млн. из них получали помощь от государства и общественных организаций. Но оставалось ещё огромное количество нуждавшихся в немедленной поддержке.

Обращение Ф. Э. Дзержинского нашло горячий отклик среди трудящихся. Борьба с детской беспризорностью стала общенародным делом.

Сам Феликс Эдмундович, несмотря на перегруженность огромной государственной работой, находил время для того, чтобы лично проверить состояние детских учреждений и принять в случае необходимости соответствующие меры.

¹ «Известия», 20 декабря 1933 г.

² «Известия», 31 марта 1923 г.

Вот одна из записей, сделанная Дзержинским в своём блокноте:

«Успенский приют. Вобла, рыба — гнилые.

Сливочное масло — испорчено
жалоб в центр не имеют права
[подавать]
хлеба и продуктов меньше выделяют

Ясли Басм. район

Приют на Покровке. Не хватает кроватей

Холодно
25 грудных детей — одна няня
на общем столе кухарка и заведующая».

Отеческая забота Ф. Э. Дзержинского о детях не могла не трогать детских сердец. Они посылали ему сотни писем с выражением горячей благодарности. Воспитанники 1-й Черноморской трудовой колонии «Детский городок» писали: «Всероссийскому попечителю о детях товарищу Дзержинскому — от бывших беспризорных детей улицы... от чистого детского сердца искренний привет. Помни и в будущем о беспризорных детях. Память же о твоих заботах долгие годы будет храниться в наших сердцах. Прими наш детский поцелуй».

Из другого детского дома просили: «Тов. Дзержинский, будь добр — пришли нам свой увеличенный портрет из новых снимков и — если есть — свою полную биографию, так как та, которую мы изучали, по мнению старых чекистов, не полная, а мы хотим знать и изучать твою полную биографию»¹.

Феликс Эдмундович бережно хранил эти свидетельства детской любви. До самых последних дней он мечтал о переходе на работу в Наркомпрос, чтобы отдать все силы делу коммунистического воспитания молодёжи.

¹ Н. Зубов, Феликс Эдмундович Дзержинский, Краткая биография, Госполитиздат, 1942, стр. 77.

Глава 6

СМЕРТЬ НА БОЕВОМ ПОСТУ

Напряжённая, кипучая работа поглощала Дзержинского. Между тем здоровье его ухудшалось с каждым годом. Сказывались царские тюрьмы и каторга, недоедание и бессонные, тревожные ночи. Во время поездки в Сибирь в 1922 г. он серьёзно заболел. В. И. Ленин назначил консилиум врачей. Феликс Эдмундович не любил показываться врачам и только после того, как ему сказали, что это личное распоряжение Ленина, дал осмотреть себя. Ему предписали покой и диету. Дзержинский считал это «роскошью». ЦК партии неоднократно настаивал на серьёзном лечении Дзержинского, но он отказывался. В октябре 1923 г. В. М. Молотов решил поставить на заседании Политбюро вопрос о предоставлении Ф. Э. Дзержинскому отпуска для лечения. Узнав об этом, Дзержинский написал в ЦК следующее письмо:

«Считаю, что давать мне сейчас отпуск вредно для дела и для меня лично по следующим соображениям.

По линии ОГПУ в связи с внутренним и международным положением, а также с сокращением нашей сметы ОГПУ будет переживать сейчас очень трудное время, и вместе с тем политическое значение его работы и ответственность неимоверно возрастут. Необходимо моё присутствие как для обеспечения полной связи с ЦК, так и для самой работы ОГПУ и для наиболее безболезненного сжатия его аппаратов, что по моей инициативе ныне производится...

По линии партийной в связи с неликвидированным ещё вопросом о «рабочей группе» уезжать мне тоже не следует, ибо могу понадобиться...

В такой критический момент покидать мне Москву и работу было бы преступно...

Все эти вопросы в связи с международной ситуацией требуют величайшего темпа и напряжения всех партсил. Уходить в отпуск мне сейчас и психологически было бы очень трудно, и отпуск не дал бы мне того, что требуется от отпуска, тем более что здоровье моё требует не отпуска, а некоторого сокращения часов ежедневной работы, на что и испрашиваю согласия...».

ЦК партии дал свою санкцию на сокращение рабочего дня, однако кипучая натура Дзержинского не укладывалась в установленные рамки. Врачей же Дзержинский всячески избегал и не позволял себя осматривать. В одной из записок врачу (29 марта 1924 г.) Феликс Эдмундович писал:

«Я всё кашляю, особенно по ночам. Мокрота густая, жёлтая. Просьба дать лекарства для дезинфекции лёгких и отхода мокроты. Осматривать меня не нужно: не могу смотреть на врачей и на осмотр не соглашусь. Прошу и не возбуждать этого вопроса». А работать Ф. Э. Дзержинский продолжал с тем же напряжением. Вот несколько заметок, сделанных им в дневнике незадолго до смерти.

16 июня 1926 г.

9 ч. 15 м. — 12 ч. ВСНХ

12 ч. — 6 ч. 30 м. — СТО

6 ч. 30 м. — 7 ч. 30 м. — обед

7 ч. 30 м. — 11 ч. 20 м. — ГПУ

17 июня 1926 г.

9 ч. 30 м. — 12 ч. — ГПУ и ВСНХ

12 ч. — 3 ч. — Комиссия Андреева о кооперации

3 ч. — 5 ч. 30 м. — Политбюро

5 ч. — 6 ч. 45 м. — обед

6 ч. 45 м. — 12 ч. 20 м. — ГПУ

18 июня 1926 г.

9 ч. 30 м. — 1 ч. — ГПУ, ВСНХ

1 ч. — 6 ч. 20 м. — СТО

6 ч. 20 м. — 7 ч. 30 м. — обед

7 ч. 30 м. — 10 ч. 15 м. — ГПУ

И так изо дня в день по 11—12 часов кипучей, напряжённой работы!

В июле 1926 г. собрался Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 20 июля на Пленуме выступил Дзержинский. В яркой и страстной речи он обрушился на троцкистов, мешавших партии в созидательной работе. Его прерывали репли-

ками Троцкий, Пятаков, Каменев и др. Но Феликс Эдмундович бросал в лицо предателям факты, изобличающие оппозицию в преступных, антисоветских действиях. Каменев пытался вывернуться. Он бросил с места реплику: «Вы четыре года нарком, а я только несколько месяцев». На это Дзержинский ответил с презрением: «А вы будете 44 года и никуда не годны, потому что вы занимаетесь политиканством, а не работой. А вы знаете отлично, моя сила заключается в чём? Я не щажу себя никогда... Я никогда не кривлю душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них...».

Уже во время этой пламенной речи Феликс Эдмундович часто хватался за грудь, точно пытаясь сдержать биение своего сердца. Друзья, наблюдавшие за его бледным, взволнованным лицом, тревожно переглядывались. Но они и представить себе не могли, что приближается конец. Смерть уже витала над благородным рыцарем революции.

С трудом он сошёл с трибуны. Огромным напряжением воли он заставил себя пройти в соседнюю комнату и лечь на диван. Когда первый приступ прошёл, он медленно поднялся в свою квартиру. Подойдя к постели — упал. Через несколько минут сердце Феликса Эдмундовича перестало биться.

Партия коммунистов и Советская страна потеряли одного из самых выдающихся своих вождей, благороднейшего борца коммунистической революции, неутомимого строителя социалистической промышленности, вечного труженика и бесстрашного солдата великих боёв.

В обращении ко всем членам партии, рабочим, трудящимся, Красной Армии и флоту ЦК ВКП(б) и ЦК ВКП(б) писали: «В застенках царской России, в сибирской ссылке, в нескончаемо долгие годы каторжной тюрьмы, в кандалах и на свободе, в подполье и на государственном посту, в ЧК и на строительной работе — всегда, везде, всюду Феликс Дзержинский был на передовой линии огня... Его дело было прекрасно. Прекрасна была и его замечательная жизнь. Прекрасна его смерть на боевом посту».

Благородный облик Феликса Эдмундовича живёт и вечно будет жить в сердцах миллионов трудящихся. Героический жизненный путь товарища Дзержинского будет всегда служить образцом верности своему народу, Коммунистической партии, делу коммунизма.

К 28
1958

1 р. 50 к.

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1956